

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ
ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

Панько Никита Клавдиевич

**ПРИНЦИП «ОДНОГО КИТАЯ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ
ТАЙВАНЯ**

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель
Доктор политических наук, профессор
Рыхтик Михаил Иванович

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	27
1.1. Неоклассический реализм как теоретическая основа анализа подходов Тайваня к принципу «одного Китая»	28
1.2. Принцип «одного Китая» в правовом измерении Тайваня	43
ГЛАВА 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ТАЙВАНЯ К ПРИНЦИПУ «ОДНОГО КИТАЯ»	55
2.1. Партийно-политическая конкуренция и трансформация подходов Тайваня к принципу «одного Китая»	56
2.2. Трансформация тайваньской идентичности и общественных настроений как фактор внешнеполитического выбора.....	81
ГЛАВА 3. ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	107
3.1. Политика КНР и трансформация отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.....	107
3.2. Американский фактор в эволюции подходов Тайваня к принципу «одного Китая»	120
3.3. Развитие японо-тайваньских отношений в условиях трансформации региональной стратегической среды	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	152
ПРИЛОЖЕНИЯ	188

В диссертационном исследовании используются материалы с официальных сайтов органов государственной власти и сайтов средств массовой информации (СМИ) стран, недружественных для Российской Федерации ¹ : Тайвань, Великобритании, государств-членов Европейского Союза (ЕС), Соединённых Штатов Америки (США), Японии. Использование данных материалов необходимо с точки зрения проведения объективного анализа исследуемой проблематики.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р (ред. от 29.10.2022) <Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц> // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 08.04.2026).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В последние годы система международных отношений переживает период глубокой трансформации, характерной чертой которой стала деглобализация, сопровождающаяся регионализацией и формированием альтернативных центров силы. Усиление стратегического соперничества между США и КНР выступает лишь одним из проявлений более широкого процесса – перехода от относительно устойчивой иерархичной системы международных отношений к более сложной и поляризованной структуре международного взаимодействия.

Наряду с этими процессами происходит переосмысление роли государств в мировой политике. Ранние исследования международных отношений в основном были сосредоточены на поведении великих держав, однако в последние десятилетия возрастает значение региональных акторов, обладающих собственными интересами и способностью к самостоятельному стратегическому выбору. Показательным примером выступает Тайвань, чья внутривнутриполитическая и внешнеполитическая линия формируется в условиях партийной конкуренции и давления со стороны КНР. Последнее носит системный характер и включает регулярную демонстрацию военной силы вблизи острова, ограничение международных контактов Тайбэя, а также использование инструментов «серой зоны», направленных на постепенное изменение статус-кво без прямой эскалации².

Несмотря на высокий уровень внешней угрозы, Тайбэй не следует логики примыкания, а формирует собственную интерпретацию концепции «одного Китая», которая, в отличие от позиции КНР, рассматривается не как безусловная основа политического объединения, а как инструмент поддержания статус-кво. Практическая реализация такой стратегии происходит в виде наращивания военного потенциала, поиска новых партнеров, расширения сотрудничества с идеологическими союзниками, в том числе США, которые придерживаются

² Weekly Security Review // Taiwan Security Monitor. – 27.04.2026. – URL: <https://tsm.schar.gmu.edu/weekly-security-review-4-27-26/> (дата обращения: 05.05.2026).

собственной политики «одного Китая», которая не тождественна принципу «одного Китая» в официальной трактовке КНР.

Схожие тенденции прослеживаются и в политике Японии, которая решительно отстаивает свои интересы в Тайваньском проливе в силу географических и геополитических причин. Растущие связи между Тайванем и Японией свидетельствуют о совпадении интересов сторон в сфере безопасности и сдерживания региональных угроз.

Расширение круга вовлеченных акторов позволяет сделать вывод о том, что тайваньская проблема приобретает выраженное международное измерение. Тайваньская проблема – не просто территориальный вопрос, а символ геополитического противостояния, проходящего между США и КНР в экономической, военной и идеологической плоскостях. В таких условиях тайваньская проблема затрагивает интересы не только непосредственных участников, но и других крупных международных субъектов, включая Россию. Для Москвы концепция «одного Китая» связана с принципами суверенитета и территориальной целостности, а поддержка принципа «одного Китая» обусловлена развитием всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с КНР, которое рассматривается РФ как одно из ключевых направлений во внешней политике³.

Все эти факторы обуславливают необходимость рассмотрения проблемы «одного Китая» через призму анализа как структурных характеристик международной системы, так и внутренних тайваньских политических процессов, а также влияния внешнеполитических обстоятельств на трансформацию политики тайваньских администраций в отношении концепции «одного Китая». Такой подход позволяет не только точнее интерпретировать современные позиции Тайбэя, но и преодолеть многие идеологические барьеры, которые мешают объективному изучению тайваньского вопроса.

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. – 21.03.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 05.05.2026).

Степень научной разработанности проблемы

Проблема «одного Китая» давно занимает важное место в исследованиях международных отношений. В российской и зарубежной научной литературе рассматриваются статус Тайваня, политика КНР в отношении острова, внешнеполитические подходы Тайбэя, роль США и региональных акторов, а также внутривнутриполитические процессы, оказывающие влияние на формирование тайваньской внешней политики. С учетом предмета настоящего исследования существующую литературу целесообразно разделить на семь основных групп.

Первая группа включает теоретические исследования, формирующие методологическую основу анализа. К ней относятся работы представителей неореалистской традиции. Важное место занимает концепция структурного реализма К. Уолтца⁴. Существенный вклад в развитие неореалистской традиции внес Дж. Миршаймер⁵, обосновавший логику поведения великих держав в условиях международной анархии. Значение для исследования имеют и работы Р. Джервиса, посвященные роли восприятия в международной политике⁶.

К неоклассическому реализму, развивающему идеи неореализма с учетом внутренних факторов государства, относятся работы российских исследователей, применяющих его положения к изучению международных отношений: В.Н. Конышев⁷, И.А. Чихарев и А.А. Косоруков⁸. Среди зарубежных авторов следует выделить Д. Десслера⁹, Э. Гарцке, К. Гледича¹⁰, Р. Швеллера¹¹,

⁴ Waltz K.N. *Theory of International Relations* / K.N. Waltz. – Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. 1979. – 251 p.

⁵ Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics* / J.J. Mearsheimer. – New York: W.W. Norton & Company. – 2001. – 588 p.

⁶ Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics. New Edition* / R. Jervis. – New Jersey: Princeton. – University Press. – 2017. – 544 p.

⁷ Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений / В.Н. Конышев // *Политические исследования*. – 2020. – №4. – С. 94–111.

⁸ Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса / И.А. Чихарев., А.А. Косоруков // *Вестник Московского университета*. – 2010. – Сер. 12. – № 1. – С. 50–66.

⁹ Dessler D. *What's at Stake in the Agent-Structure Debate* / D. Dessler // *International Organization*. – 1989. – Vol. 43. – Issue 3. – P. 441–473.

¹⁰ Gartzke E., Gleditsch K.S. *Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide* / E. Gartzke., K.S. Gleditsch // *European Journal of International Relations*. – 2006. – No. 1. – P.53–87.

¹¹ Schweller R. *Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing* / R. Schweller // *International Security*. 2004. – Vol. 29. – No. 2. – P.159–201.

Г. Роуза¹², С.Э. Лобелла, Н.М. Рипсмана, а также Д.У. Талиаферро¹³. Их работы позволяют рассматривать внешнеполитическое поведение государства как результат взаимодействия структурных стимулов международной системы и внутренних политических факторов.

Ко второй группе относятся исследования, посвященные анализу положения Тайваня в системе международных отношений, международно-правовым аспектам тайваньского вопроса и различным интерпретациям принципа «одного Китая». В российской историографии данные вопросы рассматриваются в работах Г.Н. Андреевой¹⁴, Г.В. Зиновьева¹⁵, А.В. Ломанова¹⁶, Е.Н. Степановой, а также Е.Н. Смирнова¹⁷. Подходы самого Тайбэя к стратегическому планированию анализируются в работе А.В. Федотова¹⁸. Значительный вклад в исследование внешней политики Тайваня внесла Я.В. Лексютина¹⁹. Наиболее комплексный анализ тайваньской проблемы и ее современного состояния представлен в работе П.М. Мозиас²⁰. Работы Н.С. Кулешовой и Ч. Чэна анализируют силовой сценарий решения тайваньской проблемы²¹.

В зарубежной литературе международно-политические и дипломатические аспекты Тайваня исследуются Т. Шаттаком, рассматривающим процесс

¹² Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // *World Politics*. 1998. – Vol. 51. – No. 1. – P. 144-172.

¹³ Lobell S.E., Ripsman N.M., Taliaferro J.W. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / S.E. Lobell., N.M. Ripsman., J.W. Taliaferro // Cambridge: Cambridge University Press. – 2009. – 324 p.

¹⁴ Андреева Г.Н. Опыт законодательного регулирования сецессий в трех странах: СССР, КНР, Канаде / Г.Н. Андреева // *Lex Russia*. – 2020. – Т.73. – №11. – С. 118-128.

¹⁵ Зиновьев Г.В. Четвертое поколение китайского руководства и тайваньский вопрос / Г.В. Зиновьев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 10. – С. 54-62.

¹⁶ Ломанов А.В. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня / А.В. Ломанов // *ИМЭМО РАН*. – 2022. – № 2. – С. 150-174.

¹⁷ Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Большой Китай: региональные политические проблемы: монография / Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова. – Москва: Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. – 2023. – 272 с.

¹⁸ Федотов А.В. Стратегическое планирование в политической системе современного Тайваня / А.В. Федотов // *Российское китаеведение*. – 2025. – № 4. – С. 28-48.

¹⁹ Лексютина Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем / Я.В. Лексютина // *Journal of International Analytics*. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 76-93.

Лексютина Я.В. О политике США в отношении Китая при администрации Д. Трампа / Я.В. Лексютина // *Аналитические записки ИКСА РАН*. – 2024. – С. 17-21.

Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – С. Петербург: Издательство С. Петербургского университета. – 2009. – 199 с.

²⁰ Мозиас П.М. Тайваньская проблема: неопределенность нарастает / П.М. Мозиас // *Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература*. – 2025. – № 2. – С. 90-121.

²¹ Кулешова Н.С., Чжан Ч. Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации / Н.С. Кулешова., Ч. Ужан // *Обозреватель*. – 2022. – №9-10. – С. 5-28.

сокращения числа дипломатических партнеров Тайваня под воздействием активной политики Пекина²². Международно-правовое содержание американской политики «одного Китая» анализирует Цзянь Юйфань²³. Эволюции концептуальных рамок «одного Китая» посвящены исследования А. Лиффа, Л. Далтона²⁴, а также А. Джаш²⁵.

Третья группа включает исследования экономического, политического и военно-стратегического взаимодействия между Тайванем и материковым Китаем. Экономические отношения между КНР и Тайванем представлены в ряде отечественных и тайваньских работ. А.Л. Верченко анализирует Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (ECFA)²⁶. Статья А.М. Русакова посвящена т.н. «кремниевому щиту» – полупроводниковой промышленности Тайваня²⁷. Чэнь Кайчен исследует экономическую политику Цай Инвэнь²⁸. Г. Шуберт рассматривает позиции тайваньских предпринимателей, работающих на материке (тайшан)²⁹. В работе Чунь Или и Джан Кнориха раскрываются причины слабой эффективности экономического давления КНР на Тайвань³⁰. Аналогичный вывод делают Дж. Марк и Н. Грэм³¹. Политико-дипломатическая динамика в Тайваньском проливе раскрывается в работах Р. Росса³², а также Дж. Салливана,

²² Shattuck T.J. The Race to Zero? China's Poaching of Taiwan Diplomatic Allies / T.J. Shattuck // Elsevier. – 2020. – P.334-352.

²³ Chiang Y.F. One-China Policy and Taiwan / Y.F. Chiang. – New York: Fordham International Law Journal. – 2004. – Vol. 28. – Issue 1. – 87 p.

²⁴ Adam P.L., Lin D. The "One China" Framework at 50 (1972-2022): The Myth of "Consensus" and its Evolving Policy Significance / L.P. Adam., D. Lin // Cambridge University Press. – 2022. – P. 977-1000.

²⁵ Amrita J. The "One-China Principle": China's "Norm" versus Global Realities / J. Amrita // Global Taiwan Institute. – Vol. 9. – Issue 4. – 2024. – P. 4-9.

²⁶ Верченко А.Л. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива: экономика и политика / А.Л. Верченко // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 2. – С. 193-200.

²⁷ Русаков А.М. Роль предприятия TSMC на международном рынке полупроводниковой продукции / А.М. Русаков // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №7. – С. 176-181.

²⁸ Chen Chienkai. Taiwan Economic Policy Toward China under the Tsai Ing-wen Administration / Chienkai Chen // East-West Center Occasional Paper. – 2024. – No. 5.– 13 p.

²⁹ Schubert G. The Political Thinking of the Mainland Taishang: Some Preliminary Observations from the Field / G. Schubert // Journal of Current Chinese Affairs. – 2010. – No. 1. – P. 73-110.

³⁰ Lee C.Y., Knoerich J. Buying Taiwan? The Limitations of Mainland Chinese Cross-Strait Direct Investments as a Tool of Economic Statecraft / C.Y. Lee., J. Knoerich // The China Quarterly. – 2024. – № 257. – P. 202-221.

³¹ Mark J., Graham N. Relying on Old Enemies: The Challenge of Taiwan's Economic Ties to China / J. Mark., N. Graham // Atlantic Council. – 2023. – 21 p.

³² Ross R.S. Explaining Taiwan's revisionist diplomacy / R.S. Ross // Journal of Contemporary China. – 2006. – P. 443-458.

анализирующего эволюцию курса администраций Чэнь Шуйбяня и Цай Инвэнь³³. Военно-политическое измерение отношений в Тайваньском проливе раскрывается в работе Б. Эллемана³⁴. В исследовании Д. Артура и Х. Пола анализируется восприятие военной мощи Китая в тайваньском обществе³⁵.

Четвертая группа объединяет исследования, посвященные политике США в отношении Тайваня. Эволюция американской политики в отношении острова рассматривается в исследованиях А.В. Волошиной³⁶, Н.О. Бабушок³⁷, Л. Эсташи³⁸, В.В. Харичкова³⁹. Историческая ретроспектива американского участия в конфликте в Тайваньском проливе подробно раскрывается в работах Р. Хьюгара⁴⁰, Р. Херсмана и Р. Питера⁴¹, Г.И. Шерифа, Б.Т. Чубадо и А. Ахмета⁴². Совокупность данных работ позволяет проследить трансформацию американского подхода к Тайваню.

К пятой группе относятся работы, посвященные тайваньско-японским отношениям. Среди российских исследователей, анализирующих данную проблематику, можно выделить В.О. Кистанова⁴³, В.А. Перминову⁴⁴,

³³ Sullivan J. Will Lowe Chen Shui-bian: On Independence / J. Sullivan // *The China Quarterly*. – 2010. – No. 203. – P. 619-638.

³⁴ Bruce A.E. Taiwan's Offshore Islands, Pathway or Barrier? / A.E. Bruce // Newport: U.S. Naval War College Press. – 2019. – 143 p.

³⁵ Ding A.S., Huang P.A. Taiwan's Paradoxical Perceptions of the Chinese Military More Capable but Less Threatening? / A.S. Ding., P.A. Huang // *China Perspectives*. – 2011. – №4. – P. 43-51.

³⁶ Волошина А.В. Конец Политики «Стратегической неопределенности» США в отношении Тайваня? / А.В. Волошина // *Россия и Америка в XXI веке*. – 2022. – № 1. – С. 8-10.

³⁷ Бабушок Н.О. Фактор Тайваня в американо-китайских отношениях / Н.О. Бабушок // *Россия и современный мир*. – 2024. – № 1. – С. 126-139.

³⁸ Эсташи Д. Разворот в сторону Азии: глобальная стратегия США? / Д. Эсташи // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. – 2013. – №5. – 206 с.

³⁹ Харичков В.В. Эволюция отношений США и Тайваня: история и современность / В.В. Харичков // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2024. – Т. 12. – № 2. – С. 107-226.

⁴⁰ Hugar R.W. Cold War Economic Ideology and US Aid to Taiwan 1950-1965 / R.W. Hugar // Lynchburg: Liberty University. – 2022. – 320 p.

⁴¹ Hersman R.K., Peters R. Nuclear U-Turns Learning from South Korea and Taiwanese Rollback / R.K. Hersman., R. Peters // *Nonproliferation Review*. – 2006. – Vol. 13. – No.3. – P. 539-553.

⁴² Sheriff G.I., Chubada B.A. The One-China Policy and Implications of U.S. Invariable Support for Taiwan / G.I. Sheriff., B.A. Chubada // *African Journal of Law, Political Research and Administration*. – 2021. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 40-52.

⁴³ Кистанов В.О. Тайвань и безопасность Японии: анатомия японских подходов к тайваньскому вопросу / В.О. Кистанов // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2020. – №6. – С. 28-43.

⁴⁴ Перминова В.А. Проблемы исторического наследия японского колониального правления на современном Тайване / В.А. Перминова // *Восточная Азия: факты и аналитика*. – 2025. – №4. – С. 70-84.

А.С. Каимову⁴⁵, П.В. Кульневу⁴⁶ и В.Э. Молодякова⁴⁷. Среди зарубежных авторов следует отметить Есихидэ Соэя⁴⁸ и Чэнь Юхуа⁴⁹.

Шестая группа объединяет исследования внутриполитической трансформации Тайваня и партийно-политической конкуренции. Обращение к данной группе работ обусловлено необходимостью определить, каким образом внутриполитические процессы и партийная борьба влияют на формирование курса тайваньских администраций в отношении принципа «одного Китая».

Партийно-политическая конкуренция была подробно исследована В.Г. Буровым⁵⁰, Е.Н. Степановой⁵¹, В.В. Малявиным, А.В. Волошиной⁵², Д.О. Алексеевым⁵³, а также А.И. Лычагиным и И.Д. Комаровым⁵⁴. Среди зарубежных авторов наиболее комплексно эволюцию партийной системы Тайваня рассматривает Д. Фелл⁵⁵. Автор в своей книге подробно осветил период от становления Демократической прогрессивной партии (ДПП) в качестве ключевой оппозиционной партии до прихода к власти Цай Инвэнь в 2016 г. Г. Шуберт фиксирует формирование определенного консенсуса в Гоминьдане и ДПП относительно статуса острова⁵⁶. Схожую тему затрагивает М. Маттлин,

⁴⁵ Каимова А.С., Денисов И.Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности / А.С. Каимова., И.Е. Денисов // Сравнительная политика. – 2022. – Т. 13. – № 1–2. – С. 116-138.

⁴⁶ Кульнева П.В. 50-летие нормализации японо-китайских отношений: итоги и проблемы / П.В. Кульнева // Ежегодник Японии. – 2022. – Т. 51. – С. 15-39.

⁴⁷ Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е-1930-е годы / В.Э. Молодяков. – Москва: Ежегодник Японии. – 2016. – С. 162-165.

⁴⁸ Soeya, Y. Japan: normative constraints versus structural imperatives / Y. Soeya // Stanford University Press. – 1998. – P. 198-233.

⁴⁹ Chen Yu-Hua. Japan's Policy in the Xi Jinping Era: Moving Toward Strategic Clarity / Yu-Hua Chen // Przegląd Strategiczny. – 2022. – N15. – 307 p.

⁵⁰ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / В.Г. Буров. – Москва: Иф Ран. – 1998. – 238 с.

⁵¹ Степанова Е.Н. Земельная политика и особенности формирования и функционирования политических институтов в сельском Тайване / Е.Н. Степанова // Восток. – 2024. – №6. – С. 88-98.

Степанова Е.Н. Дальнейшая демократизация политической системы Тайваня при условии сохранения стабильности / Е.Н. Степанова // Век глобализации. – 2025. – №2. – С. 114-127.

⁵² Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности / А.В. Волошина // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – №11. – С. 47-57.

⁵³ Алексеев Д.О. Макрополитическая идентичность жителей Тайваня в дискурсе политических элит Демократической прогрессивной партии в период президенства Цай Инвэнь / Д.О. Алексеев // Вестник Пермского университета. Политология – 2025. – С. 5-14.

⁵⁴ Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты / А.И. Лычагин, И.Д. Комаров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – №3. – С. 530-538.

⁵⁵ Fell D. Government and Politics in Taiwan – second edition / D. Fell // New York: Routledge. – 2018. – 330 p.

⁵⁶ Schubert G. Taiwan Political Parties and National Identity: The Rise of an Overarching Consensus / G. Schubert // Asian Survey. – 2004. – Vol. 44. – No. 4. – P. 534-554.

показывающий, что при смене партий базовое содержание политики в отношении КНР зачастую сохраняется, меняется лишь риторическое оформление⁵⁷.

К седьмой группе относятся исследования, посвященные трансформации тайваньской идентичности, а также роли поколений в политическом процессе. Обращение к данной группе работ связано с тем, что идентичность и поколенческая динамика рассматриваются в качестве внутренних переменных, способных преломлять воздействие внешних факторов и влиять на формирование внешнеполитического курса тайваньских администраций.

Российская школа тайваньских исследований в данном направлении представлена исследованиями А.Д. Дикарева и А.В. Лукина, которые рассматривают концепт «тайваньской нации»⁵⁸, а также работами А.С. Каимовой и И.Е. Денисова, где анализируется эволюция тайваньской идентичности сквозь исторические перипетии⁵⁹. Наряду с российскими исследованиями, значительный вклад в разработку данной проблематики вносят зарубежные авторы. Историческое развитие идентичности раскрывается в работах Т.Л. Сэндел⁶⁰, Д. Яна, М. Чана⁶¹, И Синьпина⁶² и К.Р. Хьюза⁶³.

Роль поколений в политике рассмотрена в фундаментальной работе К. Маннгейма⁶⁴. Ш. Риггер наиболее подробно описала различные этапы развития

⁵⁷ Mattlin M. Same Content, Different Wrapping: Cross-Strait Policy Under DPP Rule / M. Mattlin // *China perspectives*. – 2004. – No. 56. – 13p.

⁵⁸ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Тайваньская нация: от мифа к реальности? / А.Д. Дикарев., А.В. Лукин // *Сравнительная политика*. – 2021. – №1. – С. 118-133.

⁵⁹ Каимова А.С., Денисов И.Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности / А.С. Каимова., И.Е. Денисов // *Сравнительная политика*. – 2022. – Т.13. – №1-2. – С. 116-138.

Каимова А.С. «Выборы на Тайване» - 2024 и будущее отношений между двумя берегами Тайваньского пролива / А.С. Каимова // *Российское китаеведение*. – 2024. – №4. – С. 6-19.

⁶⁰ Sandel T.L. Linguistic Capital in Taiwan: The KMT's Mandarin Language Policy and its Perceived Impact on Language Practices of Bilingual Mandarin and Tai-gi speakers / T.L. Sandel // *Language in Society*. – 2003. – Vol. 32. – P. 523-551.

⁶¹ Yang D., Chang M. Understanding the Nuances of Waishengren / D. Yang., M. Chang // *China Perspectives*. – 2010. – Issue 3. – P. 108-122.

⁶² И Синьпин [易星萍]. Я не живу за “бамбуковым забором”: жизненная история женщины-вайшэньжэнь в хакка-деревне (1950–1980 гг.) [我不住在「竹籬笆」：一個外省女性的客家村落生命史 (1950-1980)] / Синьпин И [星萍易] // Диссертация магистерской программы для работающих специалистов по направлению «Хаккское общество и культура» факультета хаккской культуры Национального университета Цзяотун [國立交通大學客家文化學院客家社會與文化教師碩士在職專班論文]. – 2009. – 98 с.

⁶³ Ash R., Garver J.W., Prime P. Taiwan's Democracy: Economic and Political Challenges / R. Ash., J.W. Garver., P. Prime // London: Routledge. – 2011. – 216 p.

⁶⁴ Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // Routledge. – 1972. – P. 276-322.

тайваньских поколений на Тайване через призму поколенческих теорий⁶⁵. Работы М. Макконахи⁶⁶, Л. Нахмана⁶⁷, Д. Сирса, Н. Валентина⁶⁸, У. Лайонса, а также Р. Александера⁶⁹ дополняют работу Ш. Риггер тем, что представляют обновленный взгляд на развитие тайваньских поколений. В статье Д.В. Хо прослеживается эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности в увязке с динамикой отношений с КНР⁷⁰. Наконец, в более широком теоретическом контексте проблема взаимосвязи идентичности, эмоций и политического участия рассматривается Дж. Джаспером и А. Желниной⁷¹. Китайский взгляд на проблему тайваньской идентичности отражен в работах Цзе Далей⁷², Янь Цзюна⁷³ и Чжоу Чжихуая⁷⁴.

Объект исследования – политика Тайваня в отношении принципа «одного Китая».

Предмет исследования – факторы трансформации тайваньской политики в отношении принципа «одного Китая».

Цель исследования – определить взаимосвязь экзогенных и эндогенных факторов в трансформации подходов тайваньской администрации к принципу «одного Китая».

⁶⁵ Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism / S. Rigger // Washington: Policy Studies. – 2006. – Issue 26. – 74 p.

⁶⁶ MaConaghy M. The potentials of occlusions of Zhonghua mingue Taiwan: in search of left nationalism in the Tsai Ing-wen era / M. MaConaghy // Open Cultural Studies. – 2021. – Vol. 6. – №1. – P. 38-53.

⁶⁷ Nachman L. Feeling Blue: Are Taiwanese Youth Becoming Less Pro-independence? / L. Nachman // Wilson China Fellowship. – 2024. – P. 301-319.

⁶⁸ Sears, D.O., Valentino N.A. Politic Matters: Political Events as Catalysts for Preadult Socialization / D.O. Sears., N.A. Valentino // American Political Science Review. – 1997. – Vol. 91. – №1. – P. 45-65.

⁶⁹ Lyons W., Alexandre R. A tale of Two Electorates; Generational; Replacement and the Decline of Voting in Presidential Elections / W. Lyons., R. Alexandre // Journal of Politics. – 2000. – Vol. 62. – №4. – P. 14-34.

⁷⁰ Хо Д.В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой / Д.В. Хо // Н.Экст. – 2022. – №3 (19). – С. 68-81.

⁷¹ Jasper J.M., Zelnina A. Identity, Emotions, and Political Participation / J.M. Jasper., A. Zelnina // Oxford University Press. – 2022. – P. 652-668.

⁷² Цзе Далэй [节大磊]. Заблуждения о тайваньской идентичности [台湾认同的迷思] / Далэй Цзе [大磊节] // Вестник факультета международных отношений Пекинского университета [北京大学国际关系学院]. – 2015. – P. 128-139.

⁷³ Янь Цзюнь [严峻]. Анализ политики материкового Китая в отношении Тайваня в новой ситуации отношений между двумя сторонами пролива [试析两岸关系新形势下大陆对台政策] / Цзюнь Янь [峻严] // Современные тайваньские исследования [现代台湾研究]. – No 5. – 6 с.

⁷⁴ Чжоу Чжихуай [周志怀]. Укрепление и углубление мирного развития отношений между двумя берегами [两岸关系和平发展的巩固与深化]: сборник материалов научной конференции Всекитайского общества исследований Тайваня 2012 года [全国台湾研究会 2012 年学术研讨会论文选编] / Чжихуай Чжоу [志怀周] (гл. ред.) // Пекин: Цзючжоу чубаньшэ [九州出版社]. – 2013. – 544 с.

Реализация данной цели подразумевает решение следующих **задач**:

- 1) Определить теоретические рамки и ключевые подходы для анализа принципа «одного Китая»;
- 2) Выделить основные этапы и особенности эволюции правовой интерпретации концепции «одного Китая» на Тайване;
- 3) Проанализировать трансформацию подходов Гоминьдан и Демократической прогрессивной партии к концепции «одного Китая», а также выявить ключевые факторы их трансформации;
- 4) Выявить влияние смены поколений и трансформации тайваньской идентичности на восприятие концепции «одного Китая» в тайваньском обществе;
- 5) Определить влияние КНР на политический курс Тайваня;
- 6) Установить роль США в формировании стратегических рамок тайваньской политики;
- 7) Проанализировать развитие японо-тайваньских отношений и оценить их влияние на региональную динамику и тайваньскую политику.

Основная гипотеза заключается в том, что трансформация подходов Тайваня к принципу «одного Китая» происходит под воздействием изменений регионального баланса сил, однако характер и масштаб реакции Тайбэя на данные структурные стимулы определяются внутренними промежуточными переменными, включая партийную конкуренцию, особенности демократического процесса, трансформацию идентичности и поколенческие изменения, а также ограниченность ресурсного потенциала острова. В результате Тайвань не переходит ни к примыканию к более сильному актору, ни к полноценному балансированию, а реализует стратегию ограниченного балансирования, сочетающую развитие собственных асимметричных оборонных возможностей с курсом на сохранение статус-кво.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1990 по 2026 гг. Выбор нижней рамки обусловлен тем, что 1990-е годы связаны с завершением авторитарного периода и переходом Тайваня к демократической модели развития.

Политическая модернизация существенно трансформировала характер отношений между Тайбэем и Пекином.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Диссертационное исследование базируется на методологическом инструментарии, который интегрирует как общенаучные методы познания, так и ключевые методы политической науки. В исследовании используется системный подход, позволяющий рассматривать тайваньский вопрос как элемент более широкой структуры международных отношений, а также анализировать взаимодействие внешних и внутренних факторов.

В работе применяются следующие методы политической науки: сравнительный анализ используется для сопоставления подходов различных администраций Тайваня к принципу «одного Китая», а также для выявления изменений во внешнеполитическом курсе в различные периоды. Метод анализа документов позволяет исследовать официальные позиции Тайбэя, США и КНР, зафиксированные в программных и стратегических материалах. Качественный контент-анализ применяется для систематизации содержания официальных документов, партийных программ, публичных выступлений и материалов средств массовой информации. В качестве основных категорий анализа выделяются интерпретации принципа «одного Китая», отношение к сохранению статус-кво, а также вопросы идентичности и восприятия КНР. Сопоставление указанных категорий в период с 1990 по 2026 г. позволяет определить изменения политической повестки и риторики тайваньских администраций. Дискурс-анализ используется для выявления изменений в смысловом наполнении ключевых политических понятий. Особое внимание уделяется интерпретации понятий «одного Китая» и статус-кво. Ивент-анализ используется для рассмотрения ключевых событий, оказавших влияние на трансформацию политики Тайваня. Статистический анализ применяется для обработки и сопоставления данных социологических исследований. Сопоставление данных об идентичности и предпочтениях в отношении будущего статуса Тайваня дает возможность выявить

устойчивые тенденции в общественных настроениях и соотнести их с поколенческими и политическими изменениями.

Автор обращается к ключевым теоретическим положениям неоклассического реализма, в рамках которого изменение регионального баланса сил, рост военной мощи КНР и американо-китайское и китайско-японское соперничество рассматриваются как структурные факторы, преломляющиеся через внутренние переменные, такие как работа политических институтов, развитие элит и эволюция самоопределения и поколений на острове.

Сочетание указанного теоретического подхода и методов обеспечивает комплексный и всесторонний анализ влияния внутренних и внешних факторов на трансформацию политики Тайваня в отношении принципа «одного Китая».

Эмпирическая база исследования представлена следующими группами источников:

Первую группу составляют международные договоры и документы международных организаций, среди которых Договор о мире между Китайской Республикой и Японией⁷⁵; Руководящие принципы сотрудничества в области обороны между США и Японией⁷⁶; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2758 (1971) «О восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединённых Наций»⁷⁷; резолюция Сената США относительно интерпретации данной резолюции и политики «одного Китая»⁷⁸, а также резолюция Европейского парламента от 24 октября 2024 г. по вопросу интерпретации резолюции 2758 и военной активности КНР вокруг Тайваня⁷⁹.

⁷⁵ Treaty of Peace between the Republic of China and Japan // Taiwan Documents Project. – URL: <http://www.taiwandocuments.org/taipei01.htm> (дата обращения: 02.04.2026).

⁷⁶ The Guidelines for Japan-U.S. Defense cooperation. – WARP. – URL: https://warp.ndl.go.jp/web/20201201124744/www.mod.go.jp/e/d_act/us/ampo/pdf/19970923.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

⁷⁷ United Nations. General Assembly Resolution №2758 (1971) Restoration of the lawful rights of the People's Republic of China in the United Nations. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 27.03.2026).

⁷⁸ Resolution expressing the sense of the Senate regarding UN General Assembly Resolution 2758 (XXVI) and the harmful conflation of China's "One China Principle" and the US "One China Policy" // Congress.gov. – 20.02.2025. – URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-resolution/86/text?utm_source. (дата обращения: 28.03.2026).

⁷⁹ Resolution of 24.10.2024 in the Misrepresentation of UN Resolution 2758 and Continued Military Provocations by China around Taiwan, 24.10.2024 // European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2024-0030_EN.html. (дата обращения: 28.03.2026).

Вторую группу составляют нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики, включая Конституцию Китайской Народной Республики⁸⁰; Закон КНР «О противодействии расколу государства»⁸¹; Закон КНР «О национальной безопасности»⁸²; Закон КНР «О национальной обороне»⁸³, а также официальные программные документы, в том числе белые книги по тайваньскому вопросу⁸⁴, а также документ «Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху»⁸⁵.

К третьей группе относятся нормативно-правовые акты и официальные документы Китайской Республики (Тайвань), среди которых Конституция Китайской Республики⁸⁶; Дополнительные статьи Конституции Китайской Республики⁸⁷; Закон «О регулировании отношений между населением Тайваньского района и материкового района»⁸⁸; Закон «О противодействии инфильтрации»⁸⁹; Закон «О защите засекреченной информации в сфере национальной безопасности»⁹⁰; Закон «О международном сотрудничестве и

⁸⁰ Constitution of the People's Republic of China // The State Council The People's Republic of China. – 20.11.2019. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 21.04.2026).

⁸¹ Anti-Secession Law // The National People's Congress of the People's Republic of China. – 2005. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/200712/13/content_1384099.htm. (дата обращения: 19.04.2026).

⁸² Закон о национальной безопасности [中华人民共和国国家安全法]. – Портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики [中国政府网]. – 01.07.2015. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm. (дата обращения: 20.04.2026).

⁸³ Закон о национальной обороне [中华人民共和国国防法]. – Министерство обороны КНР [中华人民共和国国防部]. – 27.12.2020. – URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html>. (дата обращения: 19.04.2026).

⁸⁴ Белые книги по тайваньскому вопросу [台湾问题白皮书]. – Министерство иностранных дел [中华人民共和国外交部] – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zl_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/ (дата обращения: 19.04.2026).

⁸⁵ Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху [台湾问题与新时代中国统一事业]. – Госсовет КНР [中华人民共和国中央人民政府]. – 10.08.2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

⁸⁶ Constitution of the Republic of China (Taiwan) // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000001> (дата обращения: 25.03.2026).

⁸⁷ Additional Articles of the Constitution of the Republic of China // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000002> (дата обращения: 26.03.2026).

⁸⁸ Act Governing Relations between the People of the Taiwan Area and the Mainland Area // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=Q0010001> (дата обращения: 26.03.2026).

⁸⁹ Anti-Infiltration Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – 2020. – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030317> (дата обращения: 08.06.2026).

⁹⁰ Classified National Security Information Protection Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=I0060003> (дата обращения: 28.03.2026).

развитии»⁹¹; Закон «О национальной обороне»⁹²; Закон «О национальной безопасности»⁹³; закон «О политических жертвах»⁹⁴; Руководящие принципы национального объединения⁹⁵; Национальный план действий в области открытого правительства⁹⁶, а также Разъяснительный документ о взаимоотношениях между двумя берегами Тайваньского пролива (1994 г.)⁹⁷, программные документы партии Гоминьдан⁹⁸, а также ДПП⁹⁹.

К четвертой группе относятся стратегические документы Соединённых Штатов Америки, включая Закон «Об отношениях с Тайванем»¹⁰⁰; Закон «О поездках на Тайвань»¹⁰¹, а также материалы Государственного департамента США¹⁰², в том числе «Отношения США с Тайванем»¹⁰³; «Статус основного союзника вне НАТО»¹⁰⁴ и сборники документов «Внешние отношения США»¹⁰⁵.

⁹¹ International Cooperation and Development Act // Laws & Regulations Database of The Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=E0020013> (дата обращения: 27.03.2026).

⁹² National Defense Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=F0010030> (дата обращения: 28.03.2026).

⁹³ National Security Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030028> (дата обращения: 27.03.2026).

⁹⁴ Political Donations Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – 20.06.2018. – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=D0020049> (дата обращения: 28.03.2026).

⁹⁵ Guidelines for National Unification // Mainland Affairs Council Republic of China (Taiwan). – 1991. – URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=BEC36A4A0BB0663C&sms=BF821F021B282251&s=D0017062A39AF1C0 (дата обращения: 19.04.2026).

⁹⁶ Open Government National Action Plan // National Development Council. – URL: https://www.ndc.gov.tw/en/Content_List.aspx?n=0DA7FCB068C7ECF5. (дата обращения: 27.03.2026).

⁹⁷ Разъяснительный документ о взаимоотношениях между двумя берегами Тайваньского пролива 1994 г. [1994 年臺海兩岸關係說明書]. – Совет по делам материкового Китая Китайской Республики [中華民國大陸委員會]. – URL: <https://www.mac.gov.tw/cp.aspx?n=FF210059589C57F1&s=454DB66F272B1CE5> (дата обращения: 19.04.2026).

⁹⁸ Программная платформа Гоминьдана защищает Тайвань. [中國國民黨政策綱領護臺]. – Официальный сайт Гоминьдана [中國國民黨]. – 30.10.2021. – URL: https://www.kmt.org.tw/p/blog-page_3.html?utm_source. (дата обращения: 19.04.2026).

⁹⁹ Democratic Progressive Party // Party Platform. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf. (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁰⁰ Taiwan Relations Act 1979 // American Institute in Taiwan. – 2022. – URL: https://www.ait.org.tw/taiwan-relations-act-public-law-96-8-22-u-s-c-3301-et-seq/?utm_source. (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁰¹ National Security Strategy of the United States of America // The White House – 03.11.2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>. (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁰² Foreign Relations of the United States, 1950. Volume VII. Korea. Document 119. Statement by the Department of State, 1950 // Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d119> (дата обращения: 08.06.2026).

¹⁰³ U.S. Relations With Taiwan // U.S. Department of State. – 28.05.2022. – URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-relations-with-taiwan/>. (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁰⁴ Major Non-NATO Ally Status // U.S. Department of State. – 20.01.2025. – URL: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status> (дата обращения: 08.06.2026).

¹⁰⁵ U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1969-1976, Soviet Union, October 1970-October 1971 // Washington D.C: Government Printing Office, 2011. – 1128 p.

К пятой группе относятся стратегические и аналитические доклады государств, отражающие трансформацию подходов к обеспечению безопасности, включая ежегодные доклады Японского национального института оборонных исследований¹⁰⁶, Белые книги национальной обороны Японии (2021 – 2025 гг.)¹⁰⁷; стратегические документы США, в том числе Стратегию национальной безопасности Соединённых Штатов Америки, материалы Государственного департамента США¹⁰⁸, ежегодный доклад Министерства войны США¹⁰⁹; а также официальные оборонные доклады Тайваня, включая Национальный доклад в области обороны (2025 г.)¹¹⁰.

К шестой группе относятся статистические данные исследовательских центров. В данную группу входят данные Центра электоральных исследований Национального университета Чжэнчжи¹¹¹, аналитические материалы Центра стратегических и международных исследований (CSIS)¹¹²; статистические данные Министерства торговли Китайской Республики¹¹³; материалы Совета по делам

¹⁰⁶ The Rising Global South and China // National Institute for Defense Studies China Security Report. – 2025. – URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2025_A01.pdf?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

¹⁰⁷ Defense of Japan 2021 // Ministry of Defense of Japan. – 2021. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2021.html (дата обращения: 22.04.2026);
Defense of Japan 2022 // Ministry of Defense of Japan. – 2022. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2022.html (дата обращения: 22.04.2026);
Defense of Japan 2023 // Ministry of Defense of Japan. – 2023. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2023.html (дата обращения: 22.04.2026);
Defense of Japan 2024 // Ministry of Defense of Japan. – 2024. – URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 22.04.2026);
Defense of Japan 2025 // Ministry of Defense of Japan. – 2025. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (дата обращения: 22.04.2026).

¹⁰⁸ National Security Strategy of the United States of America // The White House – 03.11.2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>. (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁰⁹ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2024 Annual Report to Congress // U.S. Department of Defense. – 18.12.2024. – P. 124-135.

¹¹⁰ National Defense Report 2025 // Ministry of National Defense of the Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mnd.gov.tw/newupload/ndr/114/114ndreng.pdf?utm_source (дата обращения: 22.04.2026).

¹¹¹ Changes in the Taiwanese. Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – 2025. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 19.04.2026).

¹¹² China Escalates Cross-Strait Military Activity under Taiwan President William Lai // CSIS. – 2024. – URL: <https://www.csis.org/analysis/china-escalates-cross-strait-military-activity-under-taiwan-president-william-lai> (дата обращения: 19.04.2026).

¹¹³ Trade statistics // International Trade Administration. – 2025. – URL: <https://publicinfo.trade.gov.tw/cuswebo/FSCE3000C?table=FSCE3030F> (дата обращения: 22.04.2026).

материкового Китая¹¹⁴; массивы социологических данных¹¹⁵; исследования информационной среды Тайваня¹¹⁶.

К седьмой группе относятся интервью, публичные выступления и совместные декларации государственных деятелей, отражающие политические позиции и риторику ключевых акторов. В данную группу входят обращение президента США Дж. Картера к нации¹¹⁷; выступления представителей американского военно-политического руководства, в том числе адмирала Дж. Акилино и директора ЦРУ У. Бернса¹¹⁸; выступления и заявления руководителей Китайской Народной Республики, включая доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК и высказывания Дэн Сяопина о принципе «одна страна — две системы»¹¹⁹, Си Цзиньпина¹²⁰; официальные заявления и выступления руководства Китайской Республики, включая инаугурационные речи и публичные заявления

¹¹⁴ Taiwan's Mainstream Public Opinion Opposes the CCP's Political Propositions toward Taiwan and Supports Strengthening Security Management of Cross-Strait Exchanges to Prevent CCP United Front Infiltration // Mainland Affairs Council. — 21.08.2025. — URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=A921DFB2651FF92F&sms=37838322A6DA5E79&s=12B6B3347B89E45B (дата обращения: 08.06.2026).

¹¹⁵ TNSS Survey Data (2002-202) // Taiwan National Security Studies. — 2025. — URL: <https://sites.duke.edu/tNSS/tNSS-survey-data/> (дата обращения: 19.04.2026); Отчет о результатах социологического опроса [民调中心文件汇编] // Центр изучения общественного мнения [民意調查中心]. — 2017. — URL: https://cc.tvbs.com.tw/portal/file/poll_center/2017/20170602/0505041.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

¹¹⁶ Исследование информационной среды Тайваня 2024 [2024 年臺灣資訊環境調查] // Центр исследования информационной среды Тайваня [臺灣資訊環境研究中心]. — 21.01.2025. — URL: https://iorg.tw/_en/a/survey-2024 (дата обращения: 08.06.2026).

¹¹⁷ Address by President Carter to the Nation // Office of the Historian. — 1978. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d104> (дата обращения: 19.04.2026).

¹¹⁸ Aquilino J. Statement before the House Armed Services Committee / J. Aquilino // Congress.gov. — 2024. — URL: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/116960/witnesses/HHRG-118-AS00-Wstate-AquilinoJ-20240320.pdf> (дата обращения: 19.04.2026);

CIA Director William Burns: "I wouldn't underestimate" Xi's ambitions for Taiwan // CBS News. — 2023. — URL: <https://www.cbsnews.com/news/cia-director-william-burns-i-wouldnt-underestimate-xis-ambitions-for-taiwan/> (дата обращения: 19.04.2026).

¹¹⁹ Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. — 27.11.2012. — URL: https://us.chinaembassy.gov.cn/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/201211/t20121127_4917578.htm (дата обращения: 08.06.2026);

Deng Xiaoping on "one country, two systems" // Xinhua. — 19.02.2004. — URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-02/19/content_307590.htm (дата обращения: 06.04.2026).

¹²⁰ Выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию «Послания тайваньским соотечественникам» [习近平在“告台湾同胞书”发表40周年几年会上的讲话]. — Министерство иностранных дел КНР [中华人民共和国外交部]. — 02.01.2019. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twzt/xjpzsjstzyjh/202206/t20220606_10698873.html. (дата обращения: 19.04.2026).

президентов Ли Дэньхуэя¹²¹, Чэнь Шуйбяня¹²², Ма Инцзю¹²³, Цай Инвэнь¹²⁴ и Лай Циндэ¹²⁵, а также материалы Министерства иностранных дел Тайваня¹²⁶ и Демократической прогрессивной партии¹²⁷; совместное коммюнике правительств Японии и КНР¹²⁸; парламентские дебаты¹²⁹, материалы Конгресса США¹³⁰.

К восьмой группе относятся материалы, размещённые на официальных сайтах государственных органов и политических организаций, отражающие институциональные и политические аспекты функционирования Тайваня и его

¹²¹ Инаугурационная речь президента [總統就職演說]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань). – [中華民國總統府 (臺灣)]. – 05.09.1996. – URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/2247> (дата обращения: 19.04.2026);

President Lee Addresses National Assembly // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 08.12.1998. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1205> (дата обращения: 19.04.2026);

President Lee Stresses his Responsibility to Defend National Dignity // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 27.07.1999. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1235> (дата обращения: 19.04.2026).

¹²² Full Text of Inaugural Speech Paving the Way for a Sustainable Taiwan // Taipei Times. – 21.05.2004. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2004/05/21/2003156372> (дата обращения: 08.06.2026)..

Господин Чэнь Шуйбянь, 10-й и 11-й президент Китайской Республики [第 10 – 11 任陳總統水扁先生] // Официальный сайт Президента Китайской Республики (Тайвань) [中華民國總統府]. – 20.05.2000. – URL: <https://www.president.gov.tw/Page/87> (дата обращения: 08.06.2026).

¹²³ President Ma's Inaugural Address // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 2012. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/3887> (дата обращения: 19.04.2026).

¹²⁴ President Tsai and Vice President Lai address Copenhagen Democracy Summit 2024 // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 14.05.2024. – URL: https://english.president.gov.tw/News/6718?utm_source (дата обращения: 19.04.2026);

President Tsai issues statement on China's President Xi's "Message to Compatriots in Taiwan" // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 02.01.2019. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (дата обращения: 19.04.2026).

Tsai Ing-wen. Taiwan firmly opposes the use of force in Hong Kong // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 13.06.2019. – URL: https://english.president.gov.tw/News/5755?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

¹²⁵ President Lai presides over fourth meeting of Whole of Society Defense Resilience Committee // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 25.06.2025. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/6978> (дата обращения: 19.04.2026);

Президент выступил с первой лекцией из серии „Десять выступлений о единстве нации“, подчеркнул субъектность Тайваня и выразил надежду на сплочение 23 миллионов граждан для совместной защиты государственного суверенитета, демократии и свободы [總統發表「團結國家十講」第一講 強調臺灣主體性盼團結 2,300 萬人民共同守護國家主權與民主自由]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань) [中華民國總統府 (臺灣)]. – 22.06.2025. – https://www.president.gov.tw/News/39300?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

¹²⁶ Foreign Minister Lin delivers remarks at opening of 2025 ILA-ASIL Asia-Pacific Research Forum, Urges Democracies to Jointly Address Challenges Posed by Authoritarian Expansion // Ministry of Foreign Affairs Republic of China (Taiwan). – 08.07.2025. – URL: https://en.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=1329&s=120186 (дата обращения: 19.04.2026).

¹²⁷ DPP hopes to institutionalize the DPP-LDP 2+2 Diplomacy and Defense Dialogue // Democratic Progressive Party. – 21.03.2023. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/press_releases/contents/53?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

¹²⁸ Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html?utm_source (дата обращения: 02.04.2026).

¹²⁹ Formosa and the Pescadores // Hansard (UK Parliament). – 09.02.1955. – URL: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1955-02-04/debates/01cf7b1a-c182-4560-a093-fab1147e4fe0/FormosaAndThePescadores\(Treaties\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1955-02-04/debates/01cf7b1a-c182-4560-a093-fab1147e4fe0/FormosaAndThePescadores(Treaties)) (дата обращения: 22.04.2026).

¹³⁰ Message from the President to the Congress // Foreign Relations of the United States. – 02.02.1953. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1/d75?utm> (дата обращения: 19.04.2026).

международного положения. В данную группу входят программные документы Демократической прогрессивной партии¹³¹; материалы Национального музея Военно-морских сил США¹³², а также официальные данные Центральной избирательной комиссии Тайваня¹³³.

Научная новизна исследования.

1. Автором предложен анализ политики Тайваня через призму неоклассического реализма, разрешающий фундаментальное противоречие между прогнозами структурного реализма К. Уолтца и эмпирической реальностью. Выявлено, что данное противоречие обусловлено воздействием как структурных факторов, так и внутренних промежуточных переменных, включая партийную конкуренцию, трансформацию идентичности, поколенческие изменения, особенности демократического процесса и ограниченность ресурсного потенциала Тайбэя.

2. Автором выявлен и эмпирически верифицирован механизм юридической двойственности тайваньской нормативно-правовой базы. Установлено, что при сохранении в Конституции Китайской Республики формально-правовых элементов принципа «одного Китая» современное законодательство Тайваня фактически исходит из существования двух самостоятельных политических образований – Китайской Республики и Китайской Народной Республики. Тем самым доказано, что трансформация подходов Тайваня к принципу «одного Китая» происходит посредством постепенного изменения отраслевого законодательства и практик регулирования отношений с материковым Китаем.

3. Проведен комплексный анализ взаимосвязи тайваньской идентичности и смены поколений в контексте анализа трансформации подходов Тайваня к

¹³¹ Democratic Progressive Party // Party Platform. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf. (дата обращения: 28.03.2026).

¹³² February 7, 1955 – Evacuation of Chinese from Tachen Islands // National Museum of the U.S. Navy. – 21.04.2020. – URL: <https://www.history.navy.mil/content/history/museums/nmusn/explore/photography/humanitarian/20th-century/1950-1959/1955-tachen-islands.html> (дата обращения: 19.04.2026).

¹³³ Referendums Profile // Central Election Commission. – 2004. – URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/22>. (дата обращения: 28.03.2026).

принципу «одного Китая». На основе систематизации статистических данных установлено, что усиление тайваньской идентичности и смена поколений сопровождались не ростом поддержки независимости Тайваня, а укреплением ориентации на сохранение статус-кво как предпочтительной модели обеспечения безопасности. Полученный вывод позволяет критически переосмыслить распространенное в зарубежной литературе представление о прямой взаимосвязи между укреплением тайваньской идентичности и ростом сепаратистских настроений.

4. Выявлено, что Тайвань демонстрирует особую модель адаптации к нарастающему внешнему давлению, при которой рост угрозы со стороны КНР не приводит к переходу к полноценному самостоятельному балансированию. Показано, что сочетание ограниченных ресурсов, зависимости от гарантий безопасности США, внутривластной фрагментации и общественных настроений формирует стратегию ограниченного балансирования, ориентированную на сохранение статус-кво.

Положения, выносимые на защиту.

1. Исследование трансформации подходов Тайваня к принципу «одного Китая» исключительно через положения структурного реализма сталкивается с рядом ограничений. Рост экономического взаимодействия между Тайванем и КНР, а также военных возможностей Китая не привел ни к примыканию Тайваня к более сильному актору, ни к полноценному балансированию Тайбэя против Китая. Выявлено, что изменение регионального баланса сил выступает основным источником внешнеполитических стимулов для Тайбэя, однако характер и масштаб реакции на них определяются совокупностью внутренних факторов, в результате чего Тайвань демонстрирует стратегию ограниченного балансирования. Полученные выводы подтверждают более высокую объяснительную применимость неоклассического реализма при анализе тайваньской проблемы.

2. Принцип «одного Китая» на Тайване сохранил свою формально-правовую основу, однако его политическое содержание на Тайване претерпело существенную трансформацию. Показано, что под воздействием эндогенных и

экзогенных факторов произошел сдвиг от восприятия принципа как основы будущего объединения страны к его интерпретации в качестве механизма сохранения статус-кво и сосуществования двух юрисдикций, что нашло отражение в трансформации нормативно-правовой базы Тайваня.

3. Трансформация подходов Гоминьдана и Демократической прогрессивной партии к принципу «одного Китая» происходила под воздействием региональной среды и внутривластных процессов на Тайване. Выявлено, что, несмотря на сохранение принципиальных разногласий относительно содержания концепции «одного Китая» и характера отношений с КНР, обе партии были вынуждены отказаться от реализации крайних сценариев, найдя компромисс в сохранении статус-кво.

4. Смена поколений и трансформация тайваньской идентичности являются внутренними промежуточными переменными, через которые преломляется воздействие внешних факторов на формирование политического курса Тайбэя. Выявлено, что по мере смены поколений усиливается ориентация на тайваньскую субъектность, однако тайваньская идентичность сохраняет инклюзивный характер и не исключает культурной связи с Китаем. Показательно, что данные процессы способствуют укреплению общественной поддержки сохранения статус-кво и формируют рамки допустимых внешнеполитических и внутривластных решений, не выступая при этом самостоятельным источником политического курса Тайваня.

5. Китайскую политику в отношении острова можно определить как политику «кнута и пряника». Пекин с помощью дипломатических, экономических и военных мер старается сформировать определенные рамки допустимого поведения Тайбэя. Тем не менее данная стратегия все еще не привела к ожидаемому результату. Напротив, эмпирически было выявлено, что чрезмерное давление чаще всего консолидирует тайваньское общество и администрацию, что способствует усилению элементов балансирования.

6. Современная политика Вашингтона характеризуется переходом от идеологизированного дискурса противостояния демократии и авторитаризма к

более прагматичной модели взаимодействия, основанной на национальных интересах США, сдерживании Китая и перераспределении бремени обеспечения безопасности между союзниками. Трансформация политики США ограничивает предсказуемость американских гарантий безопасности для Тайваня и стимулирует Тайбэй к наращиванию собственных возможностей в рамках стратегии асимметричной обороны и поиска новых региональных союзников.

7. Усиление внимания Японии к безопасности Тайваньского пролива обусловлено изменением регионального баланса сил и восприятием Китая как прямой угрозы национальной безопасности страны. Выявлено, что включение тайваньской проблемы в официальные стратегические документы Японии отражает формирование региональной системы сдерживания Китая и сопровождается расширением взаимодействия Токио и Тайбэя по вопросам безопасности.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении применения неоклассического реализма и концепции Р. Швеллера к анализу тайваньской проблемы. Исследование продемонстрировало, что изменение регионального баланса сил выступает основным внешнеполитическим источником стимулов и ограничений Тайбэя, однако характер и масштаб реакций на экзогенные факторы определяются совокупностью внутренних промежуточных переменных. Исследование вносит значительный вклад в тайваньские исследования в России, которые вышли за рамки китаецентричного подхода и сформировались как отдельное направление, требующее теоретизации процессов в регионе, расширения исследовательских направлений и подготовки ученых и экспертов в данной области¹³⁴.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные аналитические подходы и полученные в работе выводы могут быть использованы при формировании аналитических оценок в отношении ситуации в Тайваньском проливе и более широкой региональной динамики в Восточной Азии.

¹³⁴ Центр тайваньских исследований // ИВ РАН. – URL: <https://ivran.ru/centr-tajvanskih-issledovanij> (дата обращения: 30.05.2026).

Результаты исследования также могут быть использованы профильными государственными органами, включая внешнеполитические ведомства и аналитические структуры, при подготовке информационно-аналитических материалов, оценке рисков и разработке подходов к взаимодействию с участниками региональных процессов в Восточной Азии. Материалы диссертации также могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений при преподавании дисциплин по международным отношениям, а также востоковедению.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты исследования апробированы на 7 научных конференциях (2023 – 2025 гг.), включая международную конференцию «Ломоносов – 2025», X Конгресс РАПН, VIII и IX Всероссийские научные конференции с международным участием «Россия - Восток - Запад: актуальные вопросы социологии, политологии и международных отношений», а также ряд других научных мероприятий¹³⁵.

Наиболее значимые результаты исследования были отражены в 7 научных публикациях, в том числе 4 – в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ (К1 – К2)¹³⁶.

¹³⁵ XXXII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», 2025 г. (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва); X Всероссийский конгресс политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 2024 г. (г. Москва); IX Всероссийская научная конференция с международным участием «Россия - Восток - Запад: актуальные вопросы социологии, политологии и международных отношений», 2025 г. (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск); VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Россия - Восток - Запад: актуальные вопросы социологии, политологии и международных отношений», 2024 г. (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск); II Международная научная конференция «Восток и Африка в трансформации современной реальности», 2025 г. Научная конференция «Российская государственность: между прошлым и будущим», 2024 г. (г. Нижний Новгород); Научная конференция РАПН «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы» (к 70-летию Российской ассоциации политической науки), 2024 г. (г. Москва).

¹³⁶ Рыхтик М.И., Панько Н.К. Тайваньская проблема в логике спирали конфликта: внутренние и внешние факторы эскалации / М.И. Рыхтик, Н.К. Панько // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т.19. – №4. – С. 112-121.

Панько Н.К. Тайвань после «движения подсолнухов»: внутренняя мобилизация и вызов концепции «одного Китая» / Н.К. Панько // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Регионоведение. – 2026. – Т. 55. – С. 83-95.

Панько Н.К. Восприятие российско-тайваньских отношений в условиях новых международных реалий / Н.К. Панько // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2025. – Т. 9. – №2. – С. 191-197.

Панько Н.К. Сравнительный анализ подходов США и КНР по тайваньскому вопросу / Н.К. Панько // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2026. – Т.10. – №2. – С. 224-230.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Научные положения диссертационного исследования соответствуют содержанию специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» по следующим направлениям области исследования: п.1. Теория и методология международных отношений, включая применение неореалистического и неоклассического реалистского подходов к анализу тайваньского вопроса и принципа «одного Китая»; п.2. Субъекты международных отношений, а также деятельность государственных и негосударственных акторов; п.3. Современный политический процесс, в частности, деятельность ключевых субъектов международных отношений – США, КНР; п.4. Ценности и интересы в международных отношениях; п.5. Мировой порядок, его трансформация и распределение центров силы, рассматриваемые через призму изменения роли Тайваня в современной международной системе; п.7. Международная безопасность; п.8. Международные кризисы и конфликты; п.12. Внешняя политика и дипломатия, включая анализ эволюции подходов тайваньской администрации к принципу «одного Китая».

Результаты проведенного исследования соответствуют области исследования указанной научной специальности.

Структура исследования включает в себя введение, три главы и заключение. Список литературы содержит 268 наименования на русском, английском и китайском языках. Общий объем работы составляет 193 страницы.

Панько Н.К. Трансформация российско-тайваньских отношений в условиях новых международных реалий / Н.К. Панько // Российская государственность: между прошлым и будущим. Сборник материалов научной конференции. Нижний Новгород. – 2024. – С. 292-298.

Панько Н.К. Тайваньская проблема в условиях трансформации мирового порядка / Н.К. Панько // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития. Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. – 2024. – С. 482-483.

Панько Н.К. Тайваньский кризис и его влияние на безопасность Индо-Тихоокеанского региона: новые вызовы для России / Н.К. Панько // XXXII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Мировая политика». – 2025. – URL: https://confhub.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36844/184097_uid1043135_report.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Принцип «одного Китая» занимает важное место в системе межгосударственных отношений в Восточной Азии и выступает ключевым элементом политико-правового взаимодействия между Китайской Народной Республикой, Тайванем и внешними субъектами – прежде всего США и Японией. Несмотря на кажущуюся однозначность, содержание, понимание и интерпретация данного принципа на Тайване не являются универсальными, а формируются под воздействием как международных, так и внутривосточных переменных.

Превращение принципа «одного Китая» в формулу сохранения статус-кво в нынешнем виде вызывает ряд аналитических противоречий. Рост экономической и военной мощи КНР, а также усиление давления на Тайвань не привели ни к примыканию Тайваня к более сильному актору, ни к балансированию в масштабах, соответствующих возросшему уровню угрозы. Одновременно углубление экономических связей с материковым Китаем не сопровождалось пропорциональным политическим сближением. Впрочем, укрепление тайваньской идентичности не сформировало общественное большинство в пользу провозглашения формальной независимости или партийную консолидацию по вопросам взаимодействия Тайваня с КНР.

Таким образом, возникает закономерный вопрос, почему усиливающееся внешнее давление, экономическая взаимозависимость и внутривосточные изменения на Тайване не приводят ни к одному из логичных сценариев реалистских и либеральных теорий. Структурный реализм позволяет объяснить общие ограничения, связанные с изменением регионального баланса сил, однако недостаточен для анализа различий реакций тайваньских администраций на внутренние и внешние стимулы. В этой связи теоретической основой работы выступает неоклассический реализм, позволяющий рассматривать

внешнеполитический курс как результат взаимодействия системного давления и внутривнутриполитических переменных.

1.1. Неоклассический реализм как теоретическая основа анализа подходов Тайваня к принципу «одного Китая»

Принцип «одного Китая» утверждает, что существует лишь одно суверенное государство под названием «Китай» и исключает любые трактовки, предполагающие существование независимого Тайваня или двух государств, именующих себя Китаем¹³⁷. Данный принцип является идеологической доктриной, которую в разные периоды разделяли как Китайская Народная Республика (КНР), так и Китайская Республика (КР), но с разным смысловым наполнением.

Пекин настаивал на том, что материковый Китай и Тайвань являются частью единого Китая под руководством КНР. В то же время Китайская Республика рассматривала себя как законное правительство всего Китая и использовала принцип «одного Китая» для легитимизации своих притязаний на материк. С течением времени позиция Китайской Республики претерпела существенную трансформацию. Современная администрация Лай Циндэ фактически отошла от прежнего понимания принципа «одного Китая», не осуществив при этом формального пересмотра существующей Конституции Китайской Республики.

Вместе с тем необходимо определить сущность понятий «принцип одного Китая» и политика «одного Китая». Следует отметить, что подобное терминологическое разграничение наиболее последовательно проводится в американской дипломатической практике, в рамках которой политика «одного Китая» рассматривается как самостоятельный внешнеполитический подход, не тождественный принципу «одного Китая» в его официальной трактовке КНР¹³⁸. Несмотря на преимущественное распространение данного разграничения в

¹³⁷ В настоящем исследовании автор исходит из официальной позиции Российской Федерации, рассматривающей Тайвань как неотъемлемую часть Китая.

¹³⁸ Chong J.I. The Many “One Chinas”: Multiple Approaches to Taiwan and China / J.I. Chong // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: https://carnegieendowment.org/research/2023/02/the-many-one-chinas-multiple-approaches-to-taiwan-and-china?lang=en&utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

западной дипломатической практике, его упоминание представляется целесообразным, поскольку позволяет избежать смешения официального принципа КНР с различными формами его практической интерпретации как на Тайване, так и во внешней политике третьих государств.

В отличие от идеологического принципа «одного Китая», политика «одного Китая» носит более гибкий характер. Она позволяет странам признавать КНР, но в то же время поддерживать с Тайванем неофициальные связи в сфере экономики, торговли и культуры. Так, например, США, Япония, ЕС придерживаются политики «одного Китая», но сотрудничают с Тайванем через специальные институты и представительства.

Данное разграничение важно не только для понимания сущности двух на первый взгляд схожих терминов, но и для выявления их функциональных различий в политической практике. Принцип «одного Китая» отражает логику суверенитета, территориальной целостности, стратегической борьбы за доминирование в регионе и проблему идентичности. Политика «одного Китая» для большинства внешних акторов носит инструментальный характер, допускающий вариативность и служащий целям поддержания дипломатических, взаимовыгодных экономических и политических связей с КНР¹³⁹.

В исследованиях тайваньской проблемы, напрямую связанную с принципом «одного Китая» используется широкий спектр теоретических подходов международных отношений. Значительная часть работ опирается на комплекс реалистских и неореалистских концепций, рассматривающих отношения между берегами Тайваньского пролива в контексте распределения сил в Восточной Азии, стратегического соперничества КНР и США и обеспечения безопасности острова¹⁴⁰. В рамках подобной логики поведение основных участников объясняется через

¹³⁹ The One China Principle vs The One China Policy // Taiwan Centre for Security Studies. – 16.05.2025. – URL: <https://taiwanccss.org/the-one-china-principle-vs-the-one-china-policy/> (дата обращения: 08.06.2026).

¹⁴⁰ Wu Chengqiu. The balance of threat across the Taiwan strait: a game theoretical analysis / Chengqiu Wu // Journal of China Political Science. – 2005. – Vol. 10. – No. 2. – pp. 43-76.

Chan Steve. Commerce between rivals: Realism, liberalism, and credible communication across the Taiwan Strait. / Steve Chan // International Relations of the Asia-Pacific. – 2009. – Vol. 9. – No. 3. – pp. 435-467.

Huang Chinhao., James P. Blue, green or aquamarine? Taiwan and the status quo preference in cross-strait relations / Chinhao Huang., P. James // The China Quarterly. – 2014. – Vol. 219. – pp. 670-692.

призму изменения их относительных возможностей и конфигурации регионального баланса сил. Показательным примером является позиция Дж. Миршаймера, рассматривающего перспективу статуса Тайваня через соотношение баланса сил в регионе. С точки зрения автора, сохранение существующего положения Тайбэя остается возможным, пока внешняя структура международной системы позволяет США сдерживать растущую мощь КНР¹⁴¹.

Несмотря на высокую степень универсальности, структурно-реалистическое объяснение имеет определенные ограничения. Кеннет Уолтц, основатель структурного реализма писал, что неореалистская теория международной политики может объяснить общее влияние структуры международной системы на поведение государств, однако не всегда способна ответить на вопрос, почему государства по-разному реагируют на одинаковые вызовы¹⁴². С точки зрения анализа тайваньской проблемы, фокусирование на распределении материальных возможностей позволяет выявить внешние ограничения, с которыми сталкивается Тайвань, однако не способно в полной мере объяснить трансформацию политики Тайбэя. В частности, изменение подходов администраций Ли Дэнхуэя, Чэнь Шуйбяня, Ма Инцзю, Цай Инвэнь и Лай Циндэ невозможно свести исключительно к изменению баланса сил.

Другую группу составляют либеральные подходы, уделяющие большое внимание экономической взаимозависимости, институционализации взаимодействия и политической либерализации. Интенсивное развитие торгово-экономических и общественно-культурных связей между Тайванем и материковым Китаем в конце 1980-х гг. давало основание предполагать, что углубление взаимозависимости будет способствовать снижению конфликтности и постепенному формированию более устойчивых механизмов сотрудничества. Вместе с тем сложившаяся реальность в регионе показала чрезмерную оптимистичность подобных ожиданий. Беспрецедентный рост экономических

¹⁴¹ Say Goodbye to Taiwan // The National Interest. – 25.02.2014. – URL: <https://nationalinterest.org/legacy/say-goodbye-taiwan-9931> (дата обращения: 27.08.2026).

¹⁴² Waltz K.N. Theory of International Relations / K.N. Waltz. – Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. 1979. – P. 71.

связей между сторонами не привел к политическому сближению. Напротив, периоды наиболее интенсивного экономического взаимодействия могли сопровождаться растущей конфликтностью¹⁴³.

Значительное место в исследованиях тайваньской проблемы занимает конструктивизм, который, с одной стороны, может обладать объяснительной ценностью применительно к объяснению политических процессов на Тайване, где демократизация и «тайванизация» сопровождались заметным изменением характера национальной идентичности; с другой стороны, преимущественная концентрация на идентичности способна оставить на втором плане внешние ограничения. Изменение идентичности само по себе не позволяет в полной мере объяснить, почему рост самосознания в тайваньском обществе в одних обстоятельствах сопровождался решительным дистанцированием от концепции «одного Китая», а в других сочетается с осторожной политикой сохранения статус-кво. Идентичность влияет на формирование предпочтений и восприятие угроз, однако возможность их практической реализации по-прежнему определяется соотношением сил, политикой КНР, степенью американской поддержки и другими структурными факторами.

Г. Роуз, систематизируя теории внутренней политики (*innenpolitik*), а также идеи классического и структурного реализма, приходит к выводу, что каждый из подходов имеет ряд серьезных ограничений. Внутриполитические теории слишком сильно акцентируют внимание на внутренних факторах и не способны убедительно объяснить, почему государства с похожими политическими системами нередко проводят различную внешнюю политику, тогда как страны с разными внутренними устройствами в схожих условиях могут действовать одинаково. Системные теории, напротив, склонны переоценивать влияние международной структуры. Стремясь преодолеть противопоставление внутренних и внешних факторов, Г. Роуз сформулировал основы неоклассического реализма, объединившего анализ

¹⁴³ Lobell S.E., Ripsman N.M., Taliaferro J.W. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / S.E. Lobell., N.M. Ripsman., J.W. Taliaferro // Cambridge: Cambridge University Press. – 2009. – P. 99.

международных структурных ограничений и внутривполитических переменных¹⁴⁴. При этом важно отметить, что неоклассический реализм не является единой теорией, а скорее объединяет совокупность подходов, авторы которых сходятся в использовании общей теоретической логики.

Ключевые отличия тезисов неоклассического реализма от положений реалистов и неореалистов заключаются в том, что неоклассический реализм стремится объединить анализ внешних и внутренних переменных. Согласно теории, существует три уровня переменных: международный (структурные переменные), государственный (зависимые, но влиятельные переменные) и внутривполитический (общество, группы элит – зависимые переменные)¹⁴⁵. С точки зрения структурных факторов, направление внешней политики государства определяется его относительной силой в международной системе. При этом положения реализма об анархичности международной среды также сохраняются, но международная анархия представляется скорее туманной. Государства, существующие в ней, не могут точно определить, является ли безопасность дефицитной или доступной, поэтому действуют «на ощупь». Лидеры государств пытаются предсказать поведение других государств и будущие изменения в балансе сил, но обратная связь часто запаздывает и не носит однозначного характера¹⁴⁶. Однако, в отличие от положений структурного реализма, неоклассический реализм, признавая примат системных факторов, рассматривает их влияние через преломление сквозь государственный уровень переменных.

Неоклассический реализм не дает строгого определения государства, но рассматривает его как самостоятельного участника международных отношений, обладающего разными ресурсами и возможностями для ведения внешней политики. Главную роль в принятии решений играет исполнительная власть: президент,

¹⁴⁴ Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51. – No. 1. – P. 150–154.

¹⁴⁵ Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национального государственного уровней в формировании внешнеполитического курса / И.А. Чихарев., А.А. Косоруков // Вестник Московского университета. – сер. 12. – №1. – С. 53.

¹⁴⁶ Dessler D. What's at Stake in the Agent-Structure Debate / D. Dessler // International Organization. – 1989. – Vol. 43. – Issue 3. – P. 467.

правительство, министры и чиновники¹⁴⁷. Это означает, что внешнеполитические решения принимаются не просто абстрактным государством, а его конкретными политическими лидерами и элитами. Согласно В.Н. Конышеву, государства реагируют не просто на то, как устроена международная система, а на то, как они сами ее понимают, а понимание формируется под влиянием уже сложившихся образов и схем, доступной информации, двусмысленности самих сигналов, когнитивных механизмов, исторического контекста и предыдущего опыта. Далее сформулированные интерпретации преобразуются в конкретные внешнеполитические установки. При этом на всех этапах – от восприятия до реализации – существенную роль играют т.н. «вторгающиеся» переменные. К ним относятся бюрократия, политическая культура, особенности взаимодействия государства и общества¹⁴⁸.

Несмотря на то, что в неоклассическом реализме принято отделять государство от общества, исполнительная власть не способна полностью действовать изолированно от общества, потому что для реализации внешнеполитического курса государству необходимо проводить внутреннюю мобилизацию. Борьба за ресурсы происходит одновременно на двух взаимосвязанных уровнях: между государствами во внешней среде и между различными политическими и общественными группами внутри государства. Последние конкурируют не только за непосредственный доступ к ресурсам, но и за контроль над государственными институтами, поскольку именно он позволяет определять порядок распределения ресурсов и основные направления внешнеполитического курса. На эффективность внешней политики влияют на степень сплоченности элит, уровень общественной поддержки и легитимность власти. Если существует консенсус между элитами и обществом относительно степени угрозы и способов реагирования на нее, власть получает возможность эффективно проводить внешнеполитический курс. Напротив, политический раскол

¹⁴⁷ Ibid. – Р. 55.

¹⁴⁸ Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений / В.Н. Конышев // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 105.

и низкий уровень доверия общества к власти способны ограничивать возможности государства.

Р. Швеллер отмечает, что структурные факторы редко вынуждают лидеров выбирать строго определенную политику, потому что реакция государства на внешние угрозы зависит от внутренних переменных. Р. Швеллер использует понятия «завышенного» и «заниженного» балансирование (*underbalancing*). В первом случае государство чрезмерно резко реагирует на внешние стимулы, а во втором недооценивает угрозу или не дает адекватный ответ¹⁴⁹. Автор выделяет несколько ключевых факторов, согласно которым государство определяет степень реакции на внешние угрозы.

Первый фактор – консенсус элит. Для балансирования элитам необходимо разобраться в следующих вопросах: согласны ли они с тем, что существует внешняя угроза? Понятен ли им характер угрозы; есть ли общее видение относительно политической стратегии по противодействию вызову? Понимают ли они внутривластные риски?

Балансирование, как правило, требует больших материальных и человеческих затрат, и в отличие от экспансии, не приносит материальную выгоду. Поэтому в отсутствие четкого консенсуса может быть принят альтернативный курс. Он может быть продиктован различными факторами: симпатией к противнику, пацифизмом, изоляционизмом. Р. Швеллер отмечает, что демократии особенно медленно переходят к балансированию угроз, что связано с существованием большого числа «игроков вето» в процессе принятия решений. Следовательно, для того, чтобы демократия отказалась от небалансирующей политики, зачастую требуется драматическое событие¹⁵⁰.

Второй фактор – легитимность режима и степень его институционализации. Здесь также необходимо ответить на вопросы: основана ли власть на принуждении или же воспринимается как легитимная? Удовлетворяет ли правительство

¹⁴⁹ Schweller R. Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing / R. Schweller // *International Security*. 2004. – Vol. 29. – No. 2. – P. 162-164.

¹⁵⁰ Ibid. – P. 172-173.

ожидания населения? Пользуется ли оно широкой поддержкой населения? Способно ли оно минимизировать внутреннее вмешательство в процесс принятия политических решений? Слабые режимы не способны дать адекватный ответ, а также убедить население в существовании угроз национальной безопасности¹⁵¹.

Третий фактор – сплоченность населения. Ключевой элемент социальной сплоченности заключается в том, что все члены общества признают существующие институты легитимными независимо от глубины разногласий относительно различных экономических, социальных и политических проблем. Естественные разногласия присущи любому обществу, но важно, чтобы общество принимало единые «правила игры». Серьезная угроза способствует социальной сплоченности, однако история знала немало прецедентов, когда внешняя угроза приводила к противоположному результату – к дезинтеграции общества. Это связано с тем, что сплоченность до конфликта была настолько низкой, что группы считали внешнюю угрозу проблемой, которая их не касается. Резюмируя сказанное, внешние угрозы приводят к усилению групповой сплоченности лишь в том случае, если они воспринимаются как угроза для всей группы в целом¹⁵².

Применительно к китайско-тайваньским отношениям неоклассический реализм может рассматриваться как эффективный аналитический инструмент, позволяющий учитывать влияние как внутренних, так и системных факторов. Под внутриполитическим контекстом в данном случае понимаются такие факторы, как степень сплоченности элит и общества, а также вторгающиеся переменные в виде бюрократии, особенностей политической культуры и «игроков-вето», характерных для демократической системы острова. Структурные факторы – изменение регионального баланса сил, рост совокупной мощи КНР, усиление напряженности в Тайваньском проливе.

Тайвань на протяжении последних 77 лет находится в условиях стратегической неопределенности, характерной для анархичной международной

¹⁵¹ Ibid. – P. 173-175.

¹⁵² Schweller R. Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing / R. Schweller // International Security. 2004. – Vol. 29. – No. 2. – P. 175-180.

среды, на которую указывают неоклассические реалисты. После 1949 г. безопасность острова во многом обеспечивалась США, однако с начала 1970-х гг. сближение Вашингтона и Пекина привело к ослаблению международной позиции Тайбэя. Тем не менее сохранение американского участия в обеспечении безопасности Тайваня не позволило КНР установить контроль над островом. В последующие десятилетия отношения между сторонами развивались неоднозначным образом. Открытие границ и нормализация диалога между Тайбэем и Пекином в конце 1980-х запустили цепочку событий, приведших к быстрому росту торговли, инвестиций и общей экономической взаимозависимости. Однако это не устранило политических противоречий. Более того, углубление взаимозависимости происходило одновременно с изменением баланса сил в пользу КНР и сохранением неопределенности относительно готовности КНР прибегнуть к военной силе. Несмотря на первоначальные попытки сторон, экономические и даже культурные связи так и не смогли устранить фундаментальную проблему взаимной стратегической неопределенности, связанную с вопросами безопасности и восприятия намерений другой стороны.

На данный момент ни тайваньское руководство, ни США не способны определить, насколько Пекин действительно готов использовать военную силу для решения задач национального объединения. В то же время неопределенность сохраняется и для китайского руководства. Пекин не обладает уверенностью, что за вооруженным столкновением в Тайваньском проливе не последует жесткая реакция США. Аналогичная неопределенность касается потенциальной роли Японии и других региональных партнеров США в Восточной Азии. В подобных условиях формировалась и формируется политика «стратегической неопределенности», которая до сих пор остается ключевым сдерживающим фактором для всех сторон конфликта. Применительно к Тайваню она имеет первичный характер, поскольку задает внешние пределы допустимого поведения и ограничивает его свободу действий независимо от внутривнутриполитических предпочтений.

С точки зрения неоклассического реализма, одних лишь структурных факторов недостаточно для объяснения особенностей политики Тайваня, поскольку они преломляются через внутренние политические процессы. Иными словами, экономическая взаимозависимость или давление со стороны КНР не приводят автоматически к определенному внешнеполитическому ответу Тайваня. Его реакция на вызовы и возможности зависит от того, как взаимодействие с Китаем интерпретируется политическими элитами и обществом, какие внутривнутриполитические силы обладают возможностью мобилизовывать ресурсы и насколько существующие институты позволяют трансформировать восприятие Китая в конкретные политические решения.

Одним из ключевых внутренних факторов, влияющих на политический курс Тайваня, является степень консенсуса между политическими элитами. В условиях демократической политической системы Тайваня вопросы отношений с материковым Китаем на протяжении десятилетий остаются предметом политической конкуренции между Демократической прогрессивной партией и Гоминьданом. Обе партии прошли совершенно разные исторические пути, опираются на различные электоральные группы и имеют собственное восприятие Китая. В результате политические силы острова по-разному интерпретируют как саму природу китайской угрозы, так и допустимые способы реагирования на нее.

Гоминьдан в последние десятилетия стремится поддерживать диалог с КНР, поскольку видит в этом возможность обеспечить безопасность острова. Демократическая прогрессивная партия, напротив, воспринимает Пекин как ключевую угрозу и выступает за укрепление тайваньской обороны, параллельно пропагандируя идею тайваньской идентичности и особого демократического пути. Расхождение во взглядах элит существенно влияет на возможности Тайваня по формированию долгосрочной и последовательной стратегии балансирования. Каждая смена администрации сопровождается корректировкой политики в отношении Пекина. В результате реакция Тайваня на внешние вызовы остается неоднородной и зависит от внутривнутриполитической конфигурации.

Кроме того, демократический характер системы Тайваня предполагает наличие большого числа «игроков вето» – законодательного и исполнительного юаней, СМИ, общественных движений и региональных элит. Это усложняет процесс достижения консенсуса по вопросам национальной безопасности. Несмотря на усиление военного давления со стороны КНР, Тайвань десятилетиями тратит сравнительно умеренную долю ВВП на оборону, а многие инициативы, связанные с военной реформой, принимаются несвоевременно. Лишь в декабре 2022 г. срок службы в армии увеличили с 4 месяцев до 1 года, хотя инициатива обсуждалась с середины 2010-х годов. Показательными являются и споры вокруг закупок американского вооружения. Тем не менее, несмотря на различные подходы к взаимодействию с Пекином, внутри тайваньского политического пространства сохраняется базовый консенсус: ни Гоминьдан, ни Демократическая прогрессивная партия в настоящее время не рассматривают сценарий политического объединения с материком¹⁵³.

Следующим уровнем анализа представляется степень легитимности тайваньского правительства. Не будет преувеличением утверждать, что после демократизации 1990-х гг. на Тайване сформировалась институционализированная политическая система. Регулярная сменяемость власти, конкурентные выборы, развитая партийная система и устойчивость демократических институтов обеспечивают признание существующего политического порядка большинством населения независимо от сохраняющихся внутривнутриполитических разногласий. Однако именно демократическая система Тайваня создает ограничения для исполнительной власти. Руководство вынуждено учитывать общественную реакцию на внешнеполитические решения, позиции парламентской оппозиции, электоральные последствия своих действий, деятельность СМИ. Поэтому исполнительная власть не всегда способна оперативно решать насущные вопросы, особенно те, что касаются характера взаимодействия с материковым Китаем.

¹⁵³ Chin J.J. Taiwan: democratic David in 21st century east Asia / J.J. Chin // *Frontiers in Political Science*. – 2025. – P. 6.

Наконец, с точки зрения неоклассического реализма степень общественной сплоченности влияет на способность государства мобилизовывать ресурсы для ответа на внешние угрозы. Включение в данный анализ факторов идентичности не предполагает перехода к конструктивистской логике объяснения, так как в рамках исследования идентичность приобретает значение как «фильтр», через который структурные ограничения, возможности и вызовы воспринимаются обществом и политическими элитами, интерпретируются ими и затем преобразуются в конкретные внешнеполитические решения.

Идентичность во многом определяет представления о границах между «своими» и «чужими». Эти границы не обязательно носят радикальный или конфронтационный характер, однако в условиях внешнего давления или внутренней актуализации могут приобретать особую политическую значимость. На протяжении последних десятилетий наблюдается укрепление самосознания и национализма, которые давно уже политизировались в общественно-политическом дискурсе. Национальные идентичности задают рамки общественных дискуссий о торговых и политических отношениях, особенно когда речь идет о фундаментальном выборе относительно торговой или политической интеграции.

В политической истории Тайваня были случаи, когда общественная мобилизация была связана с актуализацией вопросов идентичности и изменяла ход истории. При этом сама идентичность не являлась непосредственным предметом протестов: конкретные социально-экономические и политические противоречия приобретали дополнительное мобилизационное значение тогда, когда начинали восприниматься через призму отношений Тайваня с материковым Китаем и границ между собственной политической общностью и КНР. Например, Движение подсолнухов 2014 г. способствовало отказу тайваньского правительства от ратификации Соглашения о торговле услугами с КНР. В 2019 г. на фоне подавления протестов в Гонконге многие тайваньцы, поддавшись пропаганде о китайской угрозе, поддержали курс Цай Инвэнь и избрали ее на второй срок в 2020 г. В 2024 г. протесты, получившие название «Движение синей птицы», продемонстрировали сохраняющуюся способность тайваньского общества к политической мобилизации.

В процессе общественной мобилизации Демократическая прогрессивная партия играет ключевую роль в воспроизводстве представления о Тайване как об отдельном политическом субъекте. В 2026 г. 62% населения считают себя тайваньцами, и лишь 2,5% – китайцами, что отчасти является результатом политики десинификации¹⁵⁴. Однако статистические данные демонстрируют и ряд противоречий. Тайваньцы воспринимают КНР в качестве угрозы безопасности, но значительная часть общества поддерживает сохранение тесных экономических связей с Китаем. Кроме того, общество неоднозначно воспринимает наращивание военного бюджета, так как считает необходимой нормализацию отношений между сторонами. Не менее значимым является другой парадокс. Несмотря на глубокую культурную, языковую и историческую близость между сторонами пролива, значительная часть населения, согласно исследованиям института Чжэнчжи, выступает против объединения с Китаем, и большинство предпочло бы статус-кво¹⁵⁵.

Воздействие внутривнутриполитических факторов не ограничивается непосредственно Тайванем. Структурная среда, в которой формируется тайваньская политика, сама является результатом решений других участников, прежде всего КНР и США, а в последние годы и Японии. Сегодня внешняя структурная предпосылка очевидна. Усиление КНР и рост риска кризиса вокруг Тайваня подталкивают США к усиленному сдерживанию Китая, но этот импульс внутри американской системы проходит через несколько «фильтров». Конгресс сохраняет выраженный двухпартийный консенсус в пользу поддержки Тайваня, при этом администрация Трампа рассматривает отношения с Тайванем через призму распределения бремени поддержания безопасности и экономических интересов Вашингтона. В результате единый структурный вызов в виде роста мощи КНР внутри американской политической системы преобразуется в сочетание различных, а иногда и конкурирующих подходов к Тайваню.

¹⁵⁴ Taiwanese / Chinese Identity 1992-2025 // Election Study Center, National Chengchi University. – 09.01.2026. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7800&id=6961> (дата обращения: 20.05.2026).

¹⁵⁵ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2025. – URL: <https://sites.duke.edu/tNSS/tNSS-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

Аналогичным образом структурные факторы преломляются через внутривнутриполитический контекст КНР. Особое значение здесь приобретает идеологическая составляющая, в рамках которой Китай, от Тайваня до Тибета, изображается как «органические» части священной территории потомков Желтого императора¹⁵⁶. Разговоры Тайваня о независимости затрагивают самую сердцевину этой общности и потому воспринимаются как угроза самому конструированию китайской национальной идентичности. В рамках этого дискурса Тайвань представляется последним символом «национального унижения».

При Си Цзиньпине эта логика получила дополнительное развитие в концепции «великого возрождения китайской нации», где завершение объединения рассматривается как необходимая составляющая этого процесса. Подобная внутривнутриполитическая рамка существенно ограничивает пространство допустимых решений китайского руководства. Нетрудно понять, почему вмешательство США и особенно Японии в тайваньский вопрос вызывает столь серьезное противодействие со стороны китайского руководства, которое в подобных обстоятельствах просто не в состоянии идти на компромиссы. Джозеф У считает, что «ни один политический лидер в Китае не может позволить себе выглядеть мягким в тайваньском вопросе, поскольку это опасно для его собственной политической карьеры». Предсказуемо, что Китай вынужден отвечать на провокации путем экономических санкций и военных учений вблизи острова. Однако жесткая политика Китая породила именно тот результат, которого Пекин стремился избежать. Тайваньское общество, согласно опросам, все больше убеждается в существовании некой китайской угрозы – отчасти из-за объективных наблюдений, во многом вследствие пропаганды, но в результате электорат все чаще выбирает политиков ДПП, которые выступают за осторожный подход в вопросах взаимодействия с Пекином.

Схожий механизм прослеживается и в политике Японии. Географическая близость Тайваня, колониальное прошлое, усиление военной активности КНР,

¹⁵⁶ Lobell S.E., Ripsman N.M., Taliaferro J.W. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / S.E. Lobell., N.M. Ripsman., J.W. Taliaferro // Cambridge: Cambridge University Press. – 2009. – P. 125.

территориальный спор вокруг островов Сенкаку и союзнические обязательства перед США объективно повышают значение тайваньского вопроса для японской безопасности. Однако эти структурные стимулы также преломляются через специфический внутривнутриполитический контекст Японии, включающий конституционные ограничения, послевоенные пацифистские нормы, общественное мнение и партийную конкуренцию.

Таким образом, с точки зрения теории международных отношений тайваньскую проблему целесообразно рассматривать через призму неоклассического реализма. Тайваньская стратегия носит сложный характер, поскольку формируется в условиях одновременно структурных и внутренних ограничений. В то же время Тайвань не демонстрирует склонности к примыканию, несмотря на сохраняющуюся культурную, языковую и историческую близость с Китаем, что подтверждается выводами Э. Гарцке и К. Гледич, утверждавших, что конфликты чаще возникают между сторонами с похожей культурой¹⁵⁷. Несмотря на политическую дистанцию, Тайвань экономически тесно взаимосвязан с Китаем, в результате внутри тайваньского общества одновременно сосуществуют запрос на автономию и стремление избежать чрезмерных экономических и социальных издержек. Возникающие противоречия объясняются тем, что ни формирующаяся идентичность, ни глубокая экономическая интеграция, ни рост совокупной мощи КНР не действуют непосредственно. Системные импульсы проходят через внутривнутриполитические ограничения, особенности восприятия угроз и возможности по мобилизации ресурсов.

В этом отношении современная политика Тайваня в отношении Китая может быть охарактеризована как форма ограниченного балансирования. Наращивание оборонного потенциала Тайбэя свидетельствует о стремлении противодействовать растущему силовому превосходству КНР, но остров не располагает возможностями симметричного ответа в связи с ограниченностью ресурсной базы и внутривнутриполитическими разногласиями как в Законодательном юане, так и в

¹⁵⁷ Gartzke E., Gleditsch K.S. Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide / E. Gartzke., K.S. Gleditsch // *European Journal of International Relations*. – 2006. – No. 1. – pp. 31-33.

обществе. Поэтому балансирование осуществляется преимущественно через развитие оборонных возможностей, укрепление связей с США и другими внешними партнерами, но одновременно сочетается со сложившимся статус-кво. Последнее представляет собой не проявление пассивности, а механизм управления риском. Данная политика имеет правовое измерение, получившее свое закрепление в Конституции Китайской Республики. Однако дальнейшее исследование покажет, что правовое поле взаимодействия между сторонами является нестатичным. На протяжении нескольких десятилетий происходит институциональное переосмысление взаимодействия с Китаем. В этой связи дальнейший анализ требует рассмотрения того, как именно трансформировалась правовая интерпретация концепции «одного Китая» на острове.

1.2. Принцип «одного Китая» в правовом измерении Тайваня

Правовая интерпретация концепции «одного Китая» на Тайване с 1949 г. претерпела существенные изменения в ходе политико-правовой трансформации и политической модернизации, прошедшей в начале 1990-х годов. При сохранении формальной приверженности идее единого государства власти Китайской Республики выбрали подход, позволяющий учитывать объективную реальность, связанную с утратой контроля над материковой частью Китая.

Нормы, регулирующие отношения с КНР, целесообразно разделить на два уровня: конституционный и законодательный. Конституционный уровень формирует правовую рамку, где сохраняется формальная приверженность концепции единого государства. Законодательный уровень, в свою очередь, включает нормативные акты, непосредственно регулирующие различные аспекты взаимодействия между Тайванем и материковым Китаем. К их числу относятся «Правила об отношениях между народами Тайваня и материкового Китая», законы «О международном сотрудничестве и развитии», «О национальной обороне», «О защите государственной тайны», «О политических дотациях», «О противодействии инфильтрации». Обращение к данным источникам необходимо, поскольку позволяет не только проследить трансформацию подходов Тайваня к концепции

«одного Китая» через призму правового регулирования, но и определить нормативные основания, на которых базируется современный статус-кво в отношениях между Тайванем и КНР.

Наивысшим с юридической точки зрения документом, который оказывает влияние на позиции Тайбэя, является Конституция Китайской Республики, обнародованная в 1946 г. и вступившая в силу в 1947 г. в условиях послевоенного переустройства Китая. Конституция представляет собой синтез западной модели разделения властей и особенностей китайской политико-правовой культуры. Например, к трем ветвям власти были добавлены еще две, имеющие глубокие корни в китайской истории – экзаменационный и контрольный Юани¹⁵⁸. Первый восходил к имперской системе отбора чиновников через государственные экзамены. Второй – к институтам надзора за деятельностью должностных лиц.

Принятие Конституции имело как символистическое, так и практическое значение: с одной стороны, она закрепляла преемственность китайской государственности с времен Цинской империи; с другой – выстраивала институциональные основы, формировала систему органов власти, создавала административно-территориальное устройство. В частности, в 26-й статье предусматривалось наличие Национальной ассамблеи с участием представителей от разных провинций, включая Тибет и даже Монголию, несмотря на отсутствие фактического контроля над ними¹⁵⁹. В этом проявлялось символическое значение Конституции¹⁶⁰. Принимая ее, правительство Чан Кайши стремилось зафиксировать восстановление Китая в его прежних границах.

Поражение правительства Китайской Республики в гражданской войне и последующее перемещение центральных органов власти на Тайвань привели к фактическому расхождению между позицией Китайской Республики и ее фактической территориальной юрисдикцией. Тем не менее до 1970-х именно

¹⁵⁸ Cohen J.A. China's Changing Constitution / J.A. Cohen // The China Quarterly. – 1978. – No.76. – P. 797.

¹⁵⁹ Китайская Республика формально признала независимость Монголии в 1945 г. по итогам референдума, проведенного в соответствии с соглашением с СССР, однако впоследствии, в условиях разрыва отношений с СССР, это признание не получило последовательного закрепления в Конституции.

¹⁶⁰ Constitution of the Republic of China (Taiwan) // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000001> (дата обращения: 25.03.2026).

Китайская Республика позиционировала себя и продолжала рассматриваться многими государствами и международными организациями как представитель всего Китая. Данное противоречие находило отражение и во внутренней институциональной системе. В частности, в состав Национального собрания входили делегаты всех провинций Китайской Республики несмотря на то, что их представительство носило исключительно номинальный характер. Важно также отметить, что опыт ее применения продемонстрировал, что достаточно прогрессивное по меркам XX века содержание мало повлияло на природу диктаторского режима Гоминьдана и Чан Кайши. Введенное на Тайване военное положение привело к фактической приостановке ряда конституционных норм: были существенно ограничены права граждан, включая свободу слова, печати и собраний, нарушены положения о сменяемости представительных органов власти: срок полномочий депутатов Национального собрания, Законодательного и Контрольного юаней был фактически продлен на неопределенный срок под предлогом невозможности проведения выборов на материке.

Спустя десятилетия, в конце 1980-х годов, начался процесс демонтажа военного положения. В 1987 г. оно было официально отменено, после чего последовали политические реформы, затронувшие все сферы социальной и политической жизни. Данный этап имеет принципиальное значение в изучении тайваньского вопроса, поскольку крах персоналистической модели управления изменил принцип принятия политических решений на острове. Если в предшествующий период ключевые решения принимались в рамках узкого круга элиты, то после демократизации политики были вынуждены ориентироваться на предпочтения электорального большинства и учитывать общественные настроения.

В этой связи начался пересмотр роли и места Тайваня в правовой системе. В 1991 г. вышли дополнительные статьи к Конституции, где была установлена полупрезидентская форма правления, введены прямые выборы, упрощена парламентская система за счет отказа от трехпалатной модели в пользу однопалатного Законодательного юаня. Однако ключевым обновлением стало закрепление новой реальности, ограниченной «свободной территорией Китайской

Республики»¹⁶¹. Использование этого термина несет не только юридическую, но и важную культурно-историческую нагрузку. Изначально он использовался во время китайско-японской войны (1937 – 1945 гг.) для описания территорий, находившихся под японской оккупацией, позже его значение изменилось для противопоставления Тайваня континентальному Китаю, что отсылает к последствиям гражданской войны, приведшей к разделению народа на две общности.

Вслед за принятием дополнительных статей возникла необходимость в правовом регулировании отношений с материковым Китаем. Были приняты «Правила об отношениях между народами Тайваня и материкового Китая»¹⁶², однако с самого начала в законе можно обнаружить двойственность. В 1-й статье указывалось, что он действует «до национального объединения», что является прямой отсылкой к идее сохранения единого государства. В то же время 2-я статья терминологически разграничивает между «Тайваньский» и «Континентальный» регионами, определяемыми через критерий физического контроля. Тем самым закон юридически оформил существование двух пространств, не нарушая конституционную фикцию их принадлежности к одному государству.

Помимо территориальной дифференциации закон создавал правила, регулирующие въезд, проживание, трудовую деятельность и иные формы контактов между жителями обеих сторон. В последующие годы, особенно с конца 1990-х годов, характер закона начинает постепенно меняться в сторону ужесточения правил, что было связано с ростом интенсивности трансграничных контактов, расширением экономического взаимодействия и одновременно сохраняющимся опасением в сфере национальной безопасности.

Поправки 1997 г. стали первым шагом к расширению объема нормативного регулирования: Закон стал охватывать семейные, экономические и имущественные

¹⁶¹ Additional Articles of the Constitution of the Republic of China // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000002> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁶² Act Governing Relations between the People of the Taiwan Area and the Mainland Area // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=Q0010001> (дата обращения: 26.03.2026).

связи. Наиболее масштабные изменения произошли в начале 2000-х годов. В этот период закон приобретает черты институционализированной системы регулирования: статья 3-1 закрепила роль Совета по делам материка при Исполнительном Юане как компетентного органа по вопросам, связанным с материком. Статьи 4 и 4-2 предусмотрели возможность создания или назначения специальных учреждений, а также делегирования им полномочий по ведению переговоров и заключению соглашений с соответствующими структурами материковой части Китая. Необходимо отметить, что статья 4-2 дала определение «соглашения» как письменного документа, связанного с «осуществлением государственных полномочий или затрагивающего политические вопросы, заключенные между Тайванем и материком». Иными словами, закон прямо признал возможность заключения официальных соглашений Тайванем с материком (через специальные организации), но речь идет не о международных договорах между государствами, а о специальной форме договоренностей, встроенной во внутреннее право Китайской Республики¹⁶³.

Одновременно с этим усилились механизмы контроля над тем, кто именно вправе вступать в такие контакты. Статья 5 установила четкую процедуру: «Учреждение, частная организация или иное некоммерческое юридическое лицо обязано предоставить проект соглашения через уполномочивший его орган в Исполнительный Юань для согласования»¹⁶⁴. При этом органы власти на всех уровнях местного самоуправления не вправе вести переговоры и заключать какие-либо соглашения с физическими лицами, организациями либо органами или учреждениями материка района без разрешения Совета по делам материка при Исполнительном Юане. Это правило также применяется к государственным служащим. Здесь особенно заметна эволюция закона: если первоначальная редакция стремилась возобновить сами контакты, то появление новых версий являлось отражением меняющейся действительности, где рост контактов между

¹⁶³ Речь идет о Совете по делам материка при Исполнительном Юане.

¹⁶⁴ Под соглашением, затрагивающим политические вопросы, понимается любое соглашение, способное повлечь конституционные или существенные политические последствия.

сторонами стал неизбежной тенденцией. В этих условиях приоритетом стала их централизация и подчинение органам исполнительной власти, прежде всего Совету по делам материка.

Важным направлением эволюции закона стало регулирование статуса лиц. В частности, статьи 9-1 и 9-2, введенные во второй половине 2000-х годов, установили, что жители тайваньского региона не могут иметь регистрацию по месту жительства в материковой части Китая или паспорт, выданный КНР. Нарушение этих правил влечет утрату политических прав на острове. По сути, речь идет не просто о техническом ограничении, а о четком требовании определиться с политико-правовой принадлежностью. Тем самым закон отделяет допустимые формы контактов от ситуаций, которые могут восприниматься как подрыв самой основы политического сообщества. Особенно показательным является ограничение на участие тайваньских граждан, особенно бывших государственных служащих и военных, в политически значимых мероприятиях на материке, если это может нанести ущерб «национальному достоинству».

В 2010-е годы на фоне расширения экономических связей с КНР еще более усиливается элемент национальной безопасности. Статья 73 требует специального разрешения для инвестиций со стороны КНР, а статья 93-1 предусматривает крупные административные штрафы для лиц, которые представили ложную информацию, что свидетельствует о том, что экономическая взаимозависимость больше не рассматривается как безусловное благо: в законе прямо закрепляется идея фильтрации инвестиций по причине безопасности, так как Тайвань всерьез опасался, что КНР под видом экономической интеграции способна оказывать политическое влияние¹⁶⁵.

С приходом к власти Цай Инвэнь в 2016 г. отношения между сторонами заметно ухудшились, что отразилось и на законодательной основе, которая установила крайне сложную процедуру для заключения каких-либо соглашений

¹⁶⁵ С приходом к власти Ма Инцзю в 2008 г. экономические связи между сторонами вышли на новый уровень, однако отношение тайваньского общества оставалось очень противоречивым. В частности, происходили масштабные протесты против «китайского влияния».

между обеими сторонами, затрагивающих политические вопросы: теперь требуется предварительный план, оценка конституционных и политических последствий, большинство проголосовавших в Законодательном Юане, публичное обсуждение, а затем общенациональный референдум. Более того, закон прямо запрещает переговоры, предметом которых может стать изменение суверенного статуса государства либо конституционного строя. Эта статья подводит черту под всей предшествующей эволюцией закона. Если в начале 1990-х годов он был инструментом налаживания связи с материком, то в настоящее время он превратился в механизм, задающий столь большие ограничения, что фактически предотвращает любую политическую или экономическую интеграцию с КНР.

Если рассмотренные правила регламентируют границы взаимодействия с материковым Китаем, то следующий закон «О международном сотрудничестве и развитии» 2010 г. позволит увидеть более широкую картину, а именно то, как Тайвань позиционирует себя на международной арене. В законе закрепляется, что Китайская Республика (Тайвань) самостоятельно развивает внешние связи, взаимодействует с дипломатическими союзниками, «дружественными государствами и международными организациями». При этом закон допускает развитие отношений с государствами, которые не имеют с Тайванем дипломатических связей, что отражает практику самостоятельного участия в международных отношениях¹⁶⁶. Если сравнивать с предыдущим актом, то становится очевидным, что если в рамках регулирования отношений с материком сохраняется формальная привязка к концепции «одного Китая», то в сфере международного сотрудничества Тайвань стремится действовать как самостоятельный субъект. Вместе с тем такая внешнеполитическая активность неизбежно ставит вопрос о необходимости ее правовой защиты. В этой связи особое значение приобретает Закон о национальной обороне (2000 г.), направленный на «использование государственного потенциала для формирования вооруженных сил национальной обороны, оказания помощи в ликвидации

¹⁶⁶ International Cooperation and Development Act // Laws & Regulations Database of The Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=E0020013> (дата обращения: 27.03.2026).

чрезвычайных ситуаций и обеспечения национальной безопасности». При этом в законе закреплена структура обороны, составной частью которой является президент как верховный главнокомандующий, Совет национальной безопасности, Исполнительный Юань и Министерство обороны. Отдельно предусмотрена возможность формирования самостоятельной военной стратегии, развития вооруженных сил, а также военного сотрудничества с «дружественными государствами». Более того, в 34-й статье прямо указывается необходимость оценки военного потенциала Китайской Народной Республики, что свидетельствует о восприятии материка как потенциальной угрозы¹⁶⁷.

Помимо Закона о национальной обороне, в правовой системе Тайваня сформировался более широкий комплекс нормативных актов, направленных на противодействие КНР. К числу таких актов относятся законы «О национальной безопасности» (1987 г.), «О защите государственной тайны» (2003 г.), «О политических дотациях» (2018 г.), «О противодействии инфильтрации» (2020 г.). Общей чертой вышеперечисленных актов является их ориентация на предотвращение внешнего вмешательства в политическую, экономическую и информационную жизнь Тайваня.

Закон «О национальной безопасности» Китайской Республики изначально был призван заменить военное положение, отмененное в том же году, однако позже стал составной частью правовой архитектуры обеспечения национальной безопасности и косвенного нормативного регулирования отношений между Тайванем и материковой частью Китая¹⁶⁸. Так, например, Закон запрещает любым лицам осуществлять деятельность в интересах иностранного государства, материкового Китая, Гонконга, Макао или иных враждебных лиц, включая создание и поддержку организаций, передачу или сбор конфиденциальной информации. Примечательно, что материковый Китай в данном контексте

¹⁶⁷ National Defense Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=F0010030> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁶⁸ National Security Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030028> (дата обращения: 27.03.2026).

выделяется наряду с иностранными государствами, несмотря на формальное отсутствие признания его в качестве отдельного государства.

Закон «О защите государственной тайны» прямо закрепляет, что передача секретной информации материковому Китаю, Гонконгу или Макао влечет более строгую ответственность, чем ее разглашение в общем случае. Подобная дифференциация демонстрирует, что материковый Китай рассматривается как приоритетный источник опасности. Более подробная информация содержится в подзаконных актах, регулирующих работу с государственной тайной. В них указано, что засекречиваться может информация, связанная не только с военной сферой или разведкой, но и с внешнеполитической деятельностью, включая отношения с материковым Китаем. Уже это свидетельствует о том, что отношения с материковым Китаем выделяются в особую категорию. Эта логика получает дальнейшее развитие в критериях оценки ущерба национальной безопасности. В частности, к серьезному ущербу прямо отнесены ситуации, связанные с срывом переговоров с Китаем, Гонконгом и Макао¹⁶⁹.

В 2004 г. на фоне роста обеспокоенности возможным внешним вмешательством в политические процессы на острове был принят Закон «О политических пожертвованиях». К этому моменту Тайвань уже прошел ключевой этап демократизации, ключевым атрибутом которой стало введение прямых выборов президента и Законодательного Юаня. Эти нововведения сделали необходимой регламентацию политического финансирования, прозрачность которого могла вызывать вопросы.

По своему содержанию закон направлен на регулирование системы политических пожертвований – поддержки политических партий, организаций и кандидатов. Ключевым элементом закона является разграничение допустимых и запрещенных источников финансирования. В частности, прямо запрещены пожертвования со стороны иностранных субъектов, а также лиц и организаций,

¹⁶⁹ Classified National Security Information Protection Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=I0060003> (дата обращения: 28.03.2026).

связанных с материковым Китаем, Гонконгом и Макао¹⁷⁰. Дальнейшее развитие данной логики продолжилось в принятом в 2019 г. Законе «О борьбе с инфильтрацией». Разница между ними заключалась в том, что Закон о политических пожертвованиях направлен на контроль финансовых потоков, тогда как новый акт охватывает более широкий круг вмешательства. В частности, закон вводит понятие «иностранные враждебные силы», под которыми понимаются государства, политические образования и организации, находящиеся в состоянии конфликта с Китайской Республикой. Дополнительно закрепляется категория «источников инфильтрации», включающая не только государственные структуры, но и аффилированные с ними партии, организации и иные субъекты, действующие прямо или косвенно¹⁷¹. Несмотря на то, что в данном законе нет прямого упоминания материкового Китая, его содержание и политический контекст, на фоне которого он принимался, позволяют сделать вывод о том, что именно Пекин рассматривается как основной источник угрозы¹⁷².

Таким образом, эволюция правовой интерпретации концепции «одного Китая» демонстрирует, что Китайская Республика прошла длительный путь от идеологической борьбы за единство государства к фактическому разделению сторон по принципу наименования территориальных единиц: «Тайвань» и «Материковый Китай». Юридическое оформление стало важным шагом к выстраиванию нынешних отношений с КНР, которая во внутривнутриполитическом дискурсе Тайваня давно уже воспринимается как иностранное государство, что подтверждается в Законе «О национальной безопасности» (1987 г.), Законе «О защите государственной тайны» (2003 г.) и Законе «О политических дотациях» (2018 г.).

При этом данная позиция не закрепляется напрямую на конституционном уровне, что позволяет сохранять определенную гибкость в правовой позиции.

¹⁷⁰ Political Donations Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=D0020049> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁷¹ Anti-Infiltration Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030317> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁷² Принятие данного акта происходило на фоне выборов президента Китайской Республики 2019 г. В период избирательной кампании ДПП и ряд политиков обвиняли КНР в якобы информационной атаке.

Такая двойственность является одной из ключевых особенностей правовой системы Тайваня: с одной стороны, она отражает реальные политические и административные различия между сторонами, а с другой стороны, не противоречит принципу «одного Китая». По сути Конституция Китайской Республики является единственным документом, который сохраняет четкую привязку Тайваня к Китаю, что означает невозможность достижения независимости без конституционной реформы, которую можно провести только после всеобщего голосования.

Тем не менее, законодательство также демонстрирует, что регулирование отношений с материковым Китаем постепенно смещается в сторону усиления контроля и обеспечения безопасности. Это особенно заметно на уровне используемых формулировок, где материковый Китай упоминается наряду с иностранными государствами или в контексте враждебных сил. С течением времени таких норм становится все больше: принимаются новые законы, а уже существующие положения дополняются и уточняются. Такая тенденция показывает, что Тайвань стремится адаптировать законодательство к меняющимся условиям и новым вызовам.

Таким образом, мы пришли к выводу, что при анализе тайваньского кейса необходимо руководствоваться положениями неоклассического реализма. Структурный реализм, разработанный К. Уолтцем и дополненный различными положениями, начиная от наступательного и оборонительного реализма, заканчивая дилеммами безопасности, способен объяснить логику внешнеполитического поведения США, их союзников, а также КНР. Все стороны руководствуются соображениями безопасности, стремлением сохранить баланс сил и минимизировать угрозы в условиях развивающейся конкуренции в Восточной Азии.

Тем не менее, структурный реализм демонстрирует ограниченность объяснительных возможностей. В связи с этим неоклассический реализм представляется более гибким аналитическим инструментом, поскольку позволяет объяснить, почему тайваньское руководство, воспринимая КНР как основную

угрозу, сохраняет тесные экономические связи с Китаем и придерживается статус-кво путем сохранения конституции Китайской Республики, принятой еще в 1947 г., и отказом от провозглашения независимости. Ограниченный характер тайваньского балансирования проявляется в сравнительно умеренных расходах на оборону, а также в затягивании военных реформ. Тем не менее в условиях выраженной асимметрии возможностей Тайвань все же стремится обеспечить безопасность посредством развития асимметричной обороны, в том числе путем осуществления внешнего балансирования за счет опоры на США.

Важно также отметить, что Тайвань после демократизации выстроил сложную систему, в которой сочетаются элементы конституционной приверженности концепции «одного Китая» и нормативного ограничения взаимодействия с КНР. Данная особенность отражает институционализацию сложившегося статус-кво и требует дальнейшего анализа на уровне политических акторов, таких как политические партии и государственное руководство.

ГЛАВА 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ТАЙВАНЯ К ПРИНЦИПУ «ОДНОГО КИТАЯ»

Во второй главе рассматривается эволюция подходов тайваньской администрации к концепции «одного Китая» через призму внутренних политических процессов. Основное внимание уделяется роли двух ведущих партий – Гоминьдана и Демократической прогрессивной партии, чья конкуренция определяет содержание политического дискурса, а также в значительной степени влияет на внешнеполитическую деятельность исполнительной власти.

Исследование дополняется рассмотрением фактора смены поколений. Каждое поколение тайваньцев формировалось в уникальных исторических условиях – от японского колониального периода и авторитарного правления Гоминьдана до демократизации и цифровой эпохи. Все эти события привели к трансформации политико-идеологических ценностей на острове¹⁷³.

Не менее значимым элементом является проблема идентичности. Исследование ставит целью продемонстрировать связь между политикой и самосознанием общества. С одной стороны, государственная политика, образовательные реформы и партийная риторика формируют представления граждан о том, кем они являются. С другой стороны, уже сложившийся дискурс ограничивает возможные политические решения и задает траекторию внешнеполитического курса. При этом указанные факторы действуют не изолированно, а взаимно дополняют друг друга, формируя общую динамику развития Тайваня.

Таким образом, рассмотрение партийной конкуренции, поколенческих изменений и идентичности позволит выявить ключевые механизмы формирования современной политической повестки и объяснить особенности развития тайваньского подхода к китайскому вопросу.

¹⁷³ Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and "Taiwanese Nationalism" / S. Rigger // Washington: Policy Studies. – 2006. – Issue 26. – P.3.

2.1. Партийно-политическая конкуренция и трансформация подходов

Тайваня к принципу «одного Китая»

Начиная с 1990-х гг. политическая жизнь на Тайване во многом определяется конкуренцией двух крупных коалиций – «пан-синей» во главе с Гоминьданом (ГМД) и «пан-зеленой», ядром которой выступает Демократическая прогрессивная партия (ДПП)¹⁷⁴. Названия коалиций восходят к партийной символике: синий цвет традиционно ассоциируется с Гоминьданом, тогда как зеленый – с Демократической прогрессивной партией. Эти коалиции формировались в процессе демократизации на Тайване, когда к доминирующим партиям начали примыкать более мелкие политические образования, не имевшие достаточного электорального веса для политической борьбы.

Пан-синий лагерь включает в себя Новую партию (Синьдан), Первую народную партию (Циньминдан¹⁷⁵) и ряд более мелких объединений, которые разделяют основную линию коалиции. В «Пан-зеленую коалицию» входят Тайваньский союз солидарности (Тайвань туанцзэляньмэнь), Зеленая партия (Людан), а также Тайваньская партия государственного строительства (Тайвань Чжицзиньдан¹⁷⁶). Хотя среди них есть партии с собственными приоритетами и идеологическими позициями, в целом пан-синяя коалиция характеризуется правоцентристской ориентацией, тогда как пан-зеленая – левоцентристской. В обеих коалициях встречаются более радикальные фракции, но их влияние на политическую повестку ограничено, поскольку они за редким исключением почти никогда не попадают в Законодательный Юань. Стратегические решения по самым важным вопросам, включая социальную политику, экономику и подходы к концепции «одного Китая», определяются прежде всего лидирующими партиями – Гоминьданом и ДПП.

¹⁷⁴ Fell D. Inter-Party Competition in Taiwan Since the 1990s Despite the Change in Ruling Party in 2000, Most of the Salient Issues of the 1990s Remain on the Political Agenda / D. Fell // China Perspectives. – 2004. – P. 2-3.

¹⁷⁵ Новая партия (Синьдан) – партия, созданная в середине 1990 гг. как одно из ответвлений Гоминьдана. Партия выступает за тесные связи с Китаем при сохранении суверенитета Тайваня. Первая народная партия (Циньминдан) основана в 2000 году бывшими членами Гоминьдана. Выступает за постепенное объединение с КНР.

¹⁷⁶ Тайваньский союз солидарности (Тайвань туанцзэляньмэнь) – лево-популистская партия, выступающая за независимость

Обе партии представляют разные модели развития Тайваня. Гоминьдан (ГМД) делает упор на поддержку традиционных отраслей и экспортоориентированных предприятий. Партия стремится улучшить условия для расширения деловых связей за рубежом, включая материковый Китай. Социальная политика ГМД, как правило, консервативна и направлена на поддержание экономической стабильности, улучшение уровня жизни работников бюджетных организаций, обеспечение социальных гарантий для старших возрастных групп¹⁷⁷. Партия активно поддерживает связи с деловыми кругами и экономическими элитами. Основная электоральная база ГМД – работники бюджетных организаций, включая учителей, военных и врачей¹⁷⁸. Согласно Ж.П. Кабестану, Гоминьдан отличается своей структурной идеологией, централизованной организацией, твердой фракционностью и привилегированными связями¹⁷⁹.

Пан-зеленая коалиция, в авангарде которой ДПП, напротив, делает ставку на модернизацию экономики и общества через социальные инновации. Партия поддерживает развитие стартапов и малого бизнеса, продвигает реформы в области образования, здравоохранения и социальной защиты. Центральным элементом партийного нарратива является продвижение демократических ценностей и вовлечение общества в публичные дискуссии о будущем Тайваня¹⁸⁰. Поддержку ДПП традиционно оказывают молодые избиратели, жители крупных городов. Партия пользуется доверием у студентов и активистов, которые обеспечивают ДПП устойчивую поддержку в периоды, когда вопросы демократических преобразований выходят на первый план.

Помимо незначительных различий в подходах к экономической и социальной политике, соперничество партий определяется прежде всего разными

¹⁷⁷ Kuomintang Official Website. – URL: https://www.kmt.org.tw/p/blog-page_3.html?utm_source (дата обращения 08.06.2026).

¹⁷⁸ The KMT's Demographic and Ideological Dilemma // Ketagalan Media. – 2021. – URL: https://ketagalanmedia.com/2021/05/19/the-kmts-demographic-and-ideological-dilemma/?utm_source (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁷⁹ Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Большой Китай: региональные политические проблемы: монография / Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова. – Москва: Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. – 2023. – С. 117.

¹⁸⁰ Democratic Progressive Party // Party Platform. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

идеологическими ориентирами¹⁸¹, что обусловлено демократизацией в 1980-х гг., когда предпочтения тайваньского общества по ключевым вопросам – независимость или объединение с Китаем, оказывали существенное влияние на электоральное поведение¹⁸². Даже сейчас, по мнению Чу Юньхана, тайваньские избиратели больше видят реальные различия между партиями по вопросам национальной идентичности и стратегии в отношении КНР, но почти не различают их по «второстепенным» проблемам, таким как социальное обеспечение и экономическая политика¹⁸³.

Исторические корни обеих ведущих партий существенно различаются, что напрямую сказывается на их подходах к вопросу «одного Китая»¹⁸⁴. Гоминьдан, созданный в 1921 г. на материке и сыгравший ключевую роль в формировании Китайской Республики, является продолжателем идей Сунь Ятсена (трех народных принципов: национализм, демократия и народное благосостояние)¹⁸⁵. Важно и то, что партия была образована в Китае, и в ее идеологическую базу глубоко укоренились конфуцианские ценности, подчеркивающие социальную гармонию, уважение к иерархии и коллективную ответственность¹⁸⁶. Эти культурные и философские ориентиры способствовали формированию консервативного и прагматичного подхода к управлению государством. Националистическое наследие и историческая роль партии на материке привели к тому, что Гоминьдан в настоящее время не отказывается от концепции «одного Китая» и трактует ее с опорой на консенсус 1992 г., являющийся негласной договоренностью между

¹⁸¹ Taiwan in 2023: Leadership Support, Party Identification, and Political Attitudes // Global Taiwan Institute. – 2023. – URL: <https://globaltaiwan.org/2023/01/taiwan-in-2023-leadership-support-party-identification-and-political-attitudes/> (дата обращения: 08.06.2026).

¹⁸² Hsie F.S., Niou M-Sh., Lin H-Sh. Issue Voting in the 1994 Gubernatorial and Mayoral Elections: An Application of the Rational Choice Approach / F.S. Hsie., M-Sh. Niou., H-Sh. Lin // Journal of Electoral Studies. – 1995. – Issue 2. – No 1. – P. 77-82.

¹⁸³ Chu Yunhan., Tse Minlin. The Process of Democratic Consolidation in Taiwan: Social Cleavage, Electoral Competition and the Emerging Party System / Yuhuan Chu., Minlin Tse // Routledge. – 1996. – P. 92-95.

¹⁸⁴ Хо Д.В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой / Д.В. Хо // Н.Экс.Т. – 2022. – №3. – С.78-79.

¹⁸⁵ Три народных принципа Сунь Ятсена – идеология Гоминьдана, направленная на модернизацию Китая, Национализм – защита страны от иностранного господства, демократия – участие народа в управлении через разделение властей, благосостояние народа – социально-экономические меры для улучшения жизни граждан.

¹⁸⁶ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / В.Г. Буров. – Москва: Иф Ран, 1998. – С.141-145.

Тайбэем и Пекином следовать принципу «одного Китая» с опорой на разные толкования сущности термина «Китай»¹⁸⁷.

Идеи ДПП, напротив, вдохновлены либеральными нарративами, включая западные концепции гражданских прав, индивидуальной свободы и равенства. Партия возникла в начале 1980-х гг. как политическое крыло движения за демократизацию («Дан вай» – дословный перевод – «за пределами партии»), объединив активистов, журналистов, юристов и интеллигенцию, выступавших за свободу слова и многопартийность. ДПП отвергает претензии КНР на Тайвань и выступает за автономию Тайваня с возможным международным признанием.

Внутри ДПП и Гоминьдана развивались различные фракции – от умеренных, готовых к диалогу с материком, до более радикальных сторонников полной независимости. Важно и то, что идеологические позиции обеих ведущих партий не были статичными и постоянно эволюционировали под воздействием внутриполитических процессов, электоральных требований и внешних факторов. Эволюцию подходов Гоминьдана к тайваньскому вопросу и концепции «одного Китая» можно разделить на два основных этапа: первый этап 1949 – 1980 гг. и второй этап – конец 1980-х гг. по настоящее время.

На первом этапе Гоминьдан выступал как партия Китайской Республики, основанная в 1921 г., пережившая серию драматических исторических событий, оказавших глубокое влияние на ее идеологическую и организационную структуру. Партия участвовала в строительстве Китайской Республики, боролась за власть с КПК в 1949 г. и, проиграв в гражданской войне, была вынуждена эвакуироваться на Тайвань. На тот момент, несмотря на поражение в гражданской войне в 1949 г., позиция Китайской Республики (как и позиция Гоминьдана) заключалась в том, что существует только один Китай, который называется Китайская Республика. Правительство Китайской Республики не только не признавало Коммунистическую партию Китая, но и обвиняло ее в узурпации власти, предательстве и уничтожении китайской культуры. Данная позиция частично

¹⁸⁷ Kuomintang Official Website. – 2020. – URL: https://www.kmt.org.tw/p/blog-page_3.html?utm_source (дата обращения 08.06.2026).

сохранилась до сегодняшнего дня, хоть и претерпела некоторые изменения в виде смягчения официальной риторики.

После эвакуации на Тайвань Гоминьдан столкнулся с необходимостью адаптироваться к новым условиям: ограниченная территория, опасность вторжения НОАК, экономические вызовы – все эти факторы требовали от партии консолидации вокруг Чан Кайши и адаптации к новым реалиям. Именно тогда в партии произошли важные реформы, направленные на укрепление централизованного управления. Так, например, в партии были сняты с должности высокопоставленные военные и расформированы внутрипартийные группы интересов, что позволило Чан Кайши добиться беспрецедентной единоличной власти¹⁸⁸. Однако несмотря на авторитарные тенденции Чан Кайши удалось убрать с политического поля коррумпированных политиков и организовать полноценную ротацию кадров¹⁸⁹. Параллельно на Тайване формировался культ личности Чан Кайши, а три народных принципа стали наподобие религии, которую исповедовали в школах и университетах. Начавшаяся после Фултонской речи холодная война лишь усилила ощущение внешней угрозы со стороны КНР при поддержке СССР, что привело к выработке идеологии, которая должна была противостоять распространению коммунизма в Азии. На Тайване эта идеология представляла собой синтез антикоммунизма и конфуцианских ценностей¹⁹⁰.

Данная идеология, вкупе с масштабными политическими, экономическими и военными реформами, должна была противопоставить себя Маоизму и сплотить тайваньское население, которому на тот момент навязывали китайскую идентичность. Эти сложные процессы, проходившие в специфичной международной среде, должны были подготовить и власть, и тайваньское население к «реваншу» за поражение в гражданской войне. Чан Кайши планировал возвращение на материк в 1960-е гг., когда КНР была в наиболее уязвимом

¹⁸⁸ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / В.Г. Буров. – Москва: ИФ РАН. – 1998. – С. 61.

¹⁸⁹ Там же. С. 58.

¹⁹⁰ Там же. С. 60.

положении из-за «Большого скачка»¹⁹¹ и Культурной революции¹⁹². Тем не менее, несмотря на тщательную разработку плана, в 1972 г. проект был свернут, так как ни тайваньская экономика, ни военные силы, ни международная обстановка (на тот момент уже прошел первый раунд Шанхайского коммюнике¹⁹³) не предполагали осуществление амбициозного плана Чан Кайши¹⁹⁴.

Несмотря на то, что план Чан Кайши потерпел неудачу, проведенные экономические, социальные и управленческие реформы в итоге привели к формированию на Тайване устойчивого политического режима и позволили преемнику Чан Кайши Цзян Цзиньго осуществить политическую модернизацию с помощью вовлечения местных тайваньских элит в государственное управление, что создало предпосылки для переосмысления подходов Гоминьдана к тайваньской проблеме.

Дальнейшее развитие данной трансформации связано с приходом Ли Дэнхуэя на пост президента в конце 1980-х гг. В своей инаугурационной речи 1990 г. президент подчеркнул: «Если власти КПК осознают мировые тенденции и общие ожидания всех китайцев, проведут демократизацию и внедрят свободную экономику, откажутся от применения силы в Тайваньском проливе и не будут препятствовать нашей внешнеполитической деятельности, мы будем готовы установить двустороннюю связь на равных началах, чтобы заложить основу для взаимного уважения и мирного сосуществования»¹⁹⁵.

В его заявлении прозвучали несколько важных обновлений по китайскому вопросу. Во-первых, впервые был озвучен официальный отказ правительства Китайской Республики от применения силы для достижения объединения, правительство КР больше не претендовало на международное представительство

¹⁹¹ Большой скачок – экономическая и социальная кампания КНР (1958-1962), направленная на осуществление быстрой индустриализации и коллективизации, которая привела к массовому голоду.

¹⁹² Культурная революция – политическая кампания Мао Цзэдуна (1966-1976) для укрепления своей власти и борьбы с «буржуазными» элементами. Кампания ставила цель перестройки общества, но сопровождалась массовыми репрессиями.

¹⁹³ Шанхайское коммюнике – соглашение между США и КНР, подписанное в 1972 г. с целью нормализации отношений и признания принципа «одного Китая».

¹⁹⁴ Chang Kuocheng. The Decision Analysis Regarding “Project National Glory or Project Guoguang / Kuocheng Chang // Government Research. – 2011. – P. 52-60.

¹⁹⁵ Ли Дэнхуэй Инаугурационная речь девятого президента Китайской Республики (на китайском языке) // Taiwan Digital Archives. – 1990. – URL: <https://catalog.digitalarchives.tw/pdf/00/00/25/41.pdf> (дата обращения: 08.06.2026).

Китай. Китайская Республика считала, что Китай один, и Тайвань и материк – части Китая, но КПК ≠ Китай, и пока окончательное объединение не достигнуто, обе стороны находятся в положении разделенного управления и должны иметь равные права для участия в международном сообществе.

Ли Дэньхуэй являлся уникальной политической фигурой своего времени, так как после своей окончательной победы в затяжной борьбе за власть против континентальной элиты (*вайшэнжэнь*) стал первым тайваньцем по происхождению, занявшим пост президента. По мнению Г. Шуберта, Ли был движущей силой идеологической «эндогенизации» Гоминьдана за все десятилетия, приблизив нарратив партии к официальному провозглашению политики «двух Китаев» в середине 1999 г.¹⁹⁶.

В 1990 г., при поддержке Ли Дэньхуэя, был создан Национальный совет по объединению Тайваня (國家統一委員會). Год спустя совет утвердил «руководящие принципы национального объединения». Документ провозгласил Тайвань и материк частью единой китайской цивилизации, а также утвердил, что «обе стороны Тайваньского пролива должны выработать консенсус в вопросах демократии, свободы и равного процветания и совместно строить обновленный единый Китай»¹⁹⁷. Документ подчеркивал, что объединение должно проходить во благо народа и «не быть предметом партийных конфликтов». Также были предусмотрены три этапа объединения, которые включали краткосрочный этап обмена мнениями, среднесрочный этап сотрудничества и долгосрочный этап консультаций, направленных на выработку конституционных механизмов для создания единого Китая¹⁹⁸. Позже, в 1991 г., данная стратегия была внесена в исторический документ, получивший название «Программа национального воссоединения» (國家統一綱領)¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Schubert G. Taiwan Political Parties and National Identity: The Rise of an Overarching Consensus / G. Schubert / Asian Survey. – 2004. – Vol. 44. – No.4. – P. 539.

¹⁹⁷ Guidelines for National Unification // Mainland Affairs Council Republic of China (Taiwan). – 1991. – URL: <https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=Guidelines+for+National+Unification&ie=UTF-8&oe=UTF-8> (дата обращения: 08.06.2026).

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ Совет по национальному объединению (國家統一委員會) // Учебный портал по работе с архивами (檔案支援教學網). – 1990. – URL: https://art.archives.gov.tw/tw/art/1612-14170.html?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

Выработанная Национальным советом по объединению Тайваня формула легла в основу консенсуса 1992 г. – неофициальных переговоров между представителями КНР и Тайваня в Гонконге, по итогам которых обе стороны согласились придерживаться принципа одного Китая, но (в случае с Тайванем) воздерживаться от точного определения сущности этого термина. Позиция Гоминьдана была уточнена в Белой книге правительства, опубликованной в 1994 г.²⁰⁰.

Документ начинается с описания эволюции политики КПК в отношении Тайваня, где, по утверждению тайваньской стороны, Пекин, отказавшись от концепции «освобождения Тайваня» (解放台灣) в пользу «мирного воссоединения» по ряду внутривнутриполитических и внешнеполитических обстоятельств открыл возможность для осуществления мирного диалога. Далее было представлено тайваньское видение процесса объединения. Так, в Белой книге отмечено, что Гоминьдан на 12-м Национальном съезде предложил лозунг «Объединение Китая на основе трех народных принципов». Основная причина, по которой Китайская Республика выступала за такой формат, заключалась в якобы «провале марксистско-ленинского коммунизма на международной арене», а Китайская Республика, заручившись принципами Сунь Ятсена, смогла осуществить экономические и политические реформы, что привело ее к беспрецедентному процветанию.

В Белой книге отражен вклад Ли Дэнхуэя в нормализацию отношений. В частности, ему приписывается заслуга создания Национального совета по объединению Тайваня, завершение периода мобилизации (временного положения, введенного при Чан Кайши в период мобилизации) и отказ рассматривать КПК в качестве мятежной организации. Кроме того, Конституционный суд вынес революционное решение о прекращении полномочий представителей

²⁰⁰ Разъяснительный документ о взаимоотношениях между двумя берегами Тайваньского пролива 1994 г. [1994 年臺海兩岸關係說明書]. – Совет по делам материкового Китая Китайской Республики [中華民國大陸委員會]. – URL: <https://www.mac.gov.tw/cp.aspx?n=FF210059589C57F1&s=454DB66F272B1CE5> (дата обращения: 19.04.2026).

«десятитысячелетнего парламента» (члены парламента были избраны на материке в 1947 – 1948 гг. и оставались до момента их роспуска в 1991 г.)²⁰¹.

Ключевым разделом является структурное оформление отношений по обе стороны пролива. В Белой книге указано – регулирование отношений между КР и КНР не проходит в рамках обычных международных отношений между государствами, но и не является исключительно внутренним делом, поэтому предложено ввести термин «политическое образование» (чжэнчжи шити).

В заключении были перечислены принципы, согласно которым Китайская Республика и КНР должны будут воссоединиться. Эти принципы включали «принцип рациональности», «принцип мира», «принцип равноправия», а также «принцип взаимной выгоды». Тайвань также отказался от предложенной КНР концепции «одна страна – две системы», так как такой подход «полностью игнорирует существование Китайской Республики» и на деле под видом «воссоединения» преследует цель присоединения к КНР²⁰².

Таким образом, на основании заявлений Ли Дэнхуэя и Белой книги Китайской Республики 1994 г. можно прийти к следующим выводам: Китайская Республика отказалась от претензии на материковую часть Китая и при этом четко разделила понятия Китай и Китайская Народная Республика: под Китаем понимается историко-культурное и цивилизационное пространство, объединяющее материковую часть и Тайвань, тогда как КНР – это политическое образование, существующее на материке, с которым Тайвань готов взаимодействовать, но не отождествлять себя. В то же время Белая книга завуалированно признает наличие двух государств (КР и КНР), хоть использует терминологию «политическое образование». Этот тезис подтверждается позицией Ли Дэнхуэя. В 1999 г. Ли Дэнхуэй заявил, что КНР и Тайвань имеют «особые

²⁰¹ В 1991, 1992 и 1993 гг. были проведены выборы в Законодательный и Контрольный Юань. Новые парламенты, избранные тайваньцами, больше не претендовали на представительство населения материка.

²⁰² Разъяснительный документ о взаимоотношениях между двумя берегами Тайваньского пролива 1994 г. [1994 年臺海兩岸關係說明書]. – Совет по делам материкового Китая Китайской Республики [中華民國大陸委員會]. – URL: <https://www.mac.gov.tw/cp.aspx?n=FF210059589C57F1&s=454DB66F272B1CE5> (дата обращения: 19.04.2026).

отношения между государствами»²⁰³. Этот шаг был подготовлен группой чиновников и советников Гоминьдана, которые надеялись, что после ухода Ли с поста президента смогут заставить своих преемников Гоминьдана следовать линии национального строительства Тайваня.

Формула «один Китай – два равноправных политических образования» (一個中國，兩個政治實體) представляет собой альтернативу концепции «одного Китая». Она смогла встроиться в политический дискурс Тайваня как своеобразный компромисс: с одной стороны, она не отрицает наличие общей историко-культурной основы между островом и Китаем, с другой она закрепляет субъектность Тайваня в качестве отдельного политического образования.

С учетом вышесказанного можно прийти к выводу, что власть Гоминьдана при Ли Дэньхуэ изначально не собиралась стремиться к объединению, поскольку транслировала совершенно противоположную позицию, неприемлемую для Пекина. Предпринятые меры, включая создание Совета и программы объединения, были направлены на демонстрацию благоприятного отношения тайваньских властей к продвигавшейся КНР стратегии «мирного объединения». Спустя чуть больше одного десятилетия, в 2006 г., программа была официально прекращена и свернута²⁰⁴.

Дальнейшая эволюция позиции Гоминьдана по вопросу «одного Китая» связана с периодом после 2001 г. Под руководством Лянь Чжэня партия отказалась от формулы диалога «государство с государством» и предложила идею конфедерации для объединения КНР и КР²⁰⁵, однако эта концепция не получила широкой поддержки и постепенно уступила место консенсусу 1992 г. как основополагающего принципа политики Гоминьдана в отношении материкового Китая²⁰⁶. Этот подход стал ключевым нарративом эпохи правления Ма Инцзю

²⁰³ President Lee Stresses his Responsibility to Defend National Dignity // Office of the president Republic of China (Taiwan). – 27.07.1999. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1235> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁰⁴ Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Большой Китай: региональные политические проблемы: монография / Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова. – Москва: Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. – 2023. – С.76.

²⁰⁵ Confederation an error for the KMT // Taipei Times. – 06.07.2001. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2001/07/06/0000092995> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁰⁶ Институционализация Консенсуса 1992 года и максимизация его эффектов–тенденции развития отношений через Тайваньский пролив в 2015 году [九二共识的机制化几效益极大化–2015 年两岸走向]. – Фонд обменов через

(2008 – 2014 гг.). Что касается интерпретации концепции «одного Китая» в рамках консенсуса 1992 г., Ма Инцзю придерживался рамок «конституционной интерпретации». В частности, в интервью журналу Asia Weekly, Ма Инцзю отметил: «наша конституция – конституция единого Китая. Когда она была принята в 1947 г., Китайская Республика и материковый Китай еще не были разделены. Поэтому, несмотря на то что в конституцию были внесены поправки семь раз, она юридически остается конституцией, представляющей весь Китай»²⁰⁷.

В своей инаугурационной речи Ма Инцзю озвучил тезис «трех нет»: нет объединению, нет провозглашению независимости и нет применению военной силы²⁰⁸. Позже президент определил отношения между материковым Китаем и Тайванем как «особые отношения между двумя регионами, которые политически равны друг другу»²⁰⁹. Согласно Я.В. Лексютиной, Гоминьдан последовательно продвигал т.н. «жизнеспособную дипломатию», направленную на нормализацию отношений с КНР²¹⁰. На практике были подписаны многочисленные соглашения о торговле и туризме. Важным символическим шагом стала историческая встреча Ма Инцзю с председателем КНР Си Цзиньпином в 2015 г., где обе стороны еще раз подчеркнули значимость консенсуса 1992 г. для двусторонних отношений²¹¹.

К моменту проведения президентских выборов в 2016 г. тема консенсуса 1992 г. стала предметом политической борьбы между Цай Инвэнь и Чжу Лилунь. Президентская кампания проходила на фоне растущей обеспокоенности населения по поводу экономической зависимости Тайваня от Китая. Большая часть электората отдавала предпочтение более осторожной позиции по китайскому вопросу.

тайваньский пролив [財團法人海峽交流基金會]. – 26.07.2015. – URL: <https://www.sef.org.tw/article-1-129-5027> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁰⁷ Президент дал эксклюзивное интервью журналу Asia Weekly [总统接受“亚洲周刊”专访]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань). – [中華民國總統府 (臺灣)]. – 08.11.2012. – URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/17148> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁰⁸ Taiwan's new president offers China dialogue // Reuters. – 02.05.2008. – URL: <https://www.reuters.com/article/uk-taiwan-president/taiwans-new-president-offers-china-dialogue-idUKTP36457020080520> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁰⁹ Ma Ying-jeou. Inaugural Address // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 2012. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/3887> (дата обращения: 08.06.2026).

²¹⁰ Лексютина Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем / Я.В. Лексютина // Journal of International Analytics. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 80.

²¹¹ «Никакая сила не сможет разделить нас»: как прошла историческая встреча глав КНР и Тайваня // ТАСС. – 07.11.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2415956> (дата обращения: 08.06.2026).

Чжу Лилунь, пытаясь продвигать линию Ма Инцзю, не смог завоевать доверие электората, что привело к поражению на президентских выборах и уходу Гоминьдана в оппозицию.

Гоминьдан не мог получить большинство в Законодательном Юане вплоть до 2024 г. С 2016 г. партия несколько раз пыталась скорректировать свою интерпретацию консенсуса 1992 г. Иногда корректировки вносились исходя из личных убеждений председателей партии, иногда предлагались новые формулировки с целью повысить привлекательность среди населения Тайваня. Примечательно, что за последние 9 лет инициативы Гоминьдана подвергались критике как со стороны тайваньского общества, так и со стороны Пекина. В 2016 г. Чжу Лилунь уступил пост председателю Хун Сючжу, которая предложила исключить формулу «с разными интерпретациями» (各自表述) – оговорку, позволяющую Тайбэю и Пекину сохранять разное понимание, что такое Китай, и заменить ее на «с общей интерпретацией» (一中同表)²¹². Однако в 2017 г. ее сменил У Дэньи, вернувшийся к позиции Ма Инцзю.

После повторного поражения на выборах 2020 г. партия под председательством Чжони Чанга сделала акцент на конституционном понимании консенсуса 1992 г.²¹³. Председатель высказался против исключения оговорки «с разными интерпретациями»²¹⁴ (各自表述), желая придать формулировке ранее присущую ей гибкость. В 2021 г. Цзянь Цичэнь уступил свое место Чжу Лилуню. Чжу пытался сделать партию более привлекательной, назвав консенсус 1992 г. без консенсуса, что вызвало критику со стороны КНР и наиболее консервативных членов ГМД.

После выборов в 2024 г. Гоминьдан вернул партийное большинство в Законодательном Юане, опередив ДПП на одно место, однако Демократическая

²¹² Хун Сючжу: Концепция Китая с разными интерпретациями не может решить проблему двух берегов / Сючжу Хун / CAN. – 21.06.2017. – URL: <https://www.cna.com.tw/news/aip/201706210330.aspx> (дата обращения: 08.06.2026).

²¹³ Согласно этой трактовке, Гоминьдан не отказывается от идеи одного Китая, но этим единым Китаем является Китайская Республика (согласно конституции КР).

²¹⁴ Johnny Chiang: “No Respective Interpretations, “No 1992 Consensus // Kuomintang Official Website. – 29.06.2020. – URL: <https://www1.kmt.org.tw/english/page.aspx?type=article&mnum=112&anum=25752> (дата обращения: 08.06.2026).

прогрессивная партия сохранила контроль над исполнительной властью. В 2025 г. на внутрипартийных выборах победила Чжэн Ливэнь – бывшая пресс-секретарь Исполнительного юаня. Она выступает за сокращение оборонных расходов, критикует чрезмерную зависимость Тайваня от США и настаивает на расширении политических и экономических контактов с материковым Китаем. Как и ее предшественники, она рассматривает консенсус 1992 г. как основу для диалога с Пекином, однако предлагает более гибкую интерпретацию: речь должна идти не о принятии формулы «одна страна – две системы», а о признании существования Китайской Республики как объективной реальности. В риторике нового председателя Гоминьдана закрепились формула – сдерживание, диалог и деэскалация²¹⁵. Параллельно ей приходится иметь дело с внутрипартийным расколом между «традиционалистами», отстаивающими идею конечного воссоединения с Китаем, «прагматичными центристами», придерживающимися позиции поддержания сотрудничества с Китаем без ущерба для суверенитета острова, «сторонниками двухфакторной стратегии», выступающими за сбалансированный подход, сочетающий диалог с КНР на основе принципа «поиска общего при уважении различий» с одновременным укреплением обороноспособности Тайваня, а также «суверенными локалистами», акцентирующими внимание на важности суверенитета острова и сохранения статус-кво.

Кульминацией нового курса стал визит Чжэн Ливэнь в КНР в апреле 2026 г. В Нанкине она возложила венок к мавзолею Сунь Ятсена и в публичном выступлении подчеркнула идеалы единства и исторической преемственности. Председатель продвигала тезис о мире и выступала за расширение экономического, культурного и социального взаимодействия. Реакция внутри Тайваня оказалась

²¹⁵ From dove to hawk: KMT's transformation and the quest for new guardrails in cross-Straits relations // Brookings. – 12.10.2023. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/from-dove-to-hawk-kmts-transformation-and-the-quest-for-new-guardrails-in-cross-strait-relations> (дата обращения: 09.04.2026).

неоднозначной. Правящая партия ДПП резко раскритиковала поездку, обвинив Гоминьдан в излишней уступчивости перед Китаем²¹⁶.

Таким образом, к 2026 г. Гоминьдан сформировал курс, ориентированный на восстановление каналов взаимодействия с КНР при сохранении формальной приверженности существующему статус-кво. Однако данная линия остается уязвимой из-за необходимости одновременно учитывать диалог с КНР и внутренние политические ограничения, задаваемые общественным мнением и межпартийной конкуренцией. На этом фоне особое значение приобретает позиция Демократической прогрессивной партии, которая, находясь у власти, предлагает альтернативный подход. Рассмотрение эволюции ее политики позволяет выявить как сходства, так и ключевые различия в стратегиях двух ведущих сил Тайваня.

Демократическая прогрессивная партия была основана в 1986 г. Как пишет Д. Фелл, с точки зрения идеологии, партия в момент своего возникновения была центристской с небольшим левым уклоном²¹⁷. На начальном этапе в партию входили разные группы людей: представители хакка, вайшэньжэнь, сторонники независимости и объединения. В тайваньском вопросе партия поддержала концепцию самоопределения. Предполагалось, что окончательное решение о судьбе острова должно приниматься демократическим путем, а не в ходе тайных переговоров между Гоминьданом и КПК. Однако к 1989 г. ДПП начала отходить от нейтральной позиции по тайваньскому вопросу, что спровоцировало уход некоторых политиков, включая Линь Чэнцзе и Чжу Гаочэна²¹⁸. Постепенно ДПП становилась «этнической партией тайваньцев».

К началу всеобщих демократических выборов в 1991 г. партия была настроена оппозиционно в отношении политики Гоминьдана по ряду вопросов, в особенности тех, что касались тайваньской идентичности и статуса острова. Этот раскол был особенно заметен во время выборов в Национальное собрание в 1991 г.,

²¹⁶ KMT chair calls for peace as 'greatest gift' during Shanghai visit // Focus Taiwan. – 09.04.2026. – URL: <https://focustaiwan.tw/cross-strait/> (дата обращения: 09.04.2026).

²¹⁷ Fell D. Government and Politics in Taiwan – second edition / D. Fell // London & New York. – Routledge. – 2018. – P. 154.

²¹⁸ Одни из основателей ДПП и представители умеренного крыла партии.

когда на политической арене столкнулись обе партии. Как уже ранее отмечалось, Гоминьдан к моменту выборов уже зафиксировал свою позицию, учредив Национальный совет по объединению. В ответ на это ДПП включила в устав партии пункт «Положение о независимости Тайваня», сделав его ключевым элементом агитационной кампании²¹⁹.

Этот пункт до сих пор актуален и крайне неоднозначен. В нем указывается, что «Тайвань – это суверенное государство и не является частью Китайской Народной Республики, и суверенитет острова не распространяется на материковый Китай». В положении к уставу также отмечается, что «Гоминьдан делает ложные заявления о себе как о единственно легитимном правительстве Китая». Положение к уставу предлагает три цели: создание суверенного государства Республики Тайвань; переопределение территориального суверенитета; развитие культурной идентичности и национального самосознания. В конце положения предписано, что решения о создании суверенного государства и разработке новой конституции должны приниматься жителями Тайваня посредством референдума²²⁰.

С 1991 – 1992 гг. ДПП прибегала к антикитайским лозунгам, при этом они относились не только к КНР, но и к Гоминьдану, который обвинялся в политических репрессиях. Радикальная риторика ДПП была связана с разворачивающейся демократизацией на Тайване. На этом фоне внутри общества и политической элиты бурлили ранее запрещенные идеи, обсуждались различные варианты будущего: от воссоединения с Китаем до независимости Тайваня.

ДПП стремилась противопоставить себя Гоминьдану, указывая на его ответственность за трагедии прошлого – прежде всего за Инцидент «228» 1947 г. и последовавший за ним «Белый террор». Одновременно ДПП подчеркивала, что Тайвань не может быть частью Китая. Такая риторика позволяла партии формировать образ защитника «местных тайваньцев» и повышать собственный рейтинг среди сторонников независимости.

²¹⁹ DPP party platform part 2. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

²²⁰ DPP party platform part 2. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

Тем не менее, после первых успешных кампаний в начале 1990-х партия отошла от столь радикального определения статуса острова, решив его смягчить и сделать более привлекательным для избирателей. Вместо независимости ДПП стала продвигать идею возвращения Тайваня в ООН. Партия также переключилась на другие общественно-политические, социальные и экономические темы.

Д. Фелл отмечает, что отказ ДПП от радикальной риторики сблизил ее по ряду вопросов с Гоминьданом²²¹. Так, в 1995 г. председатель ДПП Ши Миндэ заявил: «Если ДПП станет правящей партией, мы не будем провозглашать независимость, потому что Тайвань уже полвека как независим²²²». ДПП хоть и продолжала апеллировать к тайваньской идентичности, но уже отошла от «антивайшэнжэньской» риторики. Гоминьдан также отходил от китайских националистических символов, вроде Чан Кайши и Сунь Ятсена, стараясь перехватить лозунг ДПП «Любить Тайвань». С такой же инициативой позже выступил президент Ли Дэньхуэй, выдвинув концепцию «нового тайваньца». В одном из своих заявлений президент сказал: «неважно, приехали ли вы 400-500 лет назад, или 40-50 лет назад с материка, или вы абориген – если вы трудитесь ради Тайваня и Китайской Республики, вы – новый тайванец»²²³.

Таким образом, можно констатировать, что к началу 2000-х гг. позиции двух партий сблизились как никогда. В 2000 г. ДПП приняла Резолюцию о будущем Тайваня, которая закрепила позицию председателя партии Ши Миндэ 1995 г. В 2000 г. впервые в истории Тайваня победил кандидат от ДПП Чэнь Шуйбянь. В своей инаугурационной речи он выдвинул формулу «четыре нет и одно условие» (四不一沒). Если КНР не будет применять военную силу, то Тайвань не будет провозглашать независимость, менять название государства, вписывать

²²¹ Fell D. Government and Politics in Taiwan – second edition / D. Fell // London & New York. – Routledge. – 2018. – P. 156.

²²² Если ДПП станет правящей партией, мы не будем провозглашать независимость Тайваня [民進黨若執政，不必也不會宣佈台灣獨立]. – Демократическая прогрессивная партия [民主進步黨]. – 15.09.1995. – URL: <https://www.dpp.org.tw/media/contents/2286>. (дата обращения: 19.04.2026).

²²³ President Lee Addresses National Assembly // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 1998. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1205> (дата обращения: 08.06.2026).

концепцию «двух государств» в Конституцию, инициировать референдум по изменению статус-кво²²⁴.

До 2002 г. ДПП старалась демонстрировать подход, ранее заданный президентом Ли Дэньхуэем. В целом позиция партии по тайваньскому вопросу мало чем отличалась от позиции Гоминьдана, что было связано с несколькими факторами: победа Чэнь Шуйбяня в 2000 г. была, по мнению М. Маттлина, неожиданной для самого кандидата и его команды, которая делала основную ставку на выборы 2004 г., а выборы в 2000 г. служили «репетицией»²²⁵. М. Маттлин отмечает, что аппарат президента был плохо сформирован, не было и точной стратегии по вопросу взаимодействия с Пекином, консультации проводились в основном чиновники из команды Ли Дэньхуэя²²⁶. Не менее важным фактором, препятствующим Чэнь Шуйбяню вести самостоятельную политику в отношении Пекина, являлось засилье Гоминьдана в Законодательном Юане. Президент с первого своего дня столкнулся с множеством экономических и политических проблем, из-за чего вопросы дальнейшего взаимодействия Китайской Республики и КНР стали менее актуальными.

Ярким атрибутом эпохи Чэнь стала непоследовательность и непредсказуемость его политических действий. Позиция президента по китайскому вопросу то смягчалась, то становилась более радикальной. Так, например, в 2003 г. Законодательным Юанем был принят Закон о референдуме, ставший важной вехой в развитии демократических институтов на Тайване. С одной стороны, закон закреплял право народа участвовать в принятии ключевых решений, в том числе в вопросах национальной безопасности, важных политических инициатив и статуса острова, с другой стороны, сам факт его появления вызвал негативную реакцию как

²²⁴ Господин Чэнь Шуйбянь, 10-й и 11-й президент Китайской Республики [第 10 – 11 任陳總統水扁先生] // Официальный сайт Президента Китайской Республики (Тайвань) [中華民國總統府]. – 20.05.2000. – URL: <https://www.president.gov.tw/Page/87> (дата обращения: 08.06.2026).

²²⁵ Mattin M. Same Content, Different Wrapping: Cross-Strait Policy Under DPP Rule / M. Mattin // China Perspectives. – 2004. – №56. – P. 3-5.

²²⁶ Ibid. P. 5.

у Пекина, так и у администрации Дж. Буша, которая считала, что референдум может подорвать статус-кво в Тайваньском проливе²²⁷.

В 2004 г., в день очередных президентских выборов, на Тайване был проведен «мирный референдум», касающийся отношений с КНР. Референдум состоялся на фоне обострения в Тайваньском проливе. В нем присутствовали два вопроса, которые были сформулированы следующим образом: «Народ Тайваня требует, чтобы вопрос о Тайваньском проливе решался мирным путем. Если Коммунистический Китай откажется вывести ракеты, направленные на Тайвань, и публично не откажется от применения силы против нас, согласны ли вы с тем, что правительство должно приобрести более совершенные противоракетные системы для усиления обороноспособности Тайваня?», а также второй вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что правительство Китайской Республики должно начать переговоры с КНР с целью создания предпосылок для поиска общего консенсуса и обеспечения благополучия народов обеих сторон²²⁸?». Оба вопроса получили поддержку более 80% избирателей, однако референдум не был признан действительным, так как явка составила менее 50%²²⁹.

Помимо референдума Чэнь Шуйбянь выступил с инициативой провести конституционную реформу, которая, согласно его предвыборным обещаниям, должна была лучше соответствовать потребностям Тайваня²³⁰. Несмотря на то, что реформа формально не затрагивала вопросы суверенитета, территории и объединения с Китаем, она вызвала серьезное раздражение со стороны КНР. Внутри тайваньского общества тоже не было консенсуса относительно необходимости преобразований.

В целом, восьмилетний срок Чэнь Шуйбяня был охарактеризован в статье Р. Росса следующим образом: «Тайвань предпринял постепенные шаги,

²²⁷ US reiterates referendum criticism // Taipei Times. – 10.12.2003. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2003/12/10/2003079024> (дата обращения: 08.06.2026).

²²⁸ Referendums Profile // Central Election Commission, 2004. URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/22> (дата обращения: 08.06.2026).

²²⁹ Taiwan's Election Results Disputed // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-mar-21-fg-taiwan21-story.html> (дата обращения: 08.06.2026).

²³⁰ Paving the Way for a Sustainable Taiwan // Taipei Times. – 21.05.2004. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2004/05/21/2003156372> (дата обращения: 08.06.2026).

сигнализирующие о намерении провозгласить независимость» и «именно Чэнь, лидер, готовый к риску, с личной приверженностью идеям независимости был ключевой фигурой в этом процессе²³¹».

Существует и альтернативная точка зрения, обусловленная эмпирическими данными. Дж. Салливан подчеркивает, что не стоит воспринимать риторику Чэня слишком буквально, так как она в основном подчинена логике демократической политической коммуникации и конкуренции, где избранные лидеры обязаны искать поддержку у разных электоральных групп, и именно поэтому в его заявлениях и действиях можно встретить большой контраст: от обещаний «четыре нет» до референдума и конституционной реформы²³². Как отметил Либертал, «Чэнь создал себе репутацию лидера, который поддерживает практически любую позицию²³³».

Несомненно, вопрос суверенитета был важным элементом идеологии Чэня. Дж. Салливан провел масштабное исследование более 2 тыс. публичных выступлений Чэня на протяжении 6 лет (в 2000 – 2006 гг.) и обнаружил, что частота упоминания слова «суверенитет» возросла почти в два раза с 2000 г. по 2004 г., но доля упоминаний по сравнению с другими темами, вроде демократии, национальной идентичности и экономики, была относительно небольшой. Автор отметил, что данная тема получала особенное внимание у иностранных СМИ, что говорит о том, что, скорее всего, его риторика о т.н. независимости была направлена на внешнюю аудиторию. Согласно исследованию автора, такие темы, как тайваньская идентичность и экономика, фигурировали примерно в 60% речей президента, но получили меньшее внимание со стороны исследователей²³⁴.

Переломным моментом в истории ДПП стал июнь 2005 г., явившийся предвестником будущего поражения партии на выборах 2008 г. и ухода в оппозицию вплоть до 2015 г. Существует множество гипотез причин утраты

²³¹ Ross R.S. Explaining Taiwan's revisionist diplomacy / R.S. Ross // Journal of Contemporary China. – 2006. – P. 456.

²³² Sullivan J. Will Lowe Chen Shui-bian: On Independence // J. Sullivan // The China Quarterly. – 2010. – No.203. – P. 620-621.

²³³ Kenneth K.G. Preventing a war over Taiwan / K.G. Kenneth // Foreign Affairs. – 2005. – Vol.84. – No.2. – P. 54.

²³⁴ Sullivan J. Will Lowe Chen Shui-bian: On Independence / J. Sullivan // The China Quarterly. – No.203. – P. 632-638.

поддержки электората. Одна из самых популярных утверждает, что поражение ДПП было обусловлено чрезмерно жесткой позицией по вопросу «одного Китая»²³⁵.

С одной стороны, эта гипотеза может быть косвенно подтверждена эмпирическими данными: к 2008 г. более 44% жителей острова идентифицировали себя и тайваньцами, и китайцами²³⁶. Навязывание тайваньской идентичности «сверху» посредством образовательных реформ, проведения референдумов, продвижения инициатив по изменению конституции вызывало обеспокоенность у значительной части электората, ориентированного прежде всего на сохранение стабильности.

С другой стороны, существуют и более важные факторы, приведшие к поражению партии. Д. Фелл выделяет три ключевых события, сыгравших значительную роль в этом сдвиге²³⁷. В 2005 г. заместитель председателя Гоминьдана возглавил делегацию, посетившую КНР. Встреча на таком уровне стала первой в истории двух сторон²³⁸. Вторым событием стал коррупционный скандал, связанный с ДПП, Чэнь Шуйбянем и его семьей. Масштабное освещение следственного процесса в СМИ серьезно подорвало репутацию ДПП как «неподкупной» партии. Впоследствии Чэнь Шуйбянь и его жена предстали перед судом и были приговорены к пожизненному сроку. Не менее важным событием стала победа Ма Инцзю – молодого и достаточно авторитетного политика, побывавшего в роли мэра Тайбэя на праймериз Гоминьдана в 2005 г. и вступившего в должность председателя Гоминьдана. Его лидерские качества сильно повысили рейтинг партии и, вероятно, уже тогда предопределили победу Гоминьдана на выборах 2008 г.

Провокационная политика Чэнь Шуйбяня в отношении материка, безусловно, сыграла роль в снижении популярности ДПП, но скорее всего, лишь косвенную и

²³⁵ Kind of Blue? Implications of Taiwan's 2008 Elections // Foreign Policy Research Institute. – 01.01.2008. – URL: <https://www.fpri.org/article/2008/01/kind-of-blue-implications-of-taiwans-2008-elections/> (дата обращения: 08.06.2026).

²³⁶ Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 08.06.2026).

²³⁷ Fell D. Government and Politics in Taiwan – second edition / D. Fell // New York: Routledge. – 2018. – P. 257-258.

²³⁸ Lien: Mainland trip of historic significance // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. – 26.04.2005. – URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt/twwt/200504/t20050426_4913103.htm (дата обращения: 08.06.2026).

незначительную. Основная причина проигрыша ДПП заключается в том, что партия не смогла оправдать ожидания тайваньского населения, которое после продолжительного авторитарного периода впервые смогло принять участие в политической жизни страны. Такие выводы можно сделать исходя из дальнейшего анализа тайваньской политики при Цай Инвэнь и Лай Циндэ, когда ДПП смогла реабилитироваться после коррупционного скандала и вновь прийти к власти в 2016 г. на фоне прошедших протестных движений 2014 г.²³⁹.

С приходом к власти Цай Инвэнь в 2016 г. стратегия сохранения статус-кво (維持現狀) стала основным подходом ее администрации. Однако было бы ошибкой трактовать этот подход как бездействие. В начале своего первого срока Цай Инвэнь заявила, что для нее сохранять статус-кво – это не «сидеть на месте», а полностью «перестроить Тайвань» (讓台灣脫胎換骨) и вести его в будущее²⁴⁰. Ее политика базируется на трех столпах: отстаивание тайваньского суверенитета, продвижение демократических ценностей, расширение международного участия. Отличительной чертой периода правления Цай Инвэнь (2016 – 2024 гг.) по сравнению с периодом правления ее предшественника – Ма Инцзю являлись отказ от экономической интеграции с КНР и диверсификация внешних связей – прежде всего с США и ближайшей единомышленницей Тайваня – Японией. Такие установки легли в основу т.н. «твердой дипломатии», знаменовавшей новый этап эволюции тайваньской внешней политики²⁴¹.

Важной отличительной чертой двух сроков Цай Инвэнь являлся отказ от признания «консенсуса 1992 г.». Президент не раз заявляла, что «Тайвань никогда не признавал консенсус 1992 г.», и что «Китай должен признать реальность существования Китайской Республики (Тайвань)²⁴²».

²³⁹ Речь идет о Движении Подсолнухов 2014 г.

²⁴⁰ Речь президента по случаю дня КР: Твердо двигаться вперед, делать страну великой через реформы [总统国庆演说“坚定向前，让国家因改革而伟大”]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань). – [中華民國總統府(臺灣)]. – 10.10.2016. – URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/20773> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁴¹ Лексютин Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем / Я.В. Лексютин // Journal of International Analytics. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 80.

²⁴² Tsai Ing-wen. President Tsai issues statement on the 1992 Consensus and cross-strait relations // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 2016. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (дата обращения: 08.06.2026).

Риторика Цай стала более «решительной» после подавления протестов в Гонконге в 2019 г. и обращения Си Цзиньпина к тайваньским соотечественникам, где председатель КНР высказался за возвращение Тайваня в рамках формулы «одна страна – две системы». В ходе своего выступления председатель неоднократно ссылаясь на консенсус 1992 г., но важно подчеркнуть, что трактовка Пекином консенсуса отличается от понимания на Тайване. Консенсус 1992 г. понимается однозначно: Тайвань – часть КНР, и никаких двусмысленностей нет, «одна страна – две системы» применяется после объединения²⁴³.

Стоит отметить, что Цай Инвэнь смогла учесть провальный опыт Чэнь Шуйбяня и выработать более взвешенный подход в отношении материка. Она, по сути, вернулась к позиции бывшего председателя партии Ши Миндэ²⁴⁴. Согласно ее убеждению, Тайвань уже является независимым государством под названием Китайская Республика, а значит, нет необходимости стремиться к тайваньской независимости.

С 2020 г. она активно продвигала формулу «Китайская Республика – Тайвань», объединяющую два взгляда на Тайвань – один, подчеркивающий самобытность Тайваня, и другой, связывающий остров с «китайским прошлым». По мнению М. Макконахи, продвижение этой формулы стало важным шагом в формировании тайваньской идентичности в рамках «статус-кво»²⁴⁵. Видение Цай Инвэнь «суверенной и независимой» (主權獨立) Китайской Республики не совместимо с принципом «одного Китая» (一個中國原則).

Ее отказ от принципа «одного Китая» не раз сталкивался с критикой как со стороны тайваньцев, которые поддерживают этот концепт, так со стороны тех, кто рассматривает его как допустимую уступку ради продуктивных отношений с КНР.

²⁴³ Выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию «Послания тайваньским соотечественникам» [习近平在“告台湾同胞书”发表40周年几年会上的讲话]. – Министерство иностранных дел КНР [中华人民共和国外交部]. – 02.01.2019. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/xjpszstzyjh/202206/t20220606_10698873.html. (дата обращения: 19.04.2026).

²⁴⁴ Если ДПП станет правящей партией, мы не будем провозглашать независимость Тайваня [民進黨若執政，不必也不會宣佈台灣獨立]. – Демократическая прогрессивная партия [民主進步黨]. – 15.09.1995. – URL: <https://www.dpp.org.tw/media/contents/2286>. (дата обращения: 19.04.2026).

²⁴⁵ McConaghy M. The potentials of occlusions of Zhonghua minguo Taiwan: in research of left nationalism in the Tsai Ing-wen era / M. McConaghy // Open Cultural Studies. – 2021. – Vol.6. – Issue1. – 2021. – P. 38-53.

Противоположная точка зрения заключается в том, что согласие Ма Инцзю на признание Консенсуса 1992 г. не изменило позицию КНР относительно неизбежности присоединения Тайваня любыми способами. Дж. Салливан отметил, что в современном политическом дискурсе Тайваня присутствует раскол не по вопросам независимости или объединения, а по вопросу сосуществования с крупнейшим торговым партнером и единственной экзистенциальной угрозой²⁴⁶. Сторонники Цай Инвэнь и ДПП признают, что неопределенность и риски – цена тайваньской автономии. Противники указывают на экономические и военные риски и оценивают позицию Цай как конфликтную и бесперспективную попытку защитить Тайвань с помощью противостояния с Китаем.

Цай Инвэнь оставила пост в 2024 г. В ходе президентских выборов победил Лай Циндэ – член фракции ДПП «Новый пролив» (新潮流系)²⁴⁷ – одной из наиболее идейных с точки зрения строительства тайваньской субъектности. Е.Н. Степанова отмечает, что победа представителя ДПП нарушает сложившийся демократический порядок смены партий у власти каждые восемь лет. Тем не менее, электорат проголосовал за продолжение курса Цай Инвэнь, о чем свидетельствует предсказуемость результатов накануне выборов²⁴⁸.

Администрация Лая не считает, что «аппетит» Пекина можно удовлетворить с помощью диалога, заверений или углубления экономической интеграции. По этой причине Лай разрабатывает т.н. «великую стратегию», направленную на поддержку статус-кво. «Великая стратегия» базируется на четырех составляющих ее столпах: устойчивость, активная дипломатия, незаменимость и асимметричная оборона.

Базовым элементом столпа «общественная устойчивость» стала организация и систематизация гражданской обороны. В 2024 г. был учрежден Комитет по всеобъемлющей оборонной устойчивости. В состав комитета вошли представители

²⁴⁶ Sullivan J. Time Matters in Cross-Strait Relations: Tsai Ing-wen and Taiwan's future / J. Sullivan // The China Quarterly. – 2024. – Р. 640-642.

²⁴⁷ Фракция «Новый пролив» была основана в 1984 г. из движения «Данвай» на Тайване.

²⁴⁸ Степанова Е.Н. Дальнейшая демократизация политической системы Тайваня при условии сохранения стабильности / Е.Н. Степанова // Век глобализации. – 2025. – №2. – С. 115.

государственных ведомств, бизнеса и гражданского общества. Комитет ведет работу по пяти ключевым направлениям: подготовка и задействование гражданского резерва; накопление стратегических запасов и распределение критически важных ресурсов; поддержание функционирования энергетики и объектов критической инфраструктуры; готовность системы социальной защиты, здравоохранения и эвакуационной инфраструктуры; а также обеспечение устойчивости информационных, транспортных и финансовых сетей²⁴⁹.

Вторым столпом стратегии Лай стала активная дипломатия. В декабре 2024 г. президент совершил турне по Маршалловым Островам, Палау и Тувалу, а также посетил Гавайи и Гуам. Перед отъездом он заявил, что эти государства поддерживают участие Тайваня в международных форумах, и подчеркнул, что активное сотрудничество с ними поможет Тайваню заявлять о себе там, где он не представлен. За первые полтора года президентства Тайвань не потерял ни одного из своих 12 официальных союзников. Помимо этого Тайбэй постепенно уходит от прежней политики «чековой дипломатии», стремясь предложить своим союзникам долгосрочное сотрудничество, основанное на семи приоритетных направлениях: устойчивость полупроводниковых цепочек, цифровое управление, развитие новых источников энергии и углеводных рынков, создание научно-технологических парков, «умное здравоохранение», агротехнологии и искусственный интеллект²⁵⁰.

Данное направление дополняется «Новой политикой продвижения на юг» (NSP+). На форуме Юйшань 2025 г. Лай Циндэ отметил, что данное направление уже привело к успехам в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества. При этом данный курс рассматривается как качественное расширение прежней стратегии, разработанной при Цай Инвэнь. Ключевой особенностью является то, что акцент смещается с региональной политики в Юго-Восточной и Южной Азии на более широкую географию взаимодействия, включающую страны Европы и Америки. В выступлении Лай Циндэ подчеркивал, что «TSP +» должна

²⁴⁹ Whole of Society Defense Resilience Committee // Office of the president Republic of China (Taiwan). – 19.06.2024. – URL: https://english.president.gov.tw/Page/670?utm_source (дата обращения: 12.04.2026).

²⁵⁰ Taiwan foreign minister introduces plan to retain 12 remaining diplomatic allies // Taiwan news. – 14.10.2024. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/5952069?utm_source (дата обращения: 12.04.2026).

способствовать построению более инклюзивного, устойчивого и процветающего Индо-Тихоокеанского региона на основе сотрудничества демократических государств и противодействия авторитарным вызовам». Таким образом, данное направление приобретает ярко выраженное политико-идеологическое измерение, связывая экономическое сотрудничество с задачами обеспечения безопасности.

Третий столп «великой стратегии» заключается в демонстрации незаменимости Тайваня для мировой экономики. В сентябре 2024 г. Лай Циндэ на пресс-конференции заявил, что Тайвань является своеобразным «фронтом демократии». По словам президента, конфликт вокруг Тайваня может затронуть все демократические страны, поэтому международное сообщество не должно находиться в стороне.

Риторика Лай Циндэ подкрепляется фактическими действиями правительства. Доля инвестиций Тайваня в материковый Китай сократилась до уровня менее 12 %, а Тайбэй продолжает диверсификацию в рамках «Новой политики продвижения на юг», активно привлекая иностранных инвесторов для развития т.н. «острова искусственного интеллекта». Предполагается, что международные компании вроде Nvidia, Microsoft и AMD будут и дальше расширять свое присутствие, создавая технологическую незаменимость острова²⁵¹.

Таким образом, трансформация подходов ДПП к концепции «одного Китая» проходила в несколько этапов и во многом зависела от внутренней консолидации избирателей, а также от наличия или отсутствия партийного большинства. На раннем этапе ДПП продвигала идеи независимости Тайваня, однако в связи с усилением электоральной конкуренции партия была вынуждена сделать риторику более прагматичной. Победа Лай Циндэ демонстрирует, что партия, как и принципы, с которыми она себя отождествляет, все еще имеет большую поддержку в обществе, однако эта поддержка не является безусловной, как это было в период президентства Цай Инвэнь. ДПП столкнулась с новыми вызовами в виде «разделенного правительства», которое не позволяет реализовывать ключевые

²⁵¹ Taiwan search for a grand strategy: Examining the four pillars of Taiwan emerging approach // Brookings. – 25.09.2024. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/taiwans-search-for-a-grand-strategy/> (дата обращения: 12.04.2026).

инициативы партии. Одним из наиболее показательных примеров является дискуссия вокруг оборонного бюджета 2026 г.²⁵². Предложенные администрацией Лай Циндэ меры по увеличению военного бюджета неоднократно блокировались оппозицией в Законодательном Юане. В итоге даже после принятия акта размер оборонного бюджета оказался гораздо меньше первоначально запрошенного²⁵³.

Отсутствие внутривнутриполитической консолидации происходит на фоне усиления давления со стороны КНР, которая усиливает межпартийные разногласия через развитие контактов с Гоминьданом. В этих условиях дальнейшая судьба ДПП во многом будет зависеть от того, насколько она сможет сохранить поддержку молодых избирателей и адаптировать свою стратегию к общественным ожиданиям. В данном контексте особое значение приобретают факторы идентичностей и смены поколений, оказывающих все более заметное влияние на политическую динамику острова.

2.2. Трансформация тайваньской идентичности и общественных настроений как фактор внешнеполитического выбора

Трансформация тайваньской идентичности является одним из ключевых внутривнутриполитических факторов, влияющих на характер внешнеполитического курса Тайваня. Изменение представлений населения о собственной идентичности и будущем острова происходило постепенно и было связано как с демократизацией политической системы, так и с особенностями исторического опыта различных возрастных групп. В этой связи теория поколений, разработанная К. Мангеймом²⁵⁴, является отправной точкой для исследования роли разных поколений в политике.

Поколение – это не просто группа людей, родившихся в одно и то же время и в одном и том же историческом и культурном контексте. Эту группу скорее можно охарактеризовать как возрастную когорту. Чтобы стать «поколением», эта

²⁵² US senator urges Taiwan parliament to pass stalled defense spending plan // Reuters. – 09.04.2026. – URL: <https://www.reuters.com/world/china/us-senator-urges-taiwan-parliament-pass-stalled-defence-spending-plan-2026-04-09/> (дата обращения: 13.04.2026).

²⁵³ Taiwan parliament approves extra defence spending but less than government wanted // Reuters. – 08.05.2026. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-parliament-approves-extra-defence-spending-less-than-government-wanted-2026-05-08/> (дата обращения: 25.05.2026).

²⁵⁴ Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // Routledge. – 1972. – P. 276-322.

«возрастная когорта» должна коллективно пройти через определенные перемены, разрушающие господствующие социальные и культурные нормы²⁵⁵. При этом каждая возрастная когорта переживает «исторический момент» по-своему, поскольку встречает его в разном возрасте. В результате этих переживаний формируются новые ценности, установки и взгляды на политическую действительность.

Люди в возрасте от 18 до 25 лет представляют когорту, чье мировоззрение в силу их молодого возраста и коллективного опыта является особенно выраженным. Столкнувшись с социальными и культурными изменениями, молодое поколение чаще всего занимает определенную сторону, формируя новые взгляды и установки²⁵⁶.

Исследования роли поколений в политике зачастую сосредоточены на их участии в политике или в активизме²⁵⁷. Многие исследователи пытаются понять, почему именно молодые поколения становятся участниками масштабных общественных-политических трансформаций²⁵⁸. В данном контексте зачастую выделяются т.н. «переломные моменты», которые формируют коллективный опыт у молодых людей. Переломными моментами могут быть как драматические события – мировые войны, Великая депрессия, революция, так и менее радикальные перемены – технологический прогресс, третья волна демократизации, ставшая своеобразным «духом времени» для многих обществ²⁵⁹.

История Тайваня во второй половине XX века насыщена драматическими событиями. Деколонизация, смена политического режима, демократизации – все эти события по-разному переживались различными возрастными когортами, чьи политические взгляды, ценности и представления о национальной идентичности менялись в зависимости от исторического контекста. В этой связи представляется

²⁵⁵ Ibid. P. 303.

²⁵⁶ Ibid P. 283.

²⁵⁷ Schiller K. Political Militancy and Generation Conflict in West Germany During the Red Decade / K. Schiller // *Debate*. – 2003. – Issue 11. – No 1. – P. 19-38.

²⁵⁸ Lyons W., Robert A.A. Tale of Two Electorates; Generational; Replacement and the Decline of Voting in Presidential Elections / W. Lyons., A.A. Robert // *Journal of Politics*. – 2000. – Issue.62. – No.4. – P.14-34.

²⁵⁹ Sears. D.O., Valentino N.A. Politic Matters: Political Events as Catalysts for Preadult Socialization / D.O. Sears., N.A. Valentino // *American Political Science Review*. – 1997. – Vol.91. – No.1. – P. 45-65.

целесообразным обратиться к конкретным попыткам адаптации поколенческого подхода применительно к тайваньскому кейсу. Одним из наиболее значимых исследований в данном направлении является работа Ш. Риггер, которая предлагает следующую периодизацию, отражающую наиболее важные исторические события на острове²⁶⁰.

- Первое поколение, родившееся до 1931 г. и вступившее в формирующие годы до 1949 г.
- Второе поколение, родившееся в период с 1931 по 1953 гг. и вступившее в формирующие годы между 1949 и 1971 гг.
- Третье поколение, родившееся в период с 1954 по 1968 г. и вступившее в формирующие годы между 1972 и 1986 гг.
- Четвертое поколение, родившееся после 1968 г. и вступившее в формирующие годы после 1986 г.

Эта периодизация в целом совпадает и с классификациями, предложенными другими исследователями, что подтверждает ее устойчивость и применимость для анализа политических предпочтений и идентичности тайваньских поколений. Чэнь Лухуэй – профессор Национального университета Чжэнчжи, в 1998 г. выделил три поколения: первое поколение – рожденные до 1942 г., второе (1943 – 1960 гг.), третье поколение – рожденные после 1961 г.²⁶¹ Гуан Хунчан – доцент Тайваньского педагогического университета выделил 4 поколения. Даты первых трех совпадают с временными рамками Чэнь Лухуэя, но автор выделяет 4-е поколение, родившееся в период с 1977 по 1995 гг.²⁶².

Несмотря на незначительные различия в конкретных годах, все периодизации демонстрируют общую логику: каждое поколение формировалось

²⁶⁰ Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism / S. Rigger // Washington: Policy Studies, 2006. – Issue. 26. – 74p.

²⁶¹ Чэнь Лухуэй., Чжоу Инлун [陳蘆輝, 周應龍]. Сохранение и изменения тайваньской идентичности [台灣民眾重要政治認同的持續與變遷]. Курс «Опрос общественного мнения» в Университете Чжэнчжи. – 2013. – URL: <http://newdoc.nccu.edu.tw/teasylabus/101792042059/CH12.pdf> (Дата обращения: 08.06.2026).

²⁶² Гуань Хунчан [关弘昌]. Исследование отношения тайваньской молодежи к вопросу независимости Тайваня и экономическому сотрудничеству с материковым Китаем [台灣青年世代統獨與兩岸經貿交流態度之探索]. – Фонд «Перспектива» [遠景基金會]. – 2019. – URL: <https://www.airitilibrary.com/Article/Detail?DocID=15601696-201804-201807180014-201807180014-1-40> (дата обращения: 08.06.2026).

под влиянием ключевых исторических и политических событий: поражение Китайской Республики в гражданской войне 1949 г., пик репрессий Белого террора (1949 – 1960 гг.), экономические реформы (1950 – 1970 гг.), дипломатическая изоляция (1970 – 1980 гг.), демократизация (1988 – 1996 гг.).

Важно также отметить, что при исследовании взглядов разных поколений на Тайване, необходимо проводить четкую линию различия между бэньшэньжэнь (коренные тайваньцы ханьского происхождения; автохтонные народы Тайваня (юаньчжунинь) и миньнанцы с хакка), а также вайшэньжэнь (переселенцы с материка). Это разграничение критически важно для анализа, так как исторический опыт, культурное воспитание и политическая адаптация у этих двух групп были разными.

Первое поколение бэньшэньжэнь включает в себя людей, родившихся до 1931 г., чья юность прошла в период японского колониального правления. Идентичность данной группы во многом формировалась под влиянием японской культуры и системы образования²⁶³. Наиболее известный пример – бывший президент Тайваня Ли Дэньхуэй, родившийся в 1923 г. на Тайване, получивший образование в Киото и влившийся в правительственные круги Гоминьдана после 1950-х гг. Ли – яркий представитель первого поколения. Он вырос как японец в период расцвета Японской Империи, когда Тайвань уже находился под колониальным управлением более 20 лет. Его представления о себе и острове формировались в эпоху, когда Тайвань был полностью оторван от Китая. Для Ли и представителей его поколения Китай был абстракцией, а Япония и Тайвань – реальностью. После 1949 г. Ли смог адаптировать свой опыт, мироощущение к новым политическим условиям, но так и не обрел патриотических чувств к Китаю²⁶⁴. Хотя он формально следовал идеологии Гоминьдана, в конечном счете

²⁶³ Большинство людей, заставших ту эпоху, лучше говорит на японском языке, чем на китайском

²⁶⁴ Во многом политические решения Ли, в том числе о создании концепции «двух государств» были обусловлены его жизненным опытом и иным восприятием Тайваня и Китая, нежели у представителей вайшэньжэнь, родившихся на материке. Важно отметить и то, что приход к власти Ли совпал со временем, когда представители второго поколения, сыгравшие ключевую роль в формировании оппозиции в 1980-х. Эти новые голоса на политической сцене подталкивали Ли учитывать меняющееся общественное сознание и адаптировать под него новую политику.

он перестал скрывать истинные взгляды на тайваньскую проблему²⁶⁵. Эпоха японского правления оставила глубокий след в мировосприятии первого поколения бэньшэньжэнь. После 1945 г., с возвращением Тайваня под контроль Китайской Республики, эти люди нередко ощущали себя чужими в условиях китаеццентристской политики Гоминьдана.

В первое поколение необходимо отнести еще одну когорту людей – вайшэньжэнь, которые родились в материковом Китае, но вынуждены были разорвать прежние связи и стать беженцами в 1949 г., когда Китайская Республика проиграла гражданскую войну. Первое поколение переселенцев с материка чрезвычайно разнообразно: они приехали из разных провинций Китая и представляли разные социальные группы – от крестьян и солдат до военных, ученых и промышленников. Все эти люди, прибыв на остров, были вынуждены переосмыслить собственную идентичность. На Тайване их называли вайшэньжэнь – люди из другой провинции. Они становились частью новой социальной категории, которая из-за Белого террора искусственно противопоставлялась местному населению – бэньшэньжэнь (жители Тайваня). Тем не менее их объединяли политическая лояльность к Гоминьдану и большие (по сравнению с местным населением) возможности, так как на раннем этапе они были более конкурентоспособными, чем местные жители, благодаря знанию китайского языка и поддержке со стороны правительства, которое давало им больше привилегий.

С 1994 по 2000 г. Бюро расследований Министерства юстиции Тайваня провело ряд крупных исследований, в которых респондентов разделили по возрастным группам, а также по принадлежности к бэньшэньжэнь и вайшэньжэнь. Им задавали одинаковые вопросы, касающиеся будущего Тайваня. Особое внимание уделялось тому, как различались позиции по вопросу объединения и независимости среди молодых и пожилых избирателей, а также среди представителей разных социальных групп²⁶⁶ (см. Приложение 1).

²⁶⁵ Зиновьев Г.В. Четвертое поколение китайского руководства и тайваньский вопрос / Г.В. Зиновьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №10. – С. 55.

²⁶⁶ Шао Цзунхай., Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое создание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與]. – Бюро расследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005.

Статистика демонстрирует серьезный социальный раскол в данной когорте: бэньшэньжэнь в подавляющем большинстве выступали за независимость: в 1994 г. – 53%, в 2000 г. – 36%. Вайшэньжэнь, наоборот, выступали за объединение с Китаем: в 1994 г. – 76%, в 2000 г. – 75%. При этом сохранялось немалое количество сторонников статус-кво. За 6 лет сторонников статус-кво стало больше, особенно среди представителей бэньшэньжэнь – с 42% до 55%, та же тенденция прослеживается и у вайшэньжэнь: с 22% до 24%.

Ко второму поколению относят людей, родившихся в 1939 – 1953 гг. К моменту, когда представителям этого поколения исполнилось 16 – 18 лет, Тайвань вступил в новую фазу развития: бурные социально-экономические реформы резко улучшили уровень жизни островитян. Восстановление экономики сопровождалось высоким уровнем мобилизации населения и интенсивной идеологической подготовкой²⁶⁷. В школах, государственных учреждениях, в СМИ использовали исключительно китайский язык, а за разговоры на тайваньском диалекте или на японском языке нарушители могли понести наказание²⁶⁸. Тем не менее, некоторые послабления правительства, касавшиеся участия тайваньцев в местных выборах способствовали появлению политиков нового поколения – тайваньцев (бэньшэньжэнь), которые интегрировались в систему и вошли в партию Гоминьдан: Лянь Чжань (бывший премьер-министр и министр иностранных дел КР), Ван Цзиньпин (спикер Законодательного Юаня), Линь Янган (бывший министр внутренних дел), Чэнь Лиань (возглавлял Контрольный Юань) и многие другие.

В то же время параллельно формировалась внепартийная оппозиция. Это движение получило название «данвай юньдун» (движение вне партии). В него входила часть тайваньской интеллигенции. Так, например, Чэнь Шуйбянь был ярким представителем оппозиции в 1970-х. Будучи юристом и адвокатом, он

– URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

²⁶⁷ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / В.Г. Буров // Москва: ИФ РАН. – 1998. – С. 61.

²⁶⁸ Sandel T.L. Linguistic Capital in Taiwan: The KMT's Mandarin Language Policy and its Perceived Impact on Language Practices of Bilingual Mandarin and Tai-gi speakers / T.L. Sandel // Language in Society. – 2003. – Vol. – 32. – P. 534.

защищал политических активистов и жертв репрессий²⁶⁹. «Внепартийные» политики второго поколения сыграли ключевую роль в современной тайваньской политике. Помимо упомянутого Чэнь Шуйбяня, к ним можно отнести Лю Сяобо (бывший вице-президент КР), Цю Ижэнь (старший советник президента Китайской Республики), Ши Минцэ, Сюй Синлян, Люй Сюлянь, Цзян Пэнцзянь (основатель ДПП) и многие другие, которые построили карьеру в борьбе с Гоминьданом. Почти все упомянутые политики позже вошли в Демократическую прогрессивную партию и сыграли важную роль в становлении многопартийной системы на острове. Их борьба с Гоминьданом стала причиной их радикальных взглядов в отношении Китая. В их молодости Китай ассоциировался прежде всего с Гоминьданом и Китайской Республикой. Позднее, даже после краха режима, их отношение осталось предвзятым, но уже в отношении КНР и КПК, ставших новой целью их борьбы²⁷⁰.

Второе поколение вайшэньжэнь оказалось в более уязвимом положении, чем их родители: выросшие уже на Тайване, они нередко ощущали себя чужими в обществе, к которому формально принадлежали. Языковой барьер стал одной из ключевых причин – внутри семей продолжали говорить на северных диалектах и мандарине, тогда как большинство тайваньцев использовало миньнаньский диалект или хакка; это усиливало социальную дистанцию и порождало чувство культурной изоляции²⁷¹. Не меньшую роль играла жилищная сегрегация: семьи вайшэньжэнь жили в особых военных поселениях – цзюньцунь и практически не контактировали с местным населением²⁷². Это формировало у молодежи ощущение временности своего положения, многие продолжали верить в скорое возвращение на материк, что усиливало психологическую неустойчивость и расколотовую

²⁶⁹ В 1979 году Чэнь Шуйбянь был адвокатом нескольких обвиняемых по Гаосюнскому инциденту. Предыстория: Редакция оппозиционного журнала *Formosa Magazine* устроила демонстрацию против авторитарного правления Гоминьдана. В результате митинг был разогнан полицией, а лидеры оппозиции были арестованы. Чэнь Шуйбянь выступал на стороне защиты, однако, несмотря на резонанс, и выступление многих видных и известных лиц в защиту подсудимых, многие получили большие тюремные сроки.

²⁷⁰ Rigger S. *Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism* / S. Rigger // *Washington: Policy Studies*. – 2006. – Issue 26. – P. 41.

²⁷¹ Ibid. P. 44.

²⁷² Yang D., Chang M. *Understanding the Nuances of Waishengren* / D. Yang., M. Chang // *China Perspectives*. – 2010. – No 3. – P. 108-109.

идентичность²⁷³. Со временем это поколение стало тяготеть к локализации через образование, участие в политике и смешанные браки. Многие интегрировались в общество, переосмыслив себя уже не как людей «из других провинций», а как тайваньцев²⁷⁴ (см. Приложение 2).

Статистика демонстрирует, что в 1994 г. сторонников независимости среди бэньшэньжэнь было 51%, в 2000 г. это количество уменьшилось до 32%. Сторонников объединения среди вайшэньжэнь в 1994 г. было 56%, в 2000 г. их стало 59%. Социальный раскол по-прежнему сохранился, но цифры демонстрируют и то, что обе группы достигли определенного консенсуса в отношении сохранения статус-кво.

Третье поколение тайваньцев, родившееся в 1953 – 1968 гг., выросло в условиях постепенной международной изоляции Китайской Республики. В отличие от второго поколения, активно вступавших в ряды Гоминьдана или боровшихся с авторитаризмом, представители третьего поколения отличались гибкостью и прагматичностью. Они стали свидетелями демократизации, проходившей с конца 1970-х по 1995 г. Таким образом, если в авангарде политической модернизации стояло второе поколение, то третье выросло в условиях этой трансформации. К этому поколению принадлежат Цай Инвэнь и Лай Циндэ. Их политическая карьера началась уже после легализации оппозиции.

Третье поколение «переселенцев» в силу родительского происхождения хоть и сохраняло определенное отличие от бэньшэньжэнь, но именно это поколение прошло «ассимиляцию» в тайваньском обществе. Постепенно грань между бэньшэньжэнь и вайшэньжэнь стала размываться. К тому же это поколение ни разу не бывало в материковой части Китая и формировало свою идентичность

²⁷³И Синьпин [易星萍]. Я не живу за «бамбуковым забором»: жизненная история женщины-вайшэньжэнь в хакка-деревне (1950–1980 гг.) [我不住在「竹籬笆」：一個外省女性的客家村落生命史 (1950-1980)] / Синьпин И [星萍易] // Диссертация магистерской программы для работающих специалистов по направлению «Хаккское общество и культура» факультета хаккской культуры Национального университета Цзяотун [國立交通大學客家文化學院客家社會與文化教師碩士在職專班論文]. – 2009. – С. 20.

²⁷⁴Шао Цзунхай., Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое создание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與]. – Бюро исследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005. – URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

исключительно в рамках Тайваня, сочетая семейные традиции с опытом жизни на острове и участием в его политической, социальной и экономической жизни²⁷⁵.

Согласно результатам, в третьем поколении заметно меньше сторонников независимости среди бэньшэньжэнь. В 1994 г. – 47%, в 2000 г. – 34%. Сторонников объединения среди вайшэньжэнь, напротив, стало больше – 60% в 1994 г. и 61% в 2000 г. Стремление к сотрудничеству с Китаем объяснимо событиями конца 1990-х, когда на Тайване впервые открылась возможность без риска репрессий обсуждать различные сценарии будущего острова, а начавшийся диалог между обеими сторонами при Ли Дэньхуэ, а также открывшаяся гипотетическая возможность вернуться на родину, не могли не повлиять на всплеск энтузиазма людей, чьи прародители родились в Китае. Однако стоит отметить, что сторонников «немедленного объединения» все равно крайне мало во всех трех поколениях, и большинство предпочитает последовательный подход в этом вопросе. Также важно отметить и то, что с каждым поколением как сторонников объединения, так и сторонников независимости становится все меньше, а респондентов, занимающих сбалансированную или осторожную позицию, напротив, больше (см. Приложение 3).

Четвертое поколение, родившееся после 1968 г., вступило во взрослую жизнь уже после того, как демократизация завершилась. Для них быть тайваньцем – это естественное состояние, а не политическое самоутверждение или противопоставление китайской идентичности. Ш. Риггер отмечает, что третье и четвертое поколения, в отличие от предыдущих, склонны нейтрально относиться к Китаю. Это не означает, что они не испытывают глубокой привязанности к Тайваню как к своей родине, но для них любовь к Тайваню не подразумевает ненависти к Китаю²⁷⁶.

²⁷⁵ Шао Цзунхай., Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое создание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與] / Цзунхай Шао., Юли Тан [宗海邵, 玉禮唐]. – Бюро исследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005. – URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

²⁷⁶Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism / S. Rigger // Washington: Policy Studies, 2006. – Issue 26. – 74. – P.10.

Изучением пятого поколения, которое нередко называется поколением «подсолнухов»²⁷⁷, занимались следующие авторы: Чу Юньхань, Гэн Шу, Чэнь Лухуэй, Чжоу Инлун. Согласно периодизации Чэнь Лухуэя и Чжоу Инлуна, данное поколение объединяет людей, родившихся в период с 1977 по 1995 г. Авторы отмечают, что в процессе взросления это поколение столкнулось с разворачивающимися общественно-политическими дискуссиями относительно будущего острова (приход к власти ДПП, Чэнь Шуйбяня в 2000 г., укрепившаяся двухпартийная система), а к моменту Движения подсолнухов в 2014 г. молодым представителям этого поколения исполнилось 20 лет, а старшим около 38 лет²⁷⁸.

Чу Юньхань, анализирувавший роль данного поколения в Восточной Азии, отметил, что оно обладает высоким уровнем политической вовлеченности и предъявляет более высокие требования к существующей политической системе²⁷⁹. Их отношение к КНР определяется, по мнению Гэн Шу, двумя переменными – «рациональными» и «эмоциональными». Люди, которые видят личную выгоду от взаимодействия с материком, будут лучше относиться к интеграции с Китаем, тогда как другие, акцентирующие внимание на собственной идентичности и принадлежности к бэньшэньжэнь, будут более сдержанно относиться к различным экономическим и политическим инициативам правительства в отношении двусторонних связей²⁸⁰.

Более глубокое исследование провел Гуань Хунчан. В своей работе, опираясь на статистические данные, предложенные Университетом Чжэнчжи, автор пришел к нескольким выводам: поколение Y больше предыдущих выступает за независимость острова, но при условии, что не будет войны в Тайваньском проливе.

²⁷⁷ Такое название закрепилось в СМИ и общественном дискурсе сразу после Движения Подсолнухов 2014 г. Молодежь, которая в те годы была активна и сформировала новую гражданскую идентичность, стала называться поколением Подсолнухов.

²⁷⁸ Чэнь Лухуэй, Чжоу Инлун [陳蘆輝, 周應龍]. Сохранение и изменения тайваньской идентичности [台灣民眾重要政治認同的持續與變遷] / Лухуэй Чэнь, Инлун Чжоу [蘆輝陳, 應龍周]. – Курс «Опрос общественного мнения» в Университете Чжэнчжи. – 2013. – URL: <http://newdoc.nccu.edu.tw/teasylabus/101792042059/CH12.pdf> (Дата обращения: 08.06.2026).

²⁷⁹ Chu Y.H., Welsh. B. Millennials and East Asia's Democratic Future / Y.H. Chu., B. Welsh // Journal of Democracy. – 2015. – Vol. 26. – Issue 2. – P. 157-159.

²⁸⁰ Keng S., Chen Lu-huei, Huang Kuan-Po. Sense, Sensitivity, and Sophistication on Shaping the Future of Cross-Strait Relations / S. Keng., Lu-huei Chen // Issues and Studies. – 2006. – Vol.42. – No.4. – P. 49.

В то же время автор отмечает и то, что оно чаще всего поддерживает экономическое сотрудничество с материком. Такой феномен автор охарактеризовал как 分手但不绝交 (расстаться, но сохранить связи).

Этот феномен подтверждается эмпирическими данными, опубликованными на платформе Taiwan National Security Studies²⁸¹ (TNSS). Данный ресурс собирает статистику с 2002 г. во всех крупных городах Тайваня. В 2025 г. было проведено исследование, в котором приняли участие 1503 человека. Респондентам задали 35 вопросов, ключевыми темами которых были идентичность, национальная безопасность и отношение к материковому Китаю²⁸² (см. Приложение 4). Представленные данные демонстрируют преобладание умеренных и прагматичных настроений в тайваньском обществе. 67% выступают за улучшение экономических отношений с КНР, но при этом 48,6% опрошенных считают, что чрезмерная экономическая зависимость от КНР может привести к негативным последствиям. Свыше 89% предпочитают сохранять статус-кво и откладывать решение об объединении или независимости на неопределенный срок²⁸³.

Еще одной особенностью поколения является высокий уровень цифровой социализации. Выросшие в эпоху интернета и социальных сетей, представители поколения формируют политические взгляды преимущественно через онлайн-среду. Этим фактором обусловлено и создание различных правительственных программ вроде Национального плана открытого правительства²⁸⁴. Согласно исследованию, 76,2% респондентов до 35 лет указали, что социальные сети являются их основным источником политических новостей²⁸⁵.

²⁸¹ TNSS Survey Data (2002-2024) // Taiwan National Security Studies. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁸² TNSS Survey Data (2002-2024) // Taiwan National Security Studies. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁸³ TNSS Survey Data (2002-2025) // Taiwan National Security Studies. – 2025. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁸⁴ Тайваньское правительство запустило ряд цифровых инициатив для повышения прозрачности государственного управления. Доступные сервисы позволяют интегрировать большее количество людей в политику и создать конструктивные механизмы коммуникации и взаимодействия между обществом и государством.

²⁸⁵ Fikry Z.E. The Trust of Taiwanese youth in Mainstream Media and social media // Z.E. Fikry // National Taiwan Normal University. – 2024. – URL: https://taiwanfellowship.ncl.edu.tw/files/scholar_publish/2358-yvodkjeztjiiwz.pdf?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

Поколение Z на Тайване, под которым понимаются лица, родившиеся приблизительно с конца 1990-х до начала 2010-х гг., представляет собой наиболее современную когорту с политической точки зрения, поскольку именно его представители в настоящее время достигают совершеннолетия и начинают активно включаться в общественно-политическую жизнь. Оно имеет совершенно иную модель политического участия, так как формируется в среде, где политика и повседневная жизнь тесно переплетены. Уже в середине 2020-х гг. становится очевидным, что участие молодежи в политике перестает быть эпизодическим актом, связанным с выборами или протестами, а превращается в перманентное состояние.

Молодежь массово переходит с традиционных соцсетей вроде Facebook²⁸⁶ и Professional Technology Temple²⁸⁷ на более популярную платформу Threads²⁸⁸, ставшую в последние годы самой используемой социальной сетью на острове. К апрелю 2025 г. на Тайвань приходилось около четверти глобального трафика на платформе Threads (принадлежит корпорации Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ). Исследования показывают, что более 74% респондентов в возрасте 15–24 лет использовали данную платформу для получения информации о движении «Синяя птица»²⁸⁹ – массовых протестах 2024 г. против парламентских реформ Гоминьдана и Тайваньской народной партии, направленных на расширение полномочий законодательной власти.

Такие показатели указывают на смену цифрового пространства, где короткие сообщения и видеоролики становятся популярными среди молодого поколения, так как предлагают совершенно иные возможности: алгоритмы выводят в ленту посты или видео незнакомых пользователей, тем самым разрушая прежнюю логику «замкнутых сообществ». В результате любой пользователь, будучи даже аполитичным, может быть вовлечен в обсуждение политических проблем. Важной

²⁸⁶ Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

²⁸⁷ Professional Technology Temple – крупнейшая BBS-платформа Тайваня, созданная еще в 1990-е годы.

²⁸⁸ Threads – социальная сеть компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

²⁸⁹ Weener T., Chang H. The First Mass Protest on Threads: Multimodal Mobilization and AI-Generated Visuals in Taiwan's Bluebird Movement / T. Weener., H. Chang // Program in Quantitative Social Science. – 2026. – P.1.

особенностью новой платформы является и то, что порог участия в ней достаточно низкий: короткий формат сообщений и видеороликов делает коммуникацию между людьми более спонтанной и непринужденной.

В последние годы заметны изменения политических предпочтений у современной тайваньской молодежи, которая, подобно поколению «подсолнухов», ориентирована на защиту демократических институтов, но отличается от своих предшественников менее идеологизированным характером политического участия. Если для предыдущего поколения была характерна более выраженная коллективная мобилизация и четкая политическая повестка, чаще всего привязанная к партийной идентичности, то представители поколения Z предпочитают ситуативное участие. Например, в ходе движения «Синяя птица» молодежь мобилизовалась не за какую-то партию, а против Гоминьдана, который стремился получить большие полномочия, что воспринималось участниками протестов как потенциальный риск не только для демократической системы Тайваня, но и для его будущего положения, учитывая тесные отношения Гоминьдана с КНР²⁹⁰.

Особую роль в этой трансформации играет «меметизация» политики. Мемы позволяют выражать позицию в сжатой, ироничной и легко распространяемой форме, что особенно важно в условиях наличия алгоритмов в соцсетях. В ходе протестов 2024 г. политические заявления активно переводились в формат вирусных видеороликов – например, насмешки представителей Гоминьдана над протестующими были переведены энтузиастами на корейский и английский в виде популярных мелодий. Так формируется коллективная идентичность через юмор, игру и культурные отсылки. В таких обстоятельствах политика становится разновидностью культурного производства, где важна не только позиция, но и то, как она выражается. Кроме того, политическое участие имеет гибридный характер. Хотя общественная мобилизация начинается в цифровом пространстве, в

²⁹⁰ Ho M-S., Huang Chun-Hao., Ting Yun., Lin Thung-Hong. Reactivating a movement legacy: Taiwan's political protests from Sunflowers to Bluebirds / M-S Ho., Chun-Hao Huang., Yun Ting., Thung-Hong Lin // Social Movement Studies. – 2025. – P. 9-10.

современном Тайване она не остается исключительно в нем. Онлайн-активность чаще всего трансформируется в офлайн-действия в виде митингов, волонтерских кампаний и сбор подписей.

Таким образом, идеологическая и политическая трансформация, запущенная после демократизации, до сих пор влияет на восприятие концепции «одного Китая», особенно среди поколений, сформировавшихся во время данного процесса или после его завершения. Если ранее отношение к воссоединению с КНР во многом формировалось через партийную принадлежность, идеологические установки или историческую память, то для последующих поколений этот вопрос является менее абстрактным, так как решение тайваньской проблемы может напрямую повлиять на их повседневную жизнь – в частности, по их мнению, на безопасность и стабильность на острове, уровень гражданских свобод и характер медиасреды.

Современные тайваньские поколения, преимущественно Y и Z, выросли в принципиально иных условиях – в уже сложившемся демократическом обществе, где базовые политические права воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. В отличие от предыдущих когорт их социализация происходила не в условиях идеологической мобилизации, а в открытой информационной среде с доступом к альтернативным точкам зрения. Развитая цифровая среда, а также глобализация изменили ценностные ориентиры тайваньской молодежи. Их ценности более не сводятся исключительно к поддержке независимости или объединения. Для значительной части населения вопросы качества жизни, личной свободы и социальной стабильности оказываются более значимыми. В результате Тайвань сталкивается с внутренним парадоксом: общество в целом не поддерживает идею воссоединения с Китаем, но и не готово платить высокую цену за фактическую независимость. Такие общественные настроения во многом связаны со спецификой тайваньской идентичности и ее влиянием на восприятие концепции «одного Китая».

Проблема идентичности занимает центральное место в тайваньских исследованиях. Ее изучением занимался ряд авторитетных американских и тайваньских авторов: Ш. Риггер, Жан Пьер Кабестан, Д. Фелл, Чан Юшан,

Чэнь Лухуэй, Чу Юньхань. На данный момент накоплено большое количество эмпирических данных, включая ежегодные опросы тайваньского населения, проводимые институтом Чжэнчжи.

С теоретической точки зрения идентичность рассматривается как результат коллективного конструирования, в рамках которого формируются устойчивые представления о принадлежности к определенной группе. Ш. Риггер отмечает, что тайваньцы различают этническое самосознание, измеряемое через ответ на вопрос «тайванец, китаец или и то, и другое», и национальную идентичность, определяемую через представления о том, что подразумевается под «нашей страной»²⁹¹.

Д. Фелл отмечает, что чувство принадлежности к Китаю чаще всего связано с этническим самосознанием, тогда как тайваньская идентичность связана с восприятием Тайваня как самостоятельного политического сообщества²⁹². Схожего мнения придерживается М. Браун, которая отмечает, что тайваньская идентичность трансформируется под влиянием социально-политических факторов²⁹³. Схожей точки зрения придерживаются российские исследователи А.Д. Дикарев и А.А. Лукин, которые подчеркивают, что под термином «Тайвань» часто обозначают разные понятия, сущность которых определяется политической идеологией говорящего²⁹⁴.

В этой связи представляется обоснованной позиция ряда исследователей, указывающих на наличие взаимосвязи между идентичностью и политическими предпочтениями, которая, однако, носит опосредованный характер и может не проявляться напрямую из-за прагматических соображений. Согласно этой точке зрения, тайваньцы могли бы в большей степени поддержать независимость, если это было бы не сопряжено с серьезными издержками безопасности²⁹⁵. Такая точка

²⁹¹ Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism / S. Rigger // Washington: Policy Studies. – 2006. – Issue 26. – P. 8.

²⁹² Fell D. Government and Politics in Taiwan / D. Fell // New York: Routledge Research on Taiwan, 2018. – P. 150.

²⁹³ Brown M.J. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture, Power, and Migration on Changing Identities / M.J. Brown // Berkeley: University of California Press. – 2004. – Issues & Studies 40. – P. 453-509.

²⁹⁴ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Тайваньская нация: от мифа к реальности? / А.Д. Дикарев., А.В. Лукин // Сравнительная политика. – 2021. – №1. – С. 119.

²⁹⁵ Niou E.M. Understanding Taiwan Independence and Its Policy Implications / E.M. Niou // Asian Survey. – 2004. – Vol 44. – No 4. – P. 555.

зрения отчасти поддерживается статистическими данными за 2025 г., которые демонстрируют, что в случае, если провозглашение независимости не повлечет за собой агрессию со стороны КНР, то за такой сценарий проголосовало бы 67,3% населения²⁹⁶.

Точек зрения относительно того, что из себя представляет тайваньская идентичность, достаточно много. Исследования в КНР тоже предлагают разные взгляды на эту проблему. Цзе Далэй уверен, что не стоит слишком сильно драматизировать влияние тайваньской идентичности на отношения между островом и материком. Автор отмечает тенденцию роста людей, считающих себя «тайваньцами», а не «китайцами», но подчеркивает, что тема тайваньской независимости не фигурирует в общественно-политическом дискурсе Тайваня. Люди, требующие независимости, относятся к маргинальному меньшинству. Приход ДПП к власти в 2014 г. он также связывает не с «референдумом против КНР», а с комплексом ошибок Гоминьдана. При этом, по мнению автора, наиболее радикальные инициативы, такие как концепция двух государств Ли Дэнхуэя или референдумы Чэнь Шуйбяня, были навязаны «сверху», без какого-либо участия населения в их разработке²⁹⁷.

Другие китайские авторы менее оптимистично относятся к росту тайваньского самосознания. По мнению Янь Цзюня, наблюдаемое в политическом дискурсе Тайваня отрицание культурного и исторического прошлого препятствует мирному воссоединению с материком, так как в обществе искусственно формируется негативный образ Китая. Автор утверждает, что нынешняя политика ДПП, направленная на сохранение статус-кво, принципиально расходится с интересами КНР, так как под статус-кво, по сути, замаскирована де-факто независимость²⁹⁸.

²⁹⁶ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2025. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁹⁷ Цзе Далэй [节大磊]. Заблуждения о тайваньской идентичности [台湾认同的迷思] / Далэй Цзе [大磊节] // Вестник факультета международных отношений Пекинского университета [北京大学国际关系学院]. – 2015. – P. 128-139.

²⁹⁸ Янь Цзюнь [严峻]. Анализ политики материкового Китая в отношении Тайваня в новой ситуации отношений между двумя сторонами пролива [试析两岸关系新形势下大陆对台政策] / Цзюнь Янь [峻严] // Современные тайваньские исследования [现代台湾研究]. – No 5. – P. 4-5.

Схожую точку зрения выражает и Чжоу Чжихуай, китайский эксперт по Тайваню. Автор подчеркивает, что ДПП с 2016 г. активно продвигает курс фактической независимости Тайваня во всех сферах, тем самым подрывая политическую основу двусторонних отношений. Автор отмечает, что хотя ситуация в тайваньском проливе остается относительно спокойной, Китай должен сохранять инициативу, избегая чрезмерной мягкости и в то же время не поддаваться провокациям извне²⁹⁹.

Позиция китайских исследователей в отношении вопроса о тайваньской идентичности с каждым годом становится жестче. Так, в апреле 2025 г. был организован круглый стол с участием Чжан Вэньшэня (заместитель директора Института тайваньских исследований). Исследователи отметили, что с приходом к власти Лай Циндэ «лицо тайваньской независимости» стало более явным, тем не менее, участники пришли к выводу, что «время на стороне КНР», и Китаю и дальше следует формировать тренд «неизбежности объединения родины», который должен базироваться на трех столпах: углублении экономической интеграции, формировании у населения Тайваня чувства культурной и национальной принадлежности к КНР, демонстрации военной мощи для сдерживания сепаратистов³⁰⁰.

Опасения китайских экспертов связаны с якобы возросшей про-независимой тенденцией в тайваньском обществе и политике. Эксперты склонны обвинять в этом администрацию ДПП, которая «навязывает тайваньскому населению миф о независимости». В ходе аналогичного мероприятия, проведенного в 2023 г., эксперты заключили, что концепт «естественная независимость» (自然独), выдвинутый Цай Инвэнь в 2016 г. (*речь идет о том, что тайваньская молодежь*

²⁹⁹ Укрепление и углубление мирного развития отношений между двумя берегами [两岸关系和平发展的巩固与深化]: сборник материалов научной конференции Всекитайского общества исследований Тайваня 2012 года [全国台湾研究会 2012 年学术研讨会论文选编] / Чжоу Чжихуай [周志怀] (гл. ред.) // Пекин: Цзючжоу чубаньшэ [九州出版社]. – 2013. – Р. 3-13.

³⁰⁰ Глобальный круглый стол: инициативу держим в своих руках, всеми силами формируем тренд неизбежного объединения Родины [环球圆桌对话：操之在我，有力“塑造祖国必然度一大势”] – Китайская сеть [中国网]. – 10.04.2025. – URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2025-04/10/content_117815732.shtml. (дата обращения: 19.04.2026).

«по своей природе» поддерживает независимость), на самом деле является несуществующим мифом ДПП³⁰¹.

Эмпирические данные подтверждают некоторые тезисы китайских исследователей. На Тайване действительно отсутствует консенсус о т.н. независимости. Под этой «независимостью» имеется в виду создание нового государства – «Тайваньской Республики». Однако Тайвань никогда официально не претендовал и не претендует на создание отдельного государства (были лишь косвенные инициативы Ли Дэньхуэя и Чэнь Шуйбяня, которые так и не были поддержаны большинством населения)³⁰².

Что касается тайваньской идентичности, то она, судя по опросам населения, которые проводились с 1992 г., развивалась эволюционно и последовательно на протяжении последних десятилетий. Тайваньская идентичность не является идеей, навязанной исключительно сверху, потому что рост количества людей, считающих себя тайваньцами, а не китайцами, наблюдался не только в период правления президентов от ДПП, но и в период правления Ма Инцзю (2008 – 2016 гг.), когда Гоминьдан придерживался курса на сближение с КНР и подчеркивал приверженность консенсусу 1992 г.

Кроме того, молодые сторонники Гоминьдана (до 30 лет) в значительной степени идентифицируют себя как «тайваньцы» – 50%, либо как носители двойной идентичности – 44%³⁰³. Опрос сторонников ДПП показал немного другой результат – 88% считают себя тайваньцами, 11% обладают двойной идентификацией³⁰⁴. На первый взгляд статистика показывает большую разницу, но в реальности между электоратом обеих партий больше общего во взглядах – обе группы в большинстве считают себя тайваньцами, сторонники ГМД просто реже отрицают свою

³⁰¹ Исследование развенчало миф о естественной независимости молодого поколения Тайваня [两岸学者深度对谈戳破台湾年轻一代“天然独”假象] // Синьхуа [新华网]. – 30.06.2023. – URL: http://www.news.cn/2023-06/30/c_1129726641.htm (дата обращения: 08.06.2026).

³⁰² Ли Дэньхуэй был вынужден отказаться от продвижения своей концепции «двух государств», так как его инициатива не вызвала всеобщего консенсуса не только внутри Тайваня, но и в США, которые опасались эскалации. Что касается Чэнь Шуйбяня, то речь идет о попытке провести референдум. Как было отмечено в предыдущей главе, референдум провалился, так как на него пришло менее 50% голосующих.

³⁰³ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2024. – URL: <https://sites.duke.edu/tNSS/tNSS-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁰⁴ Ibid.

взаимосвязь с китайской культурой и историей, чем их оппоненты по политическим взглядам.

Ниже будут приведены данные, собранные Институтом Чжэнчжи, который регулярно с 1992 г. проводит социологические исследования по ряду вопросов, включая самоидентификацию тайваньцев и их отношение к статусу острова³⁰⁵. Накопленные за почти 30 лет данные представляют большую научную ценность, так как демонстрируют определенную последовательность развития политической самоидентификации. Исследование основано на телефонных опросах взрослого населения Тайваня (от 20 лет, без учета островов Циньмэнь и Мацзу). Выборка формируется по принципу случайного отбора телефонных номеров, охватывающего до 35 тыс. респондентов ежегодно. Основные переменные – отношение к независимости или объединению с материком, партийная принадлежность и национальная идентичность (тайванец, китаец или носитель двойной идентичности).

График за 2025 г. наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию роста числа людей, считающих себя исключительно «тайваньцами». С 1992 по 2025 г. этот рост вырос с 17,6% до 62,9%. В то же время можно увидеть одновременное снижение числа тех, кто воспринимает себя как «китайцев»: с 25,5% до 2,3%, а также носителей двойной идентичности: с 46,4% до 30,5% (см. Приложение 5).

Динамика роста и снижения этих показателей четко коррелирует с определенными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими событиями. В рамках исследования взаимосвязи тайваньской идентичности и политики можно выделить несколько последовательных фаз.

Первая фаза (1996 – 2000) совпадает с проведением прямых выборов президента в 1996 г., в ходе которых на второй срок был избран Ли Дэнхуэй, а также военными учениями со стороны КНР, вылившимися в т.н. «Третий кризис в

³⁰⁵ Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 08.06.2026).

Тайваньском проливе»³⁰⁶. За один год доля респондентов, идентифицирующих себя как «тайваньцы» выросла с 24,1% до 34%.

Такой рост можно объяснить несколькими факторами: во-первых, проведение первых прямых президентских выборов укрепило чувство гражданской вовлеченности в политический процесс. Американский социолог Дж. Джаспер считает, что политическое участие играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности, так как служит эмоциональным механизмом, через который люди осознают себя частью определенной нации или группы; во-вторых, усиление военной активности в регионе усилило восприятие угрозы и тем самым способствовало консолидации общества³⁰⁷. В дальнейшем то же явление повторится во время движения подсолнухов 2014 г., в период подавления протестов в Гонконге 2019 г., а также в 2024 г. в процессе Движения «синей птицы». Это говорит о некоторой корреляции между укреплением самосознания и общественным восприятием действий КНР.

Вторая фаза (2000 – 2008 гг.) связана с приходом к власти Чэнь Шуйбяня (ДПП). В этот период доля тайваньцев продолжает расти: в 2004 г. – 44,6%, в 2006 г. – 47,7%, а к 2008 г. – 48,4 %. Этот процесс отражал постепенное закрепление процесса роста самосознания, начавшегося в эпоху Ли Дэньхуэя. К тому же политика администрации Чэня этому способствовала: проводились активные публичные дискуссии о национальной принадлежности, символах, таких как флаг и гимн, а также о наименовании Тайваня в международных организациях³⁰⁸. В СМИ вопрос о самосознании стал практически центральным. Хуан Чинлунь, исследуя роль медиа на Тайване, отметил, что ДПП прилагала все усилия, чтобы свести к минимуму китайское самосознание, устраняя в аффилированных СМИ

³⁰⁶ Третий кризис в Тайваньском проливе – военные учения и ракетные испытания, проведенные КНР в 1995–1996 годах в акватории вокруг Тайваня на фоне обострения отношений между сторонами из-за визита Ли Дэньхуэя в США.

³⁰⁷ Jasper J.M., Zhelnina A. Identity, Emotions, and Political Participation / J.M. Jasper., A. Zhelnina // Oxford University Press. – 2022. – P. 652-668.

³⁰⁸ Примеры: предложения о переименовании авиакомпании China Airlines, почтовой службы Zhonghua Post, дебаты о необходимости нового флага и гимна.

символы, связанные с китайской культурой, что привело к ожесточенному противостоянию между пан-голубым и пан-зеленым лагерями³⁰⁹.

Этот период также ассоциируется с обострением в Тайваньском проливе. Проведение Чэнь Шуйбянем неудавшегося референдума в 2004 г., принятие КНР Закона о сецессии в 2005 г. вызвали широкий общественный резонанс. Массовые демонстрации против закона КНР показали, что общество желало сохранения стабильности и мира³¹⁰. Проведенные в 2005 г. опросы показали, что 51,4% тайваньцев хотели бы усилить экономические связи с КНР, а 62,6% выступили против провозглашения независимости в случае, если это спровоцирует конфликт³¹¹.

Политику Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня оппоненты часто называют десинификацией³¹². Однако с объективной точки зрения суть проводимой политики заключалась не в полном отказе от культурного наследия Китая, а в политико-символическом сдвиге, сопряженном с ответом на общественный запрос «снизу». Этот процесс нельзя рассматривать исключительно как политику сверху: рост тайваньского самосознания начался еще до прихода Ли Дэнхуэя к власти и отражал более широкий культурный сдвиг, связанный с демократизацией и возникновением гражданского общества.

Третья фаза (2008 – 2016 гг.) берет начало с избрания Ма Инцзю президентом, который провозглашает возвращение к консенсусу 1992 г. и начинает развивать экономическое сотрудничество с КНР. Динамика самоидентификации в этот период отражала баланс между прагматизмом и настороженностью. В первые годы его правления (2008 – 2011 гг.) доля тех, кто считал себя исключительно тайваньцами, оставалась относительно стабильной – около 52 – 55 %. Подписание в 2010 г. Рамочного соглашения о сотрудничестве (ECFA) укрепило

³⁰⁹ Huang Ching-Lung. The Changing Roles of the Media in Taiwan's Democratization Process / Ching-Lung Hang // The Brookings Institution Center for Northeast Asian Policy Studies. – 2009. – P. 12.

³¹⁰ Standing up for peace // Taipei Times. – 27.03.2005. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2005/03/27/2003247928> (дата обращения: 08.06.2026).

³¹¹ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2005. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

³¹² Ash R., Garver J.W., Prime P. Taiwan's Democracy Economic and Political Challenges / R. Ash., J.W. Garver., P. Prime // London: Routledge. – 2011. – P. 2-6.

экономическую взаимозависимость, но не вызвало резкого роста доверия общества к Китаю. К 2011 г. мнение общества было весьма поляризованным насчет дальнейшего расширения экономического сотрудничества с Китаем: 42,2% выступали за, 42,0% – против. На вопрос об отношении к правительству КНР по шкале от 0 до 10, где 0 – очень негативно, а 10 – очень позитивно, около 32% респондентов выбрали значения от 0 до 3³¹³. Такая амбивалентность во многом объясняется сочетанием экономических и социально-политических факторов.

После финансового кризиса 2008 г. Тайвань столкнулся с ростом безработицы и экономической стагнацией, однако активизировавшееся сотрудничество с Китаем не решило многие экономические проблемы. Опросы 2012 г. показали, что 42,4% респондентов считали, что жизнь стала хуже. Кроме того, 59,2% респондентов считали, что расширение экономических связей приведет к подрыву экономического, а впоследствии политической автономии Тайваня³¹⁴.

Жан-Пьер Кабестан, анализируя допущенные Ма Инцзю ошибки, отмечает, что президент старался улучшить сложную экономическую ситуацию с помощью интеграционных проектов с Китаем, но экономическая интеграция проходила без политического или культурного сближения между народами Китая и Тайваня, что создавало недоверие со стороны тайваньского общества³¹⁵. Это подтверждается противоречивыми данными опросов. В 2014 г. 39,2% выступали за усиление экономического сотрудничества с КНР, 30,6% – против. 30,3% – затруднились с ответом. Несмотря на то что противников экономического сотрудничества с Китаем стало меньше по сравнению с 2011 г. (42,0%), сильно выросло количество респондентов, которые затруднились с ответом, что свидетельствует о росте неопределенности в отношении последствий сближения с Китаем.

Именно в условиях этой неопределенности и недоверия усиливается общественная чувствительность к вопросам прозрачности контроля над

³¹³ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2011. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

³¹⁴ TNSS Survey Data // Taiwan National Security Studies. – 2012. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

³¹⁵ Cabestan J.P. Delisle J. Introduction: Taiwan at Crossroads / J.P. Cabestan // Routledge. – 2014. – P. 3-5.

процессами сотрудничества Тайбэя и Пекина. Так, прологом к Движению Подсолнухов 2014 г. стала попытка ратификации Соглашения «о торговле услугами с КНР», вызвавшая резкую критику из-за того, что соглашение не прошло должного обсуждения как в парламенте, так и в обществе. Движение «подсолнухов», начавшееся с захвата студентами Законодательного Юаня на 24 дня, объединило разнородные группы, для которых защита прозрачности и законности процедур стала формой выражения коллективной идентичности.

По форме движение имело внешнее сходство как с «Революцией зонтиков» в Гонконге 2014 г., так и с «цветными революциями»: участники этих движений активно использовали символическую атрибутику и апеллировали к т.н. «демократическим ценностям» и тайваньской идентичности. Но в то же время между ними были и различия. В Гонконге протест был направлен против властей КНР, внесших изменения в избирательную систему, тогда как на Тайване – против действий собственного правительства. В отличие от «цветных революций», движение на Тайване не стремилось к смене политического режима, а было направлено на сохранение действующих институтов и предотвращение их подрыва со стороны Гоминьдана³¹⁶.

Несмотря на захват правительственного здания, Движение Подсолнухов в западной и тайваньской академической литературе чаще всего относят к формам ненасильственного гражданского сопротивления. Согласно мнению тайваньского политолога У Цземиня, протестные движения укоренены в политической традиции Тайваня, где общественная мобилизация воспринимается как естественная форма участия граждан в политическом процессе³¹⁷. Вывод автора подтверждается судебными делами. В 2017 г. Тайбэйский окружной суд признал, что действия студентов, захвативших Законодательный Юань, отвечали критериям гражданского

³¹⁶ Киреева А.А. «Движение подсолнухов» на Тайване: причины и последствия социального протеста / А.А. Киреева // Социальный протест на современном Востоке: научное издание / Под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс. – 2016. – С. 247.

³¹⁷ Wu J. Taiwan Sunflower Occupy Movement as a Transformative Resistance to the China Factor / J. Wu // Cornell University Press. – 2019. – P. 236.

неповиновения, поскольку были направлены против нарушений законодательной процедуры, носили публичный и ненасильственный характер³¹⁸.

Таким образом, тайваньские политические институты продемонстрировали высокую степень устойчивости и адаптивности: протестные движения не были вытеснены на политическую периферию, а напротив, были инкорпорированы в политический мейнстрим, кульминацией чего стала победа ДПП и Цай Инвэнь на выборах 2016 г.

Четвертая фаза (2016 – 2025 гг.). Данный период стал этапом институционализации общественного запроса, зародившегося в ходе Движения подсолнухов. Победа ДПП в 2016 г. закрепила всплеск тайваньского национального самосознания, а события в Гонконге в 2019 г. и успешная борьба с пандемией COVID-19 усилили ощущение у общества правильности тайваньского пути. На институциональном уровне это вылилось в стратегию сохранения статус-кво: Цай Инвэнь, а вслед за ней Лай Циндэ последовательно укрепляли обороноспособность острова и осуществляли диверсификацию экономики, параллельно принимая законы, ограничивающие китайское влияние на Тайване. Эти шаги отражали не столько инициативу элит, сколько общественный консенсус относительно необходимости сохранять статус-кво, диверсифицировать экономику, поддерживать экономическое сотрудничество с КНР, избегать экономической зависимости.

Одновременно с этим происходит трансформация самой природы тайваньской идентичности. Она не строится исключительно вокруг противопоставления «Китай – Тайвань», а связана с внутренними общественно-политическими ценностями и особенностями тайваньского общества. В настоящее время можно говорить о том, что тайваньская идентичность сформировалась как устойчивая и самодостаточная система идентификации. Она не требует полного отказа от культурного наследия Китая, а формируется через переосмысление исторического прошлого, сохраняя культурную преемственность. Характерной

³¹⁸ Sunflower activists cleared of charges // Taipei Times. – 01.04.2017. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2017/04/01/2003667850> (дата обращения: 08.06.2026).

чертой тайваньской идентичности является ее свойство консолидировать группы с разными политическими взглядами, особенно во время кризисов или давления Китая. Несмотря на благожелательное отношение большинства тайваньцев к населению Китая, их позиции в отношении политики КНР и прежде всего деятельности КПК, носят преимущественно критический характер.

Проведенный анализ показал, что промежуточные внутренние факторы выступали важным механизмом, через который преломлялись структурные переменные. Прежде всего, ключевую роль в этом процессе сыграла партийная конкуренция. Если Гоминьдан исходил из исторической преемственности Китайской Республики и стремился сохранить пространство для диалога с КНР в рамках формулы «одного Китая» с различными интерпретациями», то ДПП, возникшая на волне демократизации, акцентировала внимание на фактической автономии и праве Тайваня на самоопределение. При этом в условиях электоральной конкуренции позиции обеих партий адаптировались к изменениям внешнеполитической среды и общественным настроениям, что привело к отказу от жестких идеологических установок. Исследование показало, что приход Гоминьдана или ДПП к власти был во многом связан с изменением международной конъюнктуры и ее восприятием тайваньским обществом. В условиях парламентского большинства администрации получали возможность последовательно реализовывать свой курс, однако в последние годы сложилась редкая ситуация разделенного правительства, что усилило десинхронизацию между курсами исполнительной и законодательной власти.

Внутриполитические изменения, в том числе партийные, во многом обусловлены сменой поколений и трансформацией ценностей, политических установок и восприятия Китая. Тайваньское общество формировалось в различных исторических условиях – от японского колониального периода и авторитарного правления Гоминьдана до этапа демократизации и цифровой эпохи. Параллельно формировалась тайваньская идентичность, которая косвенно оказывала влияние на политические предпочтения ее носителей. Большинство тайваньцев выступает против объединения с Китаем. Однако важно отметить, что тайваньская

идентичность имеет инклюзивный характер и не строится на противопоставлении себя китайской идентичности. Эмпирические данные свидетельствуют, что более 31,7 % тайваньцев обладают двойной идентичностью³¹⁹. Тем не менее во время кризисов именно тайваньская идентичность играла консолидирующую роль. Движение подсолнухов и «Синей птицы» продемонстрировали способность гражданского общества активно вмешиваться в формирование политической повестки и оказывать давление на власть, вынуждая ее учитывать общественные настроения при выработке политического курса. Тем самым партийная конкуренция, поколенческие изменения, трансформация идентичности и общественных установок формировали ограничения, в рамках которых политические элиты определяли допустимые варианты отношений с КНР. При этом усиление тайваньской идентичности и неприятия политического объединения не привело к сопоставимому росту поддержки немедленной формальной независимости, вследствие чего сохранение статус-кво стало наиболее приемлемым для элиты и общества внешнеполитическим ориентиром.

³¹⁹ Changes in the Taiwanese / Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – 2025. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 19.04.2026).

ГЛАВА 3. ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вопрос трансформации политики Тайваня в отношении концепции «одного Китая» невозможно рассматривать вне широкого регионального контекста, так как тайваньский вопрос давно перестал быть исключительно предметом двусторонних отношений между Пекином и Тайбэем, превратившись в одну из центральных проблем безопасности в Восточной Азии. В этой связи представляется необходимым последовательно рассмотреть влияние КНР, США и Японии на трансформацию подходов Тайваня к концепции «одного Китая». Выбор США обусловлен их ключевой ролью в обеспечении безопасности острова и сдерживании КНР. Япония в контексте безопасности в Восточной Азии выступает важнейшим региональным актором, непосредственно заинтересованным в сохранении стабильности в Тайваньском проливе. Их влияние рассматривается как совокупность внешних ограничений и возможностей, в рамках которых формируется политика Тайбэя.

3.1. Политика КНР и трансформация отношений между двумя берегами Тайваньского пролива

Тайваньский вопрос, согласно позиции Пекина, является исключительно внутренним делом Китайской Народной Республики. Его правовое регулирование опирается на целый комплекс законодательных актов и институциональных механизмов, определяющих как официальную позицию государства, так и практические инструменты реализации концепции «одного Китая».

С правовой точки зрения основополагающим документом выступает Конституция КНР (1982 г., с поправками 2018 г.). В преамбуле отмечено: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики.

Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване»³²⁰.

Вторым актом, формализующим позицию Пекина, является Закон о противодействии расколу государства, принятый 14 марта 2005 г. Он определяет цели и правовые рамки действий КНР. В качестве целей Закон постановляет:

- 1) поощрять обмены между людьми по обе стороны пролива для укрепления взаимопонимания и доверия;
- 2) содействовать экономическим обменам и сотрудничеству;
- 3) развивать обмены в области образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта; совместно продвигать славные традиции китайской культуры.
- 4) укреплять сотрудничество по обе стороны пролива в борьбе с преступностью;
- 5) содействовать другим видам деятельности, способствующим миру и стабильности в Тайваньском проливе и укреплению отношений между обеими сторонами.

В 8-й статье отмечено, что в случае, если сепаратистские силы независимости Тайваня предпримут действия, приведшие к фактическому отделению Тайваня от Китая, либо произойдут крупные инциденты, повлекшие отделение Тайваня от Китая, либо будут полностью исчерпаны возможности для мирного воссоединения, государство применит немирные средства и иные необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая³²¹.

Конституцию КНР и Закон о противодействии расколу государства дополняют еще два положения: Закон о национальной безопасности 2015 г.³²², закрепляющий общее понимание безопасности, включающее защиту государственного суверенитета, территориальной целостности и устойчивого

³²⁰ Конституция КНР // Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 08.06.2026).

³²¹ Закон о противодействии расколу государства // Министерство Иностранных дел КНР. – 14.03.2005. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/stflgf/202206/t20220606_10699015.html (дата обращения: 08.06.2026).

³²² Закон о национальной безопасности [中华人民共和国国家安全法]. – Портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики [中国政府网]. – 01.07.2015. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm. (дата обращения: 20.04.2026).

развития, а также Закон о национальной обороне 2020 г.³²³, конкретизирующий задачи и полномочия вооруженных сил. Таким образом, все четыре документа институционализируют возможность применения как политико-экономических, так и военных мер для защиты безопасности страны.

Реализация политики в отношении Тайваня сосредоточена в руках центральных партийно-государственных структур. Ключевую роль играет Офис по делам Тайваня при Государственном совете КНР (国务院台湾事务办公室 ТАО), выполняющий функции по разработке и координации мер в экономической, культурной и политической сферах. Его деятельность тесно увязана с работой Центрального офиса по делам Тайваня ЦК КПК³²⁴ (中共中央台湾工作办公室)³²⁵. На высшем уровне вопросы тайваньского направления курируются Центральной руководящей группой по делам Тайваня, определяющей стратегические ориентиры и политическую линию.

В дополнение к этим структурам действует Ассоциация связей между берегами Тайваньского пролива (海峡两岸关系协会(ARATS) – полуофициальная организация, учрежденная под эгидой Офиса по делам Тайваня при Государственном совете КНР, которая ведет переговоры с Фондом обменов через Тайваньский пролив (財團法人海峽交流基金會(SEF) на стороне Тайваня. Совокупно эти институты образуют иерархически выстроенную систему, в которой партийное руководство, административное исполнение и полуофициальная дипломатия функционируют как единый механизм.

Завершающим элементом нормативной базы выступают Белые книги правительства КНР (на данный момент их было три: 1993, 2000, 2022 гг.³²⁶), в

³²³Закон о национальной обороне [中华人民共和国国防法]. – Министерство обороны КНР [中华人民共和国国防部]. – 27.12.2020. – URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fghw/flfg/4876050.html>. (дата обращения: 19.04.2026).

³²⁴ Taiwan Work Office of the CPC Central Committee. – URL: <http://www.gwytb.gov.cn/> (дата обращения: 08.06.2026).

³²⁵ По сути, это одна и та же организация, но с двумя названиями. Она выполняет одновременно функции партийного и государственного органа, что обеспечивает прямое руководство партийного центра над реализацией государственной политики.

³²⁶Белые книги по тайваньскому вопросу [台湾问题白皮书]. – Министерство иностранных дел [中华人民共和国外交部] – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbtps/ (дата обращения: 19.04.2026).

которых формулируются официальные принципы и цели политики Пекина в отношении Тайваня. В 2022 г. была опубликована Белая книга «Тайваньский вопрос и дело воссоединения Китая в новую эпоху». В ней была концептуально изложена актуальная позиция КНР, согласно которой Тайвань является неотъемлемой территорией КНР. Китай опирается на историко-правовую преемственность и послевоенные договоренности: по Каирской и Потсдамской декларациям остров должен быть возвращен Китаю после капитуляции Японии. КНР утверждает, что как правопреемник Китая, признанный ООН резолюцией №2758, она унаследовала суверенитет над островом Тайвань, а принцип «одного Китая» представляет «всеобщий консенсус международного сообщества». В Белой книге отмечены и новые вызовы для КНР: «в последние годы отдельные силы в ряде стран во главе с США сговорились с сепаратистскими силами тайваньской независимости и вновь продвигают тезис о неопределенном статусе Тайваня»³²⁷.

В Белой книге также подчеркивается, что осуществление мирного объединения требует учета различий в идеологиях между материком и Тайванем, поэтому концепция «одна страна – две системы» представлена как наиболее гибкое решение этой проблемы. Пекин отмечает, что отдельные политические силы на Тайване, прежде всего ДПП, исказили суть данной формулы, что привело к неправильному пониманию позиции Китая среди части тайваньского общества. В ответ на это китайская сторона апеллирует к успешному опыту Гонконга и Макао. Белая книга увязывает задачу мирного объединения с концепцией «великого возрождения китайской нации». В документе Пекин выражает готовность к диалогу и консультациям, обмену мнениями с партиями, общественными организациями и представителями различных кругов Тайваня на основе принципа одного Китая и консенсуса 1992 г., но при этом не обещает отказаться от применения силы в случае пересечения «красной линии»³²⁸.

³²⁷ Тайваньский вопрос и дело воссоединения Китая в новую эпоху // Центральное народное правительство КНР. – 2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

³²⁸ Там же.

Политика КНР в отношении Тайваня претерпела заметную трансформацию с момента провозглашения КНР в 1949 г. В 1950–1970-е гг. она базировалась преимущественно на идеологическом противостоянии и военной риторике, отражая цель «освобождения Тайваня» (解放台湾), хотя в 1960-х гг. Мао Цзэдун предпринял инициативу по нормализации двусторонних отношений, предложив политику объединения по формуле «одна программа, четыре цели». Под одной программой подразумевалось возвращение Тайваня в «родную гавань», а четыре политические установки включали в себя сохранение власти Чан Кайши, поддержку экономического строительства Тайваня, принятие социальных реформ на Тайване, а также обоюдный отказ от подрывной деятельности. Тем не менее начавшаяся Культурная революция в Китае перечеркнула все конструктивные усилия КПК по урегулированию конфликта³²⁹.

После восстановления представительства КНР в ООН в 1971 г. и нормализации китайско-американских отношений в 1979 г. акцент сместился к дипломатическому и политическому урегулированию. 1 января 1979 г. Китай опубликовал «Послание к тайваньским соотечественникам». В нем было официально провозглашено намерение Пекина добиваться мирного воссоединения³³⁰. В 1980 г. в качестве инструмента реализации объединения была предложена формула «одна страна – две системы».

В 1990 – 2000-е гг. Пекин последовательно институционализировал этот подход через Конституцию 1982 г. и Закон о противодействии расколу государства 2005 г. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. политика Пекина обрела более стратегический и национально-идеологический характер, увязав тайваньский вопрос с концепцией «великого возрождения китайской нации»³³¹. В 2019 г. Си Цзиньпин произнес речь, посвященную 40-летию публикации «Послания к

³²⁹ Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Большой Китай: региональные политические проблемы: монография / Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова. – Москва: Рос. акад. Наук, Ин-т Китая и совр. Азии. – 2023. – С. 18.

³³⁰ Message to Compatriots in Taiwan // China org. – 1979. – URL: <http://www.china.org.cn/english/taiwan/7943.htm> (дата обращения: 08.06.2026).

³³¹ Реализация китайской мечты о великом возрождении китайской нации [实现中华民族伟大复兴的中国梦] // Сайт Коммунистической партии Китая [共产党员网]. – 2012. – URL: <https://www.12371.cn/special/xjpzyys/zgmls/1/> (дата обращения: 08.06.2026).

тайваньским соотечественникам». Лидер предложил «мирное объединение» на основе формулы «одна страна – две системы». Промежуточным этапом, по мнению Си Цзиньпина, должен быть консенсус 1992 г.³³².

Таким образом, к концу XX в. политика КНР в отношении Тайваня эволюционировала от идеологического дискурса до практической реализации. Начиная с 1990-х гг. Пекин системно использует многоуровневую стратегию воздействия на Тайвань, сочетающую дипломатические, экономические, культурные и военные инструменты. Эти механизмы не действуют изолированно – они образуют взаимосвязанную систему мер, направленных на укрепление политического влияния КНР. Эту многоуровневую стратегию воздействия КНР на Тайвань в западных СМИ нередко называют политикой «кнута и пряника»³³³. В КНР данные меры называются «反独促统» (фаньдуцутун) – противодействие сепаратизму и содействие национальному воссоединению³³⁴.

Бывший заместитель министра обороны Китайской Республики Линь Чуньпинь описал политическую логику Пекина как «жесткое становится жестче, мягкое становится мягче»³³⁵, подразумевая, что КНР проводит мягкую политику, чтобы вызвать энтузиазм у тайваньцев к объединению, но, когда Пекин сталкивается с неудачами мягкой силы, делает упор на жесткие меры.

Данная стратегия находит свое последовательное отражение на международном уровне, где КНР последовательно продвигает концепцию «одного Китая». В частности, признание правительства КНР единственным правительством Китая является неизменным условием установления и поддержания официальных дипломатических связей. Одновременно КНР стремится контролировать

³³² Выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-й годовщине публикации «Послания к тайваньским соотечественникам» // МИД КНР. – 02.01.2019. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/xjpszsjstzyjh/202206/t20220606_10698873.html (дата обращения: 08.06.2026).

³³³ China Rolls Out Carrot-and-Stick Strategy to Influence Taiwan Ahead of Key Election // Voice of America. – 20.09.2023. – URL: <https://www.voanews.com/a/china-rolls-out-carrot-and-stick-strategy-to-influence-taiwan-ahead-of-key-election/7275894.html> (дата обращения: 08.06.2026).

³³⁴ Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху [台湾问题与新时代中国统一事业]. – Госсовет КНР [中华人民共和国中央人民政府]. – 10.08.2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

³³⁵ Wang Pingyu: The Harder, the Harder; The Softer, the Softer // Liberty Times. – 30.06.2005. – URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/paper/11168>. (дата обращения: 08.06.2026).

активность Тайваня в международных организациях, рассматривая любые формы его самостоятельного участия как нарушение принципа «одного Китая». КНР ссылается на резолюцию ООН №2758 как исключаящую участие Тайваня в качестве субъекта международных отношений³³⁶. Например, в 2017 г. Китай использовал свое членство и право голоса для блокировки приглашений Тайбэя в ВОЗ и ИКАО³³⁷. Кроме того, МИД Китайской Республики неоднократно обвинял Пекин в том, что тот использует «чековую дипломатию» и шантаж для давления на правительства стран, которые имеют дипломатические отношения с Тайванем³³⁸.

Важно отметить, что степень дипломатического давления КНР на Тайвань варьировалась в зависимости от политической обстановки на острове. В период президентства Ма Инцзю (2008 – 2016 гг.), придерживавшегося консенсуса 1992 г., ни одна страна не разорвала официальные отношения с Тайбэем; Тайвань получил возможность участвовать в ВОЗ в статусе наблюдателя. Однако после прихода к власти Цай Инвэнь (2016 г.), отказавшейся от формулы «одного Китая», Китай вновь заблокировал участие Тайваня в данных форумах. Еще одним последствием переориентации тайваньской политики стал разрыв дипломатических отношений с Сальвадором, Никарагуа и Гондурасом. К 2025 г. число государств, сохраняющих официальные связи с Тайбэем, сократилось до 12. Ш. Томас связывает уменьшение количества тайваньских официальных союзников с долгосрочной стратегией Пекина по дипломатической изоляции Тайваня³³⁹. КНР, напротив, утверждает, что страны самостоятельно принимают решение, руководствуясь справедливостью и международным консенсусом³⁴⁰.

³³⁶ Тайвань допускается к участию лишь в неополитических форматах под компромиссными названиями – Китайский Тайбэй (China Taipei).

³³⁷ Taiwan excluded from WHO annual assembly following Chinese opposition // Reuters. – 22.05.2023. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-excluded-who-annual-assembly-following-chinese-opposition-2023-05-22/> (дата обращения: 08.06.2026).

³³⁸ Данные о том, как КПК использует финансовые средства для подкупа и установления дипломатических отношений с другими странами [中共利用金元手段拉攏與國收買外交之具體資料] // Министерство иностранных дел Китайской Республики [中 华 民 国 外 交 部]. – 29.12.1999. – URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=96&s=71221. (дата обращения: 08.06.2026).

³³⁹ Shattuck T.J. The Race to Zero? China's Poaching of Taiwan Diplomatic Allies / T.J. Shattuck // Elsevier. – 2020. – P. 348-351.

³⁴⁰ Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху [台灣問題與新時代中國統一事業]. – Госсовет КНР [中 华 人 民 共 和 国 中 央 人 民 政 府]. – 10.08.2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

Вместе с тем давление КНР на Тайвань осуществляется с помощью экономических инструментов. Торговля между материковым Китаем и Тайванем на протяжении последних полутора десятилетий демонстрировала устойчивую динамику роста, несмотря на политические колебания и изменение приоритетов во внешнеэкономической политике Тайбэя. В период президентства Ма Инцзю (2008 – 2016 гг.) была заложена институциональная основа двустороннего экономического сотрудничества в виде подписания Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве (ECFA) в 2010 г., которое способствовало снятию ряда тарифных барьеров. Эти меры позволили увеличить товарооборот с 112 млрд долл. в 2010 г. до 130 млрд долл. в 2014 г. При администрации Цай Инвэнь (2016 – 2024 гг.) относительно успешный курс на диверсификацию внешней торговли и снижение зависимости от КНР не привел к сокращению взаимных экономических связей: напротив, объем торговли достиг исторического максимума – 208 млрд долл. в 2021 г.³⁴¹. (см. Приложение 6).

КНР включила в план XIV пятилетки (2021–2025 гг.) идею создания с Тайванем общего рынка. По мнению ведущего научного сотрудника Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН П.М. Мозиаса, этот план имел как экономическую, так и политическую подоплеку, так как экономическая интеграция требует сближения сторон для координации и может со временем перерасти в создание общих политических структур³⁴². Стоит отметить, что Китай с 1990-х пытается использовать тайваньских бизнесменов (тайшан) в качестве группы влияния для воздействия на тайваньскую администрацию. Однако Ли Чуньи и Г. Шуберт считают это влияние косвенным. По мнению авторов, они в лучшем случае могут доводить свои мнения до партийно-государственных руководителей, но никак не влиять на политику, потому что тайшан не занимают никаких государственных постов на Тайване, у них отсутствует корпоративное объединение, они разбросаны по территории Китая и в большинстве своем занимаются бизнесом и стараются

³⁴¹ International Trade Administration Trade statistics // Data Query. – URL: <https://publicinfo.trade.gov.tw/cuswebo/FSCE3000C?table=FSCE3030F> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁴² Мозиас П.М. Тайваньская проблема: неопределенность нарастает / П.М. Мозиас // Востоковедение и африканистика. – 2025. – Сер. 9. – № 2. – С. 103.

избегать острых политических вопросов³⁴³. Кроме того, на Тайване также нет организаций, которые бы лоббировали интересы тайшан. Исследование Г. Шуберта показывает, что большая часть тайшан считают себя и тайваньцами, и китайцами и выступают за мир в тайваньском проливе³⁴⁴. Более яркую характеристику дал им П.М. Мозиас. Исследователь охарактеризовал их как людей, зажатых между конфликтующими друг с другом правительствами и в лучшем случае способными лишь выстраивать отношения с местными властями на материке³⁴⁵.

Начиная с 2024 г. наблюдается нисходящая тенденция в товарообороте между КНР и Тайванем – в 2024 г. показатель снизился до 176 млрд долл. Это замедление связано как с замедлением мировой торговли, так и с торгово-экономическими ограничениями, которые Пекин ввел в отношении тайваньской продукции после визита на остров спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси в августе 2022 г. При этом западные аналитики считают, что данные меры имели скорее символическое значение, поскольку КНР не готова разрывать с Тайванем торговые отношения, поскольку они основаны на глобальных производственных цепочках, завязанных на полупроводниках, произведенных на Тайване, и инвестициях тайваньских производителей электроники на материке³⁴⁶.

Отчасти замедление объясняется и тем, что КНР крайне ограничена в инвестициях на Тайвань из-за большого количества тайваньских барьеров. В положении о разрешении на инвестиции для граждан материкового Китая (Measures Governing Investment Permit to the People of the Mainland Area, 2020) закреплены строгие требования: китайские инвесторы обязаны получать индивидуальное разрешение Министерства экономических дел Тайваня на каждую сделку, им запрещено вкладывать средства в стратегические и чувствительные

³⁴³ Lee C-Y., Kaaerick J. Buying Taiwan? The Limitations of Mainland Chinese Cross-Strait-Direct Investments as a Tool of Economic Statecraft / C-Y Lee., J. Kaaerick // The China Quarterly. – 2024. – N 257. – P. 202-221.

³⁴⁴ Schubert G. The Political Thinking of the Mainland Taishang: Some Preliminary Observations from the Field / G. Schubert // Journal of Current Chinese Affairs. – 2010. – No 1. – P. 73-110.

³⁴⁵ Мозиас П.М. Тайваньская проблема: неопределенность нарастает / П.М. Мозиас // Востокведение и африканистика, 2025. – Сер. 9. – № 2. – С. 107.

³⁴⁶ Jeremy M., Niels G. Relying on Old Enemies the Challenge of Taiwan Economic Ties to China / M. Jeremy., G. Niels // Atlantic Council. – 2023. – P. 2-3.

отрасли, а компании с более чем 1/3 китайского капитала автоматически признаются «предприятиями с материковыми инвестициями» и подпадают под особый контроль. Документ также прямо запрещает участие структур, связанных с КПК, военными или административными органами КНР.

По состоянию на 2025 г. Тайвань по-прежнему остается экономически связанным с КНР. По данным за 2024 г., на Китай и Гонконг приходилось около 31,7% тайваньского экспорта и примерно 22,6% общего объема внешней торговли³⁴⁷. С одной стороны, Китай остается крупнейшим рынком сбыта и производственным узлом для Тайваня – особенно в высокотехнологичной сфере. С другой стороны, Тайбэй предпринимает шаги по снижению этой зависимости.

Постепенное смещение приоритетов Тайваня в сторону укрепления связей с США, ЕС и странами Юго-Восточной Азии дало результаты. В 2024 г. товарооборот между Тайванем и США составил 154 млрд долл. – на 35 % выше, чем в 2023 г. (154 млрд долл.) и на 161,5% больше, чем в 2016. С ЕС – 72 млрд долл., что также больше, чем в 2016 г. (47 млрд. долл.). С ЮВА – 131 млрд долл., что почти в два раза больше, чем в 2016 г. (74 млрд. долл.).

Пекин по-прежнему обладает реальной возможностью оказывать экономическое давление, но оно скорее выглядит как санкции точечного характера, направленные на электорально чувствительные группы, например на аграрные регионы, которые поддерживают правящую партию. Пекин выбирает отрасли, сильно зависимые от китайского рынка, но не критичные для китайской экономики. Тем не менее санкции могут отпугивать тайваньских инвесторов и усиливать тенденции к разделению экономик, поэтому Пекин продолжит использовать торговлю как инструмент давления и поощрения, стараясь сохранить зависимость Тайваня, но не разрушая ее чрезмерно жесткими санкциями³⁴⁸.

³⁴⁷ Share of exports to China falls to 31,7% // Taipei Times. – 20.2025. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/biz/archives/2025/01/20/2003830492> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁴⁸ China's pineapple bans expose Taiwan's vulnerability // East Asia Forum. – 24.04.2021. – URL: <https://easiaforum.org/2021/04/24/chinas-pineapple-ban-exposes-taiwans-vulnerability/> (дата обращения: 08.06.2026).

Следующим инструментом является военная демонстрация возможностей НОАК вблизи острова. При Цай Инвэнь и Лай Циндэ КНР резко нарастила военную активность вокруг острова³⁴⁹. Учения и военные действия КНР описываются как ответ на провокации, а на брифинге официальный представитель НОАК Чжан Сяоган недвусмысленно отметил: «Пока Лай Циндэ продолжает свои провокационные действия, направленные на независимость Тайваня, в Тайваньском проливе не будет покоя, а жители острова не смогут жить спокойно»³⁵⁰.

Американский аналитический центр CSIS ведет систематический мониторинг активности НОАК вблизи Тайваня. На основе данных Министерства обороны Тайваня публикуются регулярные отчеты. Эти материалы позволяют отслеживать нарастающую тенденцию к увеличению числа заходов китайской авиации в зону действия тайваньских ПВО (см. Приложение 7). С 2021 по 2025 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту военной активности НОАК. После отдельных всплесков в 2022 г., связанных с визитом Нэнси Пелоси, в конце 2023 – начале 2024 гг. активность резко возросла, достигнув пика перед инаугурацией Лай Циндэ в мае 2024 г. Этот рост четко коррелирует с политическими событиями, воспринимаемыми Пекином как вызов принципу «одного Китая».

В последние годы КНР усилила темпы военного производства. В 2024 г. оборонный бюджет страны вырос на 7,2% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 1,784 трлн юаней и вдвое превысив уровень 2013 г.³⁵¹. Приоритетным направлением остается развитие военно-морских сил: Китай последовательно вводит в строй крупные десантные корабли типа 075 и новейшие авианосцы типа

³⁴⁹ Кулешова Н.С., Чжан Ч. Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации / Н.С. Кулешова., Ч. Ужан // Обозреватель. – 2022. – №9-10. – 25 с.

³⁵⁰ Стенограмма пресс-конференции Министерства обороны КНР за май 2025 г. [2025 年 5 月国防部例行记者会文字实录]. – Министерство обороны КНР [中华人民共和国国防部]. – 29.05.2025. – URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/16388794.html>. (дата обращения: 19.04.2026).

³⁵¹ China to increase defense budget by 7.2 percent in 2025 // Xinhua. – 2025. – URL: <https://www.xinhuanet.com/english/20250305/4e754276fa3d4cc1ac903dcd6795030d/c.html> (дата обращения: 08.06.2026).

003 Fujian³⁵². Расширение возможностей флота укрепляет стратегию A2/AD, направленную на недопущение внешних сил в зону конфликта.

Со своей стороны правительство Тайваня в 2025 г. утвердило рекордный оборонный бюджет в размере 20,2 млрд долл., или 2,45% ВВП³⁵³, что для мирного времени является высоким показателем. Тем не менее уровень расходов на вооружение у обеих сторон несопоставим. Пекин тратит почти в 15 раз больше на вооружение, чем Тайбэй. При этом необходимо отметить, что официальные данные КНР могут не в полной мере отражать физические расходы. По оценкам некоторых западных исследователей, реальные расходы могут превышать официальные на 20–40 %³⁵⁴.

Тайвань пытается компенсировать разницу в бюджете развитием собственных систем асимметричной борьбы. Кроме того, активно ведется подготовка населения. В 2024 г. был увеличен срок службы в армии до 1 года. Закупки вооружений со стороны Штатов тоже увеличились, объем за последние 5 лет составил около 8,71 млрд долл, что соответствует всего 8,9% от общего оборонного бюджета Тайваня за этот период³⁵⁵.

Ряд американских аналитиков и военных экспертов, включая Уильяма Бернса, Р. Хасса, Э. Ратнера и бывшего адмирала ВМС США Дж. Аквилино, считают, что Китай укрепляет военный потенциал для возможного применения силы в отношении Тайваня. После заявления Аквилино о вероятной готовности КНР к военной операции к 2027 г. данная тема приобрела особую актуальность³⁵⁶. Директор ЦРУ Уильям Бернс отмечал, что разведка США якобы располагает

³⁵² China's Naval Modernization and Amphibious Operations Capabilities // China Power Project, Center for Strategic and International Studies (CSIS). – URL: <https://chinapower.csis.org/analysis/china-naval-modernization-jiangnan-hudong-zhonghua-shipyard/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵³ Defense budget to hit 3 percent of GDP // Taipei Times. – 17.08.2025. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2025/08/17/2003842173> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵⁴ Estimating China's Defense Spending: How to Get It Wrong and Right // Texas National Security Review. – 2024. – URL: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵⁵ Taiwan plans \$9 bln boost in arms spending, warns of 'severe threat' // Reuters. – 16.09.2021. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-proposes-extra-87-bln-defence-spending-over-5-years-2021-09-16/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵⁶ Aquilino, J. Statement before the House Armed Services Committee // Congress.gov. – 2024. – URL: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/116960/witnesses/HHRG-118-AS00-Wstate-AquilinoJ-20240320.pdf> (дата обращения: 02.06.2025).

сведениями о том, что Си Цзиньпин распорядился подготовить НОАК к проведению подобной операции к этому сроку³⁵⁷. Схожие оценки звучали и со стороны министра обороны США Пита Хегсета. Во время выступления на конференции в Сингапуре тот подчеркнул, что Пекин стремится изменить баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе и что цель США – «предотвратить войну, сделать ее цену слишком высокой с помощью щита сдерживания»³⁵⁸.

Стоит отметить, что, вопреки заявлениям западных экспертов и американских властей о якобы неминуемости конфликта, на данный момент нет прямых подтверждений готовящейся операции со стороны КНР; тем не менее, наблюдается устойчивая тенденция к милитаризации региона, что вызывает обеспокоенность не только в Вашингтоне, но и в Москве, где эксперты также отмечают повышение интенсивности учений и демонстрационных действий Китая вблизи острова³⁵⁹.

Таким образом, политика КНР в отношении Тайваня представляет собой комплексный набор взаимосвязанных мер, где правовое закрепление принципа «одного Китая» дополняется дипломатическим давлением, углублением экономической взаимозависимости и демонстрацией военной мощи. Курс Пекина эволюционировал от лозунгов освобождения к стратегически выстроенной системе, в которой «мягкие» и «жесткие» инструменты варьируются в зависимости от поведения тайваньского общества и руководства. Однако эта стратегия формируется не в вакууме: ключевым внешним фактором, определяющим рамки маневра Пекина и тайваньской администрации, являются Соединенные Штаты. Именно американская политика «единого Китая», поставки вооружений и декларации о «сдерживании» во многом определяют расчеты КНР и вынуждают Тайвань адаптировать свои подходы.

³⁵⁷ CIA Director William Burns: "I wouldn't underestimate" Xi's ambitions for Taiwan // CBS News. – 2023. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/cia-director-william-burns-i-wouldnt-underestimate-xis-ambitions-for-taiwan/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵⁸ Remarks by Secretary of Defense Pete Hegseth at the 2025 Shangri-La Dialogue in Singapore // U.S. Department of War. – URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/4202494/remarks-by-secretary-of-defense-pete-hegseth-at-the-2025-shangri-la-dialogue-in/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁵⁹ Какой будет война за Тайвань, и как она повлияет на весь мир // Российский совет по международным делам – 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-ona-povliyaet-na-ves-mir/> (дата обращения: 08.06.2026).

3.2. Американский фактор в эволюции подходов Тайваня к принципу «одного Китая»

Сложно переоценить роль США в формировании современного облика Тайваня. Их влияние пронизывает все сферы жизни острова, от экономики и политики до культуры. Этот факт подтверждается не только тесными связями между тайваньской администрацией и Вашингтоном, но и высоким уровнем общественной благосклонности к США среди тайваньцев. Согласно данным Центра исследования информационной среды Тайваня, полученным в ходе опроса в ноябре 2024 г., отношение тайваньского населения к США оставалось в целом позитивным: более 60 % считают, что США оказывают положительное влияние на национальную безопасность и экономику острова³⁶⁰. Несмотря на появившиеся признаки недоверия у тайваньского населения к США после возвращения Д. Трампа на президентский пост, Америка по-прежнему воспринимается большинством как ключевой партнер и союзник³⁶¹.

Представление Вашингтона в роли защитника Тайваня обусловлено достаточно глубокими историческими корнями. На протяжении последних 77 лет США практически были единственным союзником Тайваня, оказывавшим всестороннюю помощь Китайской Республике. В то же время важно отметить, что поддержка США была не столь безусловной, как часто представляют в научных исследованиях, и сильно варьировалась от консенсуса в американском политическом истеблишменте и реальной обстановки как в регионе, так и в мире.

Вероятно, если бы не Корейская война, ставшая одним из эпизодов холодной войны, Вашингтон не пересмотрел бы собственный скептицизм относительно дальнейшей поддержки Формозы после поражения Гоминьдана в гражданской

³⁶⁰ Исследование информационной среды Тайваня 2024 [2024 年臺灣資訊環境調查] // Центр исследования информационной среды Тайваня [臺灣資訊環境研究中心]. – 21.01.2025. – URL: https://iorg.tw/_en/a/survey-2024. (дата обращения: 08.06.2026).

³⁶¹ Over 40% of Taiwanese doubt U.S. security support under Trump: Survey // Focus Taiwan. – 05.02.2025. – URL: https://focustaiwan.tw/politics/202505020026?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

войне³⁶². В данном контексте географическое положение Тайваня сыграло существенную роль в определении ранней американской стратегии. В случае потери Тайваня США лишились бы возможности перемещать свой военный транспорт через Тайваньский пролив. В связи с этим Трумэн приказал Седьмому флоту США обеспечить буферную зону между враждующими сторонами³⁶³. Так началась политика «нейтрализации Формозы», которая продлилась вплоть до 1952 г. Позже, при Эйзенхауэре, Тайвань окончательно превратился в один из ключевых узлов холодной войны в Азии. Президент отменил ограничивающие меры против Гоминьдана, который усилил морскую блокаду Китая, осуществляя нападения на торговые суда и прибрежные рейды³⁶⁴.

Важным аспектом поддержки Тайваня являлась финансовая и военная помощь США. В 1950-е годы американская помощь достигала 4–5 млрд долл. ежегодно (см. Приложение 8). Именно она сыграла решающую роль в сохранении Китайской Республики на Тайване в разгар трех кризисов в Тайваньском проливе, проходивших в районе прибрежных островов – Цзиньмэнь, Мацзу и Дачэнь, расположенных всего в нескольких километрах от побережья Китая³⁶⁵.

В период первого кризиса Эйзенхауэр и Даллес придерживались линии ограниченной поддержки Тайваня, стараясь сохранить американский престиж в регионе, но и не ввязываться в войну с КНР³⁶⁶. С этой целью США активно воздействовали на Чан Кайши, убеждая его вывести войска из наиболее уязвимых позиций (в частности, с островов Дачэнь), чтобы избежать катастрофического повторения сценария в Дьенбьенфу³⁶⁷. В обмен США готовы были заключить

³⁶² The President's News Conference // National Archives Harrys. Truman Library Museum. – 05.01.1950. – URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/3/presidents-news-conference> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁶³ Statement Issued by the President // Foreign Relations of the United States, 1950, Korea. – 27.06.1950. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d119?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

³⁶⁴ Message from the President to the Congress // Foreign Relations of the United States, 1952–1954, China and Japan, Part 1. – 02.02.1953. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1/d75?utm> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁶⁵ Эти острова имели стратегическое значение, так как с них велась морская блокада китайских портов, что фактически парализовало внешнюю торговлю КНР и подрывало ее экономику. В ответ на это НОАК начала артиллерийские обстрелы и подготовку к возможному десанту на островах.

³⁶⁶ Bruce A.E. Taiwan's Offshore Islands, Pathway or Barrier? / A. Bruce // Newport: U.S Naval War College Press. – 2019. – P. 41–42.

³⁶⁷ Даллес проводил прямую аналогию защиты прибрежных островов с историей Дьенбьенфу – французского опорного пункта во Вьетнаме, который превратился в символ поражения. Когда пункт пал форпост, французский

Договор о взаимной обороне. Соглашение было заключено в 1953 г., но при условии, что Чан Кайши не будет атаковать материк без согласия США. Совместные усилия по де-эскалации укрепили сотрудничество между сторонами и подготовили почву для принятия Резолюции о Формозе³⁶⁸.

В 1958 г. Мао Цзэдун вновь попытался прорвать экономическую блокаду в Тайваньском проливе, сосредоточив войска на юге и начав артиллерийский обстрел Цзиньмэня. Китай намеревался освободить прибрежные острова от присутствия войск Китайской Республики, чтобы нивелировать морскую блокаду и тем самым снизить зависимость от СССР на фоне ухудшения советско-китайских отношений³⁶⁹. Как и во время первого кризиса США направили свой флот в регион, поддержав снабжение гарнизона на Цзиньмэне. Стратегия заключалась в недопущении победы ни одной из сторон. США поддерживали Тайбэй ровно настолько, чтобы сохранить стратегический баланс и вынудить Пекин действовать осторожно, опасаясь прямой конфронтации с США³⁷⁰. В отличие от первого кризиса, США не удалось убедить Чан Кайши вывести войска с островов, но добились от него сокращения гарнизона, а также прекращения морской блокады, которая к концу 1950-х на фоне ухудшающихся советско-китайских отношений и критической экономической ситуации в КНР утратила для Вашингтона прежнюю стратегическую значимость.

Американский историк Б. Эллеман, профессор Военно-морского колледжа, полагает, что политика США в отношении Тайваня в годы разгара Холодной войны была частью более масштабной геополитической стратегии, направленной на подрыв единства социалистического блока и вбивание клина между СССР и КНР. Основной аргумент автора заключается в том, что США через экономическую и военную поддержку Чан Кайши мешали Китаю укрепить свои позиции, вынуждая

проект в Индокитае. Даллес считал, что нельзя допустить, чтобы Цзиньмэнь и Мацзу стали таким же символом для Тайваня и США.

³⁶⁸ Резолюция о Формозе, принятая Конгрессом США в 1955 г., предоставила президенту США право использовать вооруженные силы для защиты Тайваня и близлежащих островов от КНР.

³⁶⁹ Hoeffding O. Sino-Soviet Economic Relations, 1959–1962 / O. Hoeffding // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. – 349. – P. 97.

³⁷⁰ Ibid. – P. 82.

его все глубже зависеть от Москвы, отношения с которой ухудшались на фоне нарастающих идеологических и стратегических разногласий³⁷¹.

В конце 1950-х использование тайваньского вопроса в качестве инструмента давления на Китай позволило США выстроить коммуникацию с Пекином и подтолкнуть его к переоценке внешнеполитических ориентиров. Спустя 14 лет после событий в Тайваньском проливе президент Ричард Никсон начал процесс признания Китайской Народной Республики, символом которого стало первое Шанхайское коммюнике в 1972 г.

Американский политолог Д. Клифф отметил: Шанхайское коммюнике состоялось благодаря «мифу о консенсусе» – негласной договоренности между США и КНР согласиться с наличием разногласий относительно принадлежности Тайваня Китайской Народной Республике³⁷². Чтобы разобраться в политике США в отношении Тайваня, необходимо обратиться к решениям Каирской (1943 г.³⁷³) и Потсдамской (1945 г.³⁷⁴) конференций, на которых союзники (США и Великобритания) заявили о намерениях вернуть Тайвань Китаю после поражения Японии. Впоследствии в Вашингтоне и Лондоне их не признали юридически обязательными³⁷⁵. Положение о возвращении Тайваня Китаю не было закреплено ни в акте капитуляции Японии 1945 г., ни в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. В них Япония лишь отказалась от прав на Тайвань, но вопрос в том, в чью пользу совершается этот отказ, оставался открытым. Эта неопределенность осталась и после заключения дипломатических отношений между США и КНР, став частью американской политики «одного Китая», зафиксированной в Шанхайских коммюнике.

³⁷¹ Bruce A.E. Taiwan's Offshore Islands, Pathway or Barrier? / A.E. Bruce // Newport: U.S Naval War College Press. – 2019. – P. 95-103.

³⁷² Adam P.L., Lin D. The "One China" Framework at 50 (1972-2022): The Myth of "Consensus" and its Evolving Policy Significance / P.L. Adam., Lin D // Cambridge University Press. – 2022. – P. 977.

³⁷³ Cairo Conference // U.S. Department of State, Office of the Historian. – 1943. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/time/wwii/107184.htm> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁷⁴ Potsdam Declaration, 1945 // U.S. Department of State, Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv02/d1382> (Дата обращения: 08.06.2026).

³⁷⁵ Formosa and the Pescadores // Hansard (UK Parliament). Written answers to questions. – 09.02.1955. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1955/feb/09/formosa-and-the-pescadores> (дата обращения: 08.06.2026).

В 1979 г. США признали правительство КНР единственным законным правительством Китая, установили с ним дипломатические отношения и разорвали их с правительством Китайской Республики. Особое значение имела формулировка: «Правительство США принимает к сведению (acknowledges) позицию Китая о том, что существует только один Китай, и что Тайвань является частью Китая»³⁷⁶. По мнению правоведа Ф. Чианга, использование администрацией Никсона термина «acknowledges» – «принимать к сведению», а не «recognizes» (признавать), было намеренным, чтобы сохранить позицию США по тайваньскому вопросу³⁷⁷, но добиться установления официальных дипломатических отношений с КНР³⁷⁸. Эта двусмысленность стала краеугольным элементом всей дальнейшей американской политики в тайваньском вопросе³⁷⁹.

Спустя чуть более трех месяцев после официального признания КНР, 10 апреля 1979 г. Вашингтон принял «Закон об отношениях с Тайванем», ставший необычным явлением в мировой дипломатической и правовой практике³⁸⁰. Закон должен был заменить двусторонний договор о взаимной обороне, подписанный еще в 1954 г. Примечательно, что в 4-м разделе США разъяснили, что они подразумевали под неофициальной основой двусторонних отношений: «Всякий раз, когда законы США ссылаются на иностранные государства, нации, правительства или аналогичные образования, такие термины должны включать Тайвань и применяться к нему»³⁸¹. Иными словами, положение обязывало рассматривать Тайвань как если бы он был государством, но такое «как если бы» не означает фактического признания Китайской Республики в качестве

³⁷⁶ Address by President Carter to the Nation // Office of the Historian. – 1978. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d104> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁷⁷ США считают статус Тайваня неопределенным. Эта позиция не менялась с окончанием Второй мировой войны, и неоднократно озвучивалась Конгрессом, и различными высокопоставленными представителями администраций.

³⁷⁸ Chiang Y.F. One-China Policy and Taiwan / Y.F. Chiang // New York: Fordham International Law Journal. – 2004. – Vol. 28. – Issue 1. – P. 53.

³⁷⁹ Ibid. P. 53.

³⁸⁰ Taiwan Relations Act, 1979 // American Institute in Taiwan. – 2022. – URL: https://www.ait.org.tw/taiwan-relations-act-public-law-96-8-22-u-s-c-3301-et-seq/?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

³⁸¹ Taiwan Relations Act, 1979 // American Institute in Taiwan. – 2022. – URL: https://www.ait.org.tw/taiwan-relations-act-public-law-96-8-22-u-s-c-3301-et-seq/?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

правительства Китая или Тайваня как самостоятельного государства³⁸². Тем не менее не будет преувеличением утверждать, что Закон об отношениях с Тайванем представляет собой альтернативу дипломатическому признанию. К тому же Закон закрепляет несколько важных пунктов: «будущее Тайваня должно определяться мирными средствами» и «отсутствие дипломатических отношений или признания не влияет на применение законов США в отношении Тайваня, и они продолжают применяться к Тайваню в том же порядке, что и до 1 января 1979 г.».

По сути, Закон об отношениях с Тайванем – это своеобразная правовая конструкция, маскирующая де-факто дипломатические отношения между сторонами. В 1982 г. положения закона были дополнены т.н. «Шестью гарантиями», в рамках которых США не будут согласовывать с Пекином сроки прекращения поставок оружия Тайваню и не станут оказывать давление на Тайбэй с целью принуждения его к переговорам с КНР. Стоит отметить, что Закон не обязывает США защищать Тайвань в случае вооруженного конфликта; он лишь оставляет вопрос о прямом военном вмешательстве на усмотрение президента США³⁸³.

Для реализации положений, предусмотренных Законом об отношениях с Тайванем на острове, был создан Американский институт на Тайване (American Institute in Taiwan, AIT) – квазигосударственная организация, уполномоченная заключать соглашения от имени США. С тайваньской стороны таким партнером выступила Тайбэйское экономическое и культурное представительство (TECRO). Через AIT и TECRO США выстроили стабильный канал взаимодействия с Тайбэем, который приобрел для США еще и идеологическое значение, когда Тайвань встал на путь демократизации, показав пример успешного слияния конфуцианского культурного наследия с элементами западной демократии³⁸⁴.

Формат «неофициальных» отношений создавал пространство, в котором Вашингтон мог то расширять, то сокращать сотрудничество с Тайбэем, не выходя

³⁸² What Does US Law Say About Taiwan: Revisiting the Taiwan Relations Act // USALI Talking Points. – 24.11.2024. – URL: <https://usali.org/publications/talking-points-what-does-us-law-say-about-taiwan> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁸³ What Does US Law Say About Taiwan: Revisiting the Taiwan Relations Act // USALI Talking Points. – 24.11.2024. – URL: <https://usali.org/publications/talking-points-what-does-us-law-say-about-taiwan> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁸⁴ Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – С. Петербург: Издательство С. Петербургского университета. – 2009. – С. 24.

за формальные рамки собственных обязательств перед Китаем. Для Тайваня подобная модель обеспечивала стабильный канал связи с крупнейшей мировой державой и ключевым поставщиком вооружений. Это позволило острову укреплять обороноспособность и, пусть в ограниченном формате, расширять международное участие. Маневрирование между обязательствами перед КНР следовать политике «одного Китая» и интересами США на Тайване требовало особого механизма. Так появилась политика стратегической неопределенности, ставшая центральным элементом подхода США к обеспечению стабильности в Тайваньском проливе. Ее суть заключается в сохранении неопределенности относительно характера и масштабов возможной реакции США в случае военного конфликта между Китаем и Тайванем³⁸⁵.

Для эффективного сдерживания одной лишь угрозы недостаточно. Оно требует также гарантий безопасности. Если Китай откажется верить, что США воздержатся от провоцирующих действий, сдерживание теряет силу. Поэтому американские администрации регулярно заверяют Пекин, что не поддерживают независимость Тайваня³⁸⁶. Это делается для того, чтобы не дать повод Китаю для применения силы. Обратная сторона этой логики заключается в том, чтобы напомнить Тайбэю о том, что американские обязательства не являются безусловными. Цель – удержать Тайвань от шагов к формальной независимости, которая может спровоцировать военную реакцию Китая.

На протяжении долгого времени эта политика работала эффективно, однако третий кризис в тайваньском проливе 1995–1996 гг., вызванный серией ракетных испытаний, проведенных КНР вблизи Тайваня, вызвал дискуссии относительно того, стоит ли реформатировать политику в сторону «стратегической ясности». Тогда администрация Б. Клинтона направила к побережью Тайваня две авианосные группы для его защиты. В последующие годы США придерживались того же принципа. Так, в 2005 г., после принятия Пекином Закона о противодействии

³⁸⁵ Chang Liao., Fang C. The Case for Maintaining Strategic Ambiguity in the Taiwan Strait / Liao Chang., C. Fang // The Washington Quarterly. – 2021. – Vol. 44. – Issue 22. – P. 46.

³⁸⁶ U.S. Relations With Taiwan // U.S Department of State. – 28.05.2022. – URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-relations-with-taiwan/> (дата обращения: 08.06.2026).

расколу государства, США осудили КНР³⁸⁷, а позже приняли Закон о национальной обороне, разрешающий визиты американских высокопоставленных представителей оборонного ведомства на Тайвань. Кроме того, активизировались переговоры относительно поставок вооружений³⁸⁸, в передаче которых ранее было отказано³⁸⁹. В 2010 г. на фоне роста активности ВМС КНР Вашингтон прибег к операциям Freedom of Navigation³⁹⁰, в рамках которых американские военные корабли регулярно проходили через Тайваньский пролив³⁹¹.

Политика сдерживания была применена не только в отношении Пекина, но и Тайбэя. США сыграли ключевую роль в сдерживании ядерной программы Тайваня. Уже с конца 1960-х гг. США подозревали, что Тайвань под прикрытием гражданских проектов разрабатывает инфраструктуру, потенциально способную обеспечить создание собственного ядерного оружия. Узнав о программе «Синьчжу», Вашингтон принял ряд мер, чтобы остановить ее развитие. Например, США блокировали попытки Тайваня приобрести чувствительное оборудование и материалы, добились ограничения доступа к технологиям, потребовали вернуть весь плутоний американского происхождения и настояли на демонтаже ключевых исследовательских лабораторий и перерабатывающих установок. В условиях зависимости от американской защиты Тайбэй вынужден был подчиниться и свернуть собственную ядерную программу в конце 1970-х. Спустя десятилетие Тайвань вновь попытался возродить программу, но вскоре был вынужден окончательно ее заморозить, так как разведка США обнаружила данный факт³⁹².

³⁸⁷ Press Statement: U.S. Response to China's Anti-Secession Law // U.S. Department of State. – 08.03.2005. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2005/43149.htm#china> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁸⁸ Президент Джордж Буш отклонил запрос Тайваня на поставку управляемых авиационных бомб JDAM и противорадиолокационных ракет HARM. Однако это решение было пересмотрено после того, как был озвучен доклад Пентагона о военной мощи КНР, в котором утверждалось, что НОАК приобрела у Израиля значительное количество противорадиолокационных систем HARPY.

³⁸⁹ Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990 // CRS Report for Congress. – 27.05.2005. – URL: https://www.everycrsreport.com/files/20050527_RL30957_8a817daab2fd592627b8ebe201243ba977c8825e.pdf?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

³⁹⁰ The U.S. Freedom of Navigation Program // The National Bureau of Asian Research. – 2016. – URL: <https://www.nbr.org/publication/the-u-s-freedom-of-navigation-program/> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁹¹ US, Canada sail warships through the Taiwan Strait in a challenge to China // Associated Press. – 09.09.2023. – URL: <https://apnews.com/article/taiwan-us-canada-strait-warships-4f5401527f4623cd6e4bc4757b0c7c3b> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁹² Rebecca K.C. Hersman; R.P. Nuclear U-Turns Learning from South Korea and Taiwanese Rollback / K.C. Rebecca., R.P. Hersman // Nonproliferation Review. – 2006. – Vol. 13. – P.543–547.

Эксперты считают, что Тайвань и по сей день способен произвести ядерное вооружение. Такие дискуссии возобновились после 2022 г. на фоне обострения международной обстановки и роста неопределенности в Тайваньском проливе³⁹³.

После прихода к власти Чэнь Шуйбяня администрация Дж. Буша-младшего жестко предостерегла Чэнь Шуйбянь от односторонних действий. Во время встречи с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао в 2003 г. Дж. Буш публично заявил, что «США придерживаются политики «одного Китая», основанной на трех коммюнике и Законе об отношениях с Тайванем и выступают против любых односторонних действий, направленных на изменение статус-кво». Президент указал, что действия лидера Тайваня указывают на то, что он может быть готов к односторонним решениям, изменяющим статус-кво, чему США противятся³⁹⁴.

На фоне нарастания стратегической конкуренции между Вашингтоном и Пекином некоторые исследователи, включая М. Свайна, Дж. Шаттака, Н. Уэлча, Р. Куо отметили, что политика США в отношении Тайваня все сильнее приобретает признаки «стратегической определенности». Такая тенденция обусловлена тем, что прежний подход, основанный на сдерживании сторон, по мнению авторов, потерял актуальность. Р. Куо считает, что для сохранения неопределенности должно быть решающее превосходство США, которого сейчас нет. В связи с изменением баланса сил в регионе Вашингтон вынужден предпринимать ряд действий, чтобы сохранить свое влияние³⁹⁵.

Первые признаки того, что США меняют свой подход, появились при администрации Б. Обамы, когда был провозглашен «Разворот в сторону Азии», в рамках которого США начали укреплять военное присутствие в АТР, развивая более тесные отношения с Японией, Южной Кореей, Юго-Восточной Азией. Данную стратегию, по мнению Л. Эсташи, необходимо рассматривать как глобальный ответ на ослабление позиций США на фоне экономического взлета

³⁹³ Бабушок Н.О. Фактор Тайваня в американо-китайских отношениях / Н.О. Бабушок // Россия и современный мир. – 2024. – №1. – Р. 129.

³⁹⁴ President Bush and Premier Wen Jiabao Remarks to the Press // The White House. – 09.12.2003. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/12/20031209-2.html> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁹⁵ Strategic Clarity and the Future of U.S -Taiwan Foreign Relations // The National Bureau of Asian Research. – 03.02.2022. – URL: <https://www.nbr.org/publication/strategic-clarity-and-the-future-of-u-s-taiwan-foreign-relations/> (дата обращения 08.06.2026).

Китая³⁹⁶. Параллельно развивающаяся экономическая интеграция между Китаем и Тайванем при Ма Инцзю, согласно докладу Исследовательской службы конгресса США за 2008 г., не полностью соответствовала интересам США, что в очередной раз подтверждает тезис о том, что США хоть и выступают за мирное и стабильное развитие отношений между сторонами, но лишь до тех пор, пока это развитие не приближается к порогу окончательного воссоединения двух сторон пролива³⁹⁷.

При первом сроке Дональда Трампа этот курс получил дальнейшее развитие в виде ослабления традиционной политики стратегической неопределенности. Ряд эмпирических данных фиксирует трансформацию американской политики в регионе. Ярким свидетельством этого изменения стала заметная интенсификация продаж вооружений на остров (см. Приложение 9). При нем было продано оружия более чем на 18 млрд долл., что стало рекордом со времен президентства Дж. Буша. При Д. Трампе были заложены новые законодательные основы взаимодействия США и Тайваня. В 2018 г. был ратифицирован Закон о поездках (Taiwan Travel Act)³⁹⁸, разрешающий официальным представителям обеих сторон совершать взаимные визиты на всех уровнях. Этот акт фактически снял прежние ограничения, существовавшие в США со времен установления дипломатических отношений с КНР. Также был принят Закон об инициативе по защите и укреплению международных союзников Тайваня (Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act)³⁹⁹, направленный на укрепление международного положения острова путем поощрения государств к развитию дипломатических отношений с Тайванем. Изменилась и риторика. В принятой Стратегии национальной безопасности 2017 г. говорится, что США продолжают крепкие связи с Тайванем, основанные на политике «одного Китая» и

³⁹⁶ Эсташи Л. Разворот в сторону Азии: глобальная стратегия США? / Л. Эсташи // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2013. – №5. – С. 206.

³⁹⁷ Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – СПб.: Издательство С. Петербургского университета. – 2009. – 180-181.

³⁹⁸ Taiwan Travel Act // Congress.Gov. – 16.03.2018. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text/rfs> (дата обращения: 08.06.2026).

³⁹⁹ Office of the President thanks US President Trump for signing TAIPEI Act into law // Office of the President Republic of China (Taiwan). – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5988> (дата обращения: 08.06.2026).

обязательствах, закрепленных в Акте об отношениях с Тайванем, которые касаются обеспечения обороноспособности острова.

По сравнению с версиями предыдущих годов, в том числе при Б. Обаме, Стратегия Национальной Безопасности США 2017 г. более прямолинейно характеризует важность тайваньского вопроса для Вашингтона. Первый срок Трампа продемонстрировал качественно новый подход в отношении Китая, который к 2017 г. был охарактеризован как стратегический соперник США. Против Китая была развернута торговая война, а отношения с островом были в некоторой степени институционализированы в том числе ради оказания давления на Китай.

В 2021 г. администрация Джо Байдена продолжила расширять взаимодействие между Вашингтоном и Тайбэем, что проявлялось во множестве политических и символических действий. Например, на инаугурацию был приглашен представитель Тайваня, была одобрена крупная партия вооружений, а американское законодательство предусматривает обращение с Тайванем в сфере военно-технического сотрудничества как с основным союзником вне НАТО без его формального наделения соответствующим статусом⁴⁰⁰. В этом контексте Байден неоднократно обещал защищать Тайвань, заявляя, что США вмешаются военным путем в случае вторжения КНР⁴⁰¹. К отказу от стратегической «неопределенности» в пользу «ясности» призывали и высокопоставленные американские сенаторы и чиновники, включая Тома Коттона и Э. Колби, которые считали, что США должны более решительно противодействовать амбициям КНР⁴⁰².

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой стратегическая неопределенность все еще не потеряла актуальность и должна оставаться основной стратегией сдерживания Китая. Аналитик М. Каннигем считает, что недвусмысленно заявлять, что США будут защищать Тайвань от

⁴⁰⁰Major Non-NATO Ally Status // U.S. Department of State. – 20.01.2025. – URL: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status> (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁰¹ Biden says U.S. forces would defend Taiwan in the event of a Chinese invasion // Reuters. – 19.09.2022. – URL: https://www.reuters.com/world/biden-says-us-forces-would-defend-taiwan-event-chinese-invasion-2022-09-18/?aff_id=1035 (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁰² Cotton: Give China “crystal clear” warning not to invade Taiwan // Defense News. – 18.02.2021. – URL: <https://www.defensenews.com/congress/2021/02/18/cotton-give-china-crystal-clear-warning-not-to-invade-taiwan/> (дата обращения: 08.06.2026).

нападения, не в интересах Америки. По мнению автора, стратегическая ясность имеет ценность только в случае военного нападения, но она не может предотвратить угрозы из «серой зоны»⁴⁰³. Схожую точку зрения выражает отечественный исследователь А.В. Волошина. По ее мнению, говорить о том, что эра «стратегической неопределенности» подошла к концу, преждевременно⁴⁰⁴.

Выводы исследователей подтверждаются нынешним подходом Д. Трампа, который скептически относится к ценности союзников, критикует их за недостаточное участие в собственной обороне⁴⁰⁵. Территориальные амбиции Трампа (о присоединении Канады в качестве 51-го штата и установлении контроля над Панамским каналом) встревожили мировое сообщество и подорвали международный принцип недопустимости изменения границ силой. По мнению Сакса, подобные заявления потенциально могут подтолкнуть КНР к решению тайваньского вопроса силовым путем⁴⁰⁶.

Политика администрации Д. Трампа 2.0 по Тайваню значительно отличается как от предыдущей стратегии Трампа 1.0, так и от курса Джо Байдена. С одной стороны, она имеет ряд преемственных черт. Основная позиция США по Тайваню концептуально не изменилась, что подтверждается опубликованной в 2025 г. национальной стратегией безопасности, где США продолжают рассматривать Тайвань как элемент сдерживания Китая. Вашингтон также сохранил прежнюю позицию о недопустимости одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе⁴⁰⁷.

Однако ключевая особенность новой стратегии заключается в том, что тайваньская проблема рассматривается не через призму борьбы демократии с

⁴⁰³ Should the USA Maintain its Policy of Strategic Ambiguity Towards Taiwan? // The Heritage Foundation. – 24.07.2024. – URL: <https://www.heritage.org/china/commentary/should-the-usa-maintain-its-policy-strategic-ambiguity-towards-taiwan> (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁰⁴ Волошина А.В. Конец Политики «Стратегической неопределенности» США в отношении Тайваня? / А.В. Волошина // Россия и Америка в XXI веке. – 2022. – № 1. – С. 8–10.

⁴⁰⁵ How would the Trump or Harris administration approach Taiwan? // Brookings. – 2024. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-would-the-trump-or-harris-administration-approach-taiwan/> (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁰⁶ Trump is making Taiwan More Vulnerable // Council on Foreign Relations. – 21.02.2025. – URL: <https://www.cfr.org/blog/trump-making-taiwan-more-vulnerable> (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁰⁷ National Security Strategy of the United States of America // The White House, 03.11.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

авторитаризмом, как это было при Джо Байдене, а в контексте материального интереса США. Такой новый подход идеологически вписывается в повестку «сделать Америку снова великой», продвигаемой Д. Трампом. Важной особенностью нового подхода является стремление Вашингтона частично снять с себя ответственность за обеспечение безопасности союзников. Президент США не раз сравнивал американские гарантии безопасности для острова со «страховой компанией». Кроме того, Трамп прямо обвинял Тайвань в том, что он якобы забрал американскую полупроводниковую промышленность, связывая тайваньский вопрос с проблемой деиндустриализации США⁴⁰⁸.

Во многом яркие заявления Трампа могут быть обусловлены не столько выработкой внешнеполитической линии, сколько игрой на внутреннюю аудиторию. Тем не менее подобная риторика уже оказывает практическое влияние на американо-тайваньские отношения. Например, повышенное внимание со стороны США получила TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) – крупнейший мировой производитель полупроводников. США стимулируют TSMC к переносу части производственных мощностей в США, в результате компания начала инвестировать в строительство заводов в Аризоне⁴⁰⁹.

Кроме того, персонализация внешней политики в лице Трампа, который отличается склонностью воспроизводить противоречивые сигналы, а также упрощать международные отношения до уровня двусторонних сделок, усиливает фактор неопределенности в тайваньском вопросе. Подобный подход уже привел к дискуссии о заморозке американских поставок вооружений на остров после визита Д. Трампа в Пекин в мае 2026 г. Сам президент охарактеризовал потенциальный пакет вооружений для Тайваня как «переговорный козырь» в отношениях с КНР, фактически допустив возможность увязки тайваньского вопроса с более широкими

⁴⁰⁸ Trump says Taiwan should pay for defense, sending TSMC stock down // Reuters. – 17.06.2024. – URL: <https://www.reuters.com/technology/tsmc-shares-fall-more-than-2-after-trump-says-taiwan-should-pay-defence-2024-07-17/> (дата обращения: 27.05.2026).

⁴⁰⁹ Trump and TSMC announce \$100 billion plan to build five new US factories // Reuters. – 04.03.2025. – URL: https://www.reuters.com/technology/tsmc-ceo-meet-with-trump-tout-investment-plans-2025-03-03/?_hsenc=p2ANqtz-_6HtjgjrI2lsk7xdiVzhfzyY-l5r5wyrXvNDpTl9z_S7-rnjZah6ZuWAzeWA5ayTyUrOhZ (дата обращения: 27.05.2026).

американо-китайскими договоренностями⁴¹⁰. Такая политика уже приобретает стратегическое измерение и способна подорвать доверие союзников к американской системе безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе⁴¹¹.

Неопределенность в американо-тайваньских отношениях выходит за рамки исключительно военной сферы. Тарифная политика Трампа оказывает заметное давление на экономику острова. В частности, введение США 20%-ного тарифа на часть тайваньского импорта уже оказало негативный эффект на экспортно-ориентированную экономику острова.

Одним из наиболее чувствительных направлений становится давление США на уже ранее упомянутую полупроводниковую промышленность, которая на протяжении десятилетий служила своеобразным «кремниевым щитом» острова. Предполагалось, что критическая зависимость мировой экономики от тайваньских полупроводников повышает заинтересованность ведущих держав в сохранении стабильности вокруг острова. Попытки США склонить Тайвань к более равномерному распределению производства микросхем фундаментально противоречат интересам Тайваня, поскольку ослабляют один из важнейших факторов сдерживания Китая. Однако из-за того, что ключевые полупроводниковые активы находятся под контролем США, тайваньские компании не могут активно сопротивляться внешнему давлению⁴¹².

Важным аспектом является энергетическая зависимость острова. Тайвань импортирует около 98% топлива и практически не имеет стратегических запасов⁴¹³. Осознавая эту уязвимость, администрация Трампа начала оказывать большее давление на Тайбэй, добиваясь увеличения закупок американского СПГ, особенно в рамках проекта Alaska LNG⁴¹⁴. Лай Циндэ представил эти закупки как

⁴¹⁰ Taiwan president gifts Trump autobiography of TSMC founder // Reuters. – 27.05.2026. – URL: https://www.reuters.com/world/china/taiwan-president-urges-stronger-us-ties-amid-unease-over-trump-remarks-2026-05-27/?utm_source (дата обращения: 27.05.2026).

⁴¹¹ Kerzewski M. Return to Strategic Ambiguity: US-Taiwan Relations under Trump 2.0 / M. Kerzewski // International Reports. – 2025. – P. 61.

⁴¹² Kerzewski M. Return to Strategic Ambiguity: US-Taiwan Relations under Trump 2.0 / M. Kerzewski // International Reports. – 2025. – P. 63.

⁴¹³ The Iran conflict illuminates Taiwan's unique energy security challenge // CSIS. – 14.05.2026. – URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-conflict-illuminates-taiwans-unique-energy-security-challenge> (дата обращения: 28.05.2026).

⁴¹⁴ Alaska LNG – американский проект по добыче и экспорту сжиженного природного газа с Аляски.

необходимую меру для обеспечения энергетической безопасности острова, привязывая энергетическое будущее Тайваня к единственному и дорогостоящему иностранному источнику. Однако это не только не устраняет уязвимость Тайваня в случае блокады со стороны КНР, но и ограничивает Тайвань в стремлении диверсифицировать поставщиков энергоресурсов.

Таким образом, трансформация политики США в отношении Тайваня демонстрирует изменение курса в сторону более ситуативного и персонализированного подхода. В настоящее время именно США способны влиять на уровень безопасности острова посредством ускорения или задержки поставок вооружений, энергоресурсов и даже продовольствия. При этом важную роль играет личность самого Д. Трампа, который пока сохраняет поддержку в Республиканской партии и способен более активно продвигать собственный подход во внешней политике. Тайвань все меньше рассматривается как идеологический партнер и все больше как объект дипломатического торга между Вашингтоном и Пекином⁴¹⁵. Политика США становится непредсказуемой, что создает стратегическую неопределенность в большей степени для Тайбэя, который в силу ограниченности ресурсов вынужден платить экономическую цену и жертвовать элементами своего технологического лидерства для сохранения дипломатической и военной поддержки.

В этих условиях Тайвань заинтересован в развитии отношений не только со странами ЕС, но и региональными акторами, прежде всего с Японией. Токио, сталкиваясь с противоречивыми сигналами со стороны США и ростом военной активности КНР, начинает играть более значимую роль в поддержании регионального статус-кво.

3.3. Развитие японо-тайваньских отношений в условиях трансформации региональной стратегической среды

⁴¹⁵ Лексютина Я.В. О политике США в отношении Китая при администрации Д. Трампа / Я.В. Лексютина // Аналитические записки ИКСА РАН. – 2024. – С. 18-19.

Современное восприятие Японии на Тайване формировалось под воздействием исторического прошлого. Несмотря на то, что японская оккупация, или как часто называют тайваньские историки, «период японского правления», завершилась в середине XX века, многие элементы этого наследия сохранились до настоящего времени. Переход Тайваня под управление Японской империи был закреплен по итогам Симоносекского договора 1895 г. В последующие десятилетия японская администрация проводила последовательную политику интеграции острова, направленную на его экономическое развитие и институциональное переустройство.

Тайвань для Японии был образцовой колонией, которую империя стремилась не только интегрировать, но и использовать в качестве пропагандистской демонстрации эффективности собственной колониальной модели, привлекая состоятельных европейских и американских туристов. Р. Фогт, автор книги «Непостижимая Япония», был настолько потрясен увиденным, что поделился с читателями своим восторгом: «Ничего из сделанного Японией так не доказывает ее величия, как просвещенные методы, используемые в своих владениях, и те богатства и людские жизни, которые она жертвует для достижения желанной цели – превратить некогда враждебные колонии в довольные и сотрудничающие (с метрополией) части империи»⁴¹⁶.

Справедливости ради стоит отметить, что Р. Фогт видел далеко не все. Маршруты были построены таким образом, что иностранцы наблюдали лишь часть правды, а издержки колониализма были перекрыты повсеместной пропагандой. В реальности по отношению к национальным меньшинствам Япония на протяжении десятилетий проводила политику принудительной ассимиляции⁴¹⁷, однако Инцидент в Ушэ⁴¹⁸, повлекший гибель сотен японцев, все же заставил

⁴¹⁶ Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е-1930-е годы / В.Э. Молодяков // Москва: Ежегодник Япония. – 2016. – С. 162-165.

⁴¹⁷ Там же. С. 165.

⁴¹⁸ В 1930 году произошло восстание племени Атаялов. Восстание было спровоцировано несправедливой политикой местной администрации, которая занималась принудительной ассимиляцией аборигенов. Восстание было жестко подавлено, однако эти события заставили Японию пересмотреть свою политику в отношении национальных меньшинств.

администрацию отказаться от репрессивных форм и повысить статус аборигенов до жителей «внутренних земель»⁴¹⁹.

В целом можно констатировать, что 50-летний период правления японской администрации принес Тайваню гораздо больше плюсов, чем минусов. Многие сооружения, начиная со школ и заканчивая административными зданиями, были заложены в этот период. Япония смогла принести цивилизацию на остров, решить эпидемиологическую проблему⁴²⁰, снизить уровень преступности⁴²¹ и наладить производство сельскохозяйственной продукции⁴²². Возможно, по этой причине тайваньцы чаще всего положительно отзываются о колониальном прошлом, подчеркивая позитивные изменения, затронувшие остров⁴²³.

После завершения Второй мировой войны Япония в соответствии с Сан-Францисским мирным договором 1951 г. отказалась от всех прав, титулов и притязаний на Тайвань и на Пескадорские острова. Однако принципиально важно, что в тексте договора не указывалось, в пользу какого именно государства осуществляется этот отказ, что породило вопрос о международно-правовом статусе острова. Более того, ни Китайская Республика, ни Китайская Народная Республика не принимали участие в процессе подписания мирного договора, так как США и союзники не смогли договориться, кого считать «настоящим Китаем». В 1952 г. Япония заключила с Китайской Республикой Тайбэйский мирный договор, который не только формально завершил состояние войны между сторонами, но и закрепил важную правовую особенность тайваньского вопроса. Договор в части Тайваня дублировал положения Сан-Францисского мирного договора и не содержал прямого указания на передачу суверенитета над островом, но в статье 10 закреплялось, что жителями Китайской Республики считаются жители Тайваня и

⁴¹⁹ Там же. С. 168.

⁴²⁰ Во многих портовых городах Тайваня из-за отсутствия канализации и источников чистой воды время от времени вспыхивала чума. Эта проблема была практически решена в 20-е годы XX века.

⁴²¹ Во времена Цинской империи (Да Гоу) в Гаосюне часто останавливались японские и китайские контрабандисты и пираты.

⁴²² Тайвань в XX веке был крупнейшим поставщиком тростника в регионе.

⁴²³ Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е-1930-е годы / В.Э. Молодяков // Москва: Ежегодник Японии. – 2016. – С. 170.

архипелага Пэнху, что фактически указывало на признание юрисдикции Тайбэя над населением острова⁴²⁴.

В послевоенные годы двусторонние отношения развивались в позитивном русле. Этому во многом способствовало наличие общего врага в лице КПК. Кроме того, географическая близость Тайваня к Японии, в частности расположение города Хуалянь всего в 69 милях от японского острова Йонагуни, придавала острову особое значение в системе региональной безопасности. Потенциальное установление контроля КНР над Тайванем означало бы резкое сокращение дистанции между территориальными водами Японии и Китая, что воспринималось Токио как серьезный вызов.

Ключевым поворотным моментом стало решение Японии в 1972 г. нормализовать отношения с КНР. В рамках подписанного Совместного коммюнике Японии и КНР Токио признал правительство КНР единственным законным правительством Китая и прекратил официальные дипломатические отношения с Тайванем. Что касается Тайваня, то в ст. 3 отмечено следующее: «Правительство Китайской Народной Республики вновь заявляет, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китайской Народной Республики. Правительство Японии полностью понимает и уважает данную позицию в соответствии со статьей 8 Потсдамской декларации», согласно которой суверенитет Японии ограничивается ее основными островами: Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и иными территориями, определяемыми союзниками⁴²⁵. Так, нормализация отношений с КНР в 1972 г. не означала для Японии окончательного отказа от сотрудничества с Тайванем, а стала началом гибкой политики. Как и США, Япония формально приняла позицию Пекина и подтвердила приверженность принципу «одного Китая», но использование формулировок «понимает и уважает», а не «признает», позволило Токио продолжить

⁴²⁴ Treaty of Peace between the Republic of China and Japan // Taiwan Documents Project. – URL: <http://www.taiwandocuments.org/taipei01.htm> (дата обращения: 02.04.2026).

⁴²⁵ Joint Communiqué of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html?utm_source (дата обращения: 02.04.2026).

взаимодействие с Тайбэем. Были созданы специальные институты, выполнявшие функции дипломатических представительств, развивались экономические, культурные и гуманитарные связи.

Дальнейшая эволюция отношений между сторонами во многом определялась внутривнутриполитическими процессами на Тайване. Период правления Ли Дэнхуэя (1988–2000 гг.), сопровождавшийся ренессансом тайваньской идентичности, стал важным этапом переосмысления исторического опыта острова, в том числе его связей с Японией. В этот период был снят запрет на японский медиаконтент, и тайваньское общество стало активным потребителем японских телепрограмм, а также модных трендов. Появился даже новый термин – «harizu» – япономания.

Углубление контактов происходило на фоне очередного обострения между Тайбэем и Пекином. В 1996 г. произошел очередной кризис в Тайваньском проливе, вызванный недовольством Пекина в связи с визитом Ли Дэнхуэя в США. Демонстрация военной силы со стороны КНР оказала значительное влияние на японские власти, которые пересмотрели политику безопасности, подписав Совместную декларацию безопасности США и Японии⁴²⁶. Несмотря на то, что Токио и Вашингтон заявили, что усиление альянса не направлено против какого-либо конкретного государства, трудно утверждать, что «китайский фактор» вовсе не играл роли в укреплении американо-японского союза. Как отмечает Есихидэ Соэя, союз США и Японии имел скрытую цель поддержания стабильного баланса сил в регионе⁴²⁷.

Действительно, японское правительство прямо не исключило кризис в Тайваньском проливе из числа возможных ситуаций, к которым могут применяться руководящие принципы оборонного сотрудничества с Вашингтоном. Более того, с помощью термина, используемого в Совместной декларации «周边事态», подразумевающего «кризисные ситуации вблизи Японии», существенно

⁴²⁶ The Guidelines for Japan-U.S. Defense cooperation. – WARP. – URL: https://warp.ndl.go.jp/web/20201201124744/www.mod.go.jp/e/d_act/us/anpo/pdf/19970923.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

⁴²⁷ Soeya, Y. Japan: normative constraints versus structural imperatives / Y. Soeya // Stanford University Press. – 1998. – P. 215.

расширилась зона допустимого участия Японии в обеспечении региональной безопасности⁴²⁸. С тех пор отставные представители Сил самообороны Японии стали частными гостями на Тайване.

В 2000 г. Чэнь Шуйбянь сменил Ли Дэньхуэя и продолжил политику десинификации, которая сопровождалась расширением зон сотрудничества с Японией. Эти процессы вызвали недовольство Китая, который периодически обвинял Японию в стремлении вернуть Тайвань под свой контроль. Преемник Чэнь Шуйбяня Ма Инцзю сменил политический курс на восстановление отношений с материком. Хотя он отрицал антияпонскую позицию, его действия на посту президента нередко подтверждали его неприязнь к Токио. Так, в 2010 г. во время визита в Тайбэй Синдзо Абэ ему не был представлен транспорт, вследствие чего он был вынужден воспользоваться такси⁴²⁹. Кроме того, Ма Инцзю призывал Японию «извлекать уроки из истории», используя формулировку, популярную в политическом дискурсе КНР для оценки действий японской армии в годы Второй мировой войны⁴³⁰. Даже одно из ключевых достижений администрации Ма – заключение соглашения о рыболовстве 2013 г. стало возможным лишь после длительного периода обсуждений и было заключено на фоне обострения отношений между Японией и КНР вокруг спорных островов Сенкаку⁴³¹.

Победа Цай Инвэнь на выборах 2016 г. стала прологом улучшения японо-тайваньских отношений после периода их относительного охлаждения при Ма Инцзю. Этому способствовало множество факторов: политические, экономические и даже личностные. Отношения между Цай Инвэнь и Синдзо Абэ носили дружественный характер. В целом, важно сказать, что для бывшего премьер-министра Японии Тайвань имел особое значение. Его дед по

⁴²⁸ Дословный перевод: Цель данных руководящих принципов заключается в создании прочной основы для более эффективного и надежного сотрудничества между США и Японией как в мирных условиях, так и в случае вооруженного нападения на Японию, а также в кризисных ситуациях вблизи Японии.

⁴²⁹ DPP Accuses Ma Administration of Snubbing Abe // Taipei Times. – 23.11.2010. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2010/11/03/2003487580?utm_source (дата обращения: 05.04.2026).

⁴³⁰ President Ma Hoping Japan will Recognize Historical Facts // Focus Taiwan. – 14.08.2015. – URL: https://focustaiwan.tw/politics/201508140039?utm_source (дата обращения: 05.04.2026).

⁴³¹ The Japan-Taiwan Fishery Agreement: Strategic Success, Tactical Failure? // Asia Maritime Transparency Initiative. – 20.10.2015. – URL: https://amti.csis.org/the-japan-taiwan-fishery-agreement-strategic-success-tactical-failure/?utm_source (дата обращения: 05.04.2026).

материнской линии, Нобусэкэ Киси, был первым японским премьер-министром, посетившим Тайбэй в 1957 г. Брат Киси, Эйсаку Сато стал последним действующим премьер-министром, посетившим Китайскую Республику в 1964 г. Сам Абэ до возвращения на пост премьер-министра посещал Тайвань в 2010 и 2011 гг. Его младший брат, Нобуо Киси, член верхней палаты парламента Японии и глава парламентской группы депутатов по связям с Тайванем, выступал в роли посредника между премьер-министром и тайваньским руководством. Цай Инвэнь также активно выстраивала контакты с Японией, в том числе с семьей Абэ. Она встречалась с ним во время его визитов на остров. В 2015 г., будучи кандидатом в президенты, Цай совершила «тур дружбы «Япония-Тайвань», в рамках которого посетила родную префектуру семьи Абэ.

Отношения между Тайванем и Японией в эпоху Цай Инвэнь начались с поздравительных посланий от Синдзо Абэ, а затем от министра иностранных дел. Этот жест имел большое символическое значение, поскольку это был первый случай поздравления тайваньского лидера со стороны официальных лиц Японии с момента разрыва дипломатических отношений между Токио и Тайбэем⁴³².

В течение года обе стороны сделали еще ряд символических шагов, направленных на повышение уровня взаимодействия. В частности, произошло переименование представительств, выполняющих роль де-факто посольств. Так «Ассоциация по обменов», выполнявшая функции де-факто посольства на Тайване, объявила о смене названия на «Японо-тайваньская ассоциация обменов». Тайвань впоследствии ответил аналогичным шагом, переименовав «Тайбэйское экономическое и культурное представительство в Японии» в «Ассоциацию тайваньско-японских отношений»⁴³³. Эти изменения отражали стремление сторон придать двусторонним связям более официальный характер.

⁴³² Japanese Prime Minister Congratulates Tsai on her Victory // Focus Taiwan. – 18.01.2016. – URL: https://focustaiwan.tw/politics/201601180013?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

⁴³³ Taiwan Happy with Japan Mission's Name Change, but China Miffed // Reuters. – 29.12.2016. – URL: https://www.reuters.com/article/world/taiwan-happy-with-japan-missions-name-change-but-china-miffed-idUSKBN14I0C6/?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

Параллельно активизировалось взаимодействие в сфере безопасности. В 2017 г. вышел ежегодный доклад Японского национального института оборонных исследований, в котором рассматривалась эволюция подходов Китая к тайваньскому вопросу от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина, внутренняя динамика Тайваня, а также роль США в регионе. В докладе присутствует аналитическая информация о росте тайваньского самосознания и военного давления Китая, а также о политическом курсе Цай Инвэнь. Особое внимание заслуживает использование обозначений «Китай» и «Тайвань» с открытым намеком на равенство сторон⁴³⁴. Публикация доклада с таким содержанием является показательным эпизодом, демонстрирующим, что Япония допускает разные трактовки тайваньской проблемы, не соотносящиеся с китайским видением проблемы.

В практической плоскости Япония, Тайвань и США возобновили приостановленные администрацией Ма трехсторонние консультации по вопросам безопасности, в которых до сих пор принимают участие эксперты, бывшие государственные служащие и военные. В консультациях обсуждаются чувствительные вопросы региональной безопасности, которые не могут быть подняты на уровне официальных переговоров между сторонами⁴³⁵. Важным направлением стало развитие диалога между правящими партиями в формате «2+2»⁴³⁶. Встречи в данном формате проводятся на регулярной основе и охватывают широкий круг вопросов, включая ситуацию в Тайваньском проливе⁴³⁷.

Поворотным событием стало официальное упоминание Тайваньского пролива в Белой книге по обороне Японии в 2021 г. В ней говорится, что растущая военная мощь Китая вызывает серьезную обеспокоенность в Японии и что стабилизация ситуации вокруг Тайваня имеет важное значение для безопасности

⁴³⁴ NIDS China Security Report 2017 // National Institute for Defense Studies, Japan. – URL: https://www.nids.mod.go.jp/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2017_A01.pdf?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

⁴³⁵ Речь идет о действии различных видов военных кораблей, замаскированных под рыболовные суда, заплывающие в спорные регионы. Формально они не нарушают статус-кво, но такая тактика позволяет КНР усиливать свои позиции в регионе.

⁴³⁶ Между Демократической прогрессивной партией Тайваня и Либерально-демократической партией Японии.

⁴³⁷ DPP hopes to institutionalize the DPP-LDP 2+2 Diplomacy and Defense Dialogue // Democratic Progressive Party. – 21.03.2023. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/press_releases/contents/53?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).

Японии. Общий тон Белой книги задает довольно жесткая оценка политики Китая за последнее десятилетие: в документе несколько раз используется формулировка «серьёзная обеспокоенность», а также отмечается, что участвовавшие действия китайских ВМС и авиации вокруг острова создают ощущение кризиса как никогда ранее⁴³⁸. По мере роста давления Япония все сильнее связывает свои национальные интересы с безопасностью Тайваня. В целом выход Белой книги по обороне можно рассматривать как первый шаг в изменении подходов Токио к тайваньскому вопросу. Как отмечает Чэнь Юйхуа, при правлении Си Цзиньпина, Япония стала отклоняться от политики «стратегической неопределенности» к большей определенности в вопросе Тайваня⁴³⁹.

Белая книга 2022 г. сохранила подход предыдущей редакции, но придала ему более эмоциональную окраску. В ней Тайвань назван «чрезвычайно важным партнером Японии, разделяющим демократические ценности». Авторы подчеркивают, что необходимо не просто наблюдать за ситуацией в Тайваньском проливе, но и рассматривать ее как вопрос «неотложного характера». В отчет вошли сведения о растущем беспокойстве относительно ситуации в регионе не только в Токио и Вашингтоне, но и в европейских столицах⁴⁴⁰.

В 2023 г. тон японского отчета становится жестче. В документе говорится, что Китай «постоянно усиливает военную активность» вокруг острова, пытаясь создать «faits accomplis». МИД Китайской Республики в ответ на выпущенный отчет выразил благодарность и подчеркнул, что остров является «ключевым узлом островной цепи» и незаменимым элементом региональной стабильности; Тайбэй обещал тесно взаимодействовать с Японией и другими «единомышленниками»⁴⁴¹.

Публикации 2024–2025 гг. отражают качественно новый этап в эволюции японского подхода к тайваньскому вопросу. Если ранее речь шла в основном о

⁴³⁸ Defense of Japan 2021 // Ministry of Defense of Japan. – 2021. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2021.html (дата обращения: 22.04.2026).

⁴³⁹ Chen Yu-Hua Japan's Policy in the Xi Jinping Era: Moving Toward Strategic Clarity / Yu-Hua Chen // Przegląd Strategiczny. – 2022. – No. 15. – P. 307.

⁴⁴⁰ Defense of Japan 2022 // Ministry of Defense of Japan. – 2022. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2022.html (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁴¹ Defense of Japan 2023 // Ministry of Defense of Japan. – 2023. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2023.html (дата обращения: 22.04.2026).

росте напряженности, то теперь внимание сосредоточено на том, как именно может в дальнейшем развиваться кризис. В обоих документах подчеркивается важная деталь – действия Пекина перестают восприниматься как исключение и становятся «новой нормой». На этом фоне японская сторона делает вывод, что Китай не просто усиливает давление, а последовательно подводит ситуацию к возможному изменению статус-кво⁴⁴². Белая книга 2025 г. развивает эту логику и переводит ее в плоскость практических мер. Тайваньский пролив окончательно закрепляется как одно из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности Японии. В докладе уделено большое внимание географическому фактору: островная дуга Рюкю рассматривается как передовой рубеж в случае нападения КНР на остров, что обуславливает необходимость установки ракетных и зенитных систем, а также углубление оперативной интеграции с США⁴⁴³.

Характерно, что Национальный доклад Китайской Республики за 2025 г. не столько предлагает альтернативную интерпретацию, сколько воспроизводит и усиливает ключевые положения японского дискурса. Тайваньские авторы отмечают рост оборонных возможностей Японии и ее переход к более проактивной стратегии, что интерпретируется тайваньской стороной в позитивном ключе⁴⁴⁴. Таким образом, с 2021 г. происходит окончательное оформление нового этапа японской внешней политики с обновленной оборонной стратегией, куда уже включен Тайвань. Синхронность японского и тайваньского дискурсов говорит о том, что и Тайбэй, и Токио формируют общую логику безопасности и являются взаимосвязанными элементами сдерживания Китая.

Причины этой трансформации японской политики выходят за рамки исключительно военных оценок и связаны с более глубинными изменениями во внешнеполитической идентичности Японии. Как отмечает Чэнь Юйхуа, Япония постепенно отходит от роли «пассивного последователя» США и начинает

⁴⁴² Defense of Japan 2024 // Ministry of Defense of Japan. – 2024. – URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁴³ Defense of Japan 2025 // Ministry of Defense of Japan. – 2025. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁴⁴ National Defense Report 2025 // Ministry of National Defense of the Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mnd.gov.tw/newupload/ndr/114/114ndreng.pdf?utm_source (дата обращения: 22.04.2026).

воспринимать себя как самостоятельного актора, ответственного за поддержание регионального порядка. Усиление Китая, рост «серых зон» конфликта и неопределенность в долгосрочных обязательствах США подтолкнули Токио к переосмыслению собственной роли.

Дополнительное значение имеет ценностный фактор. Обе стороны рассматривают друг друга как близкого партнера, разделяющего общие ценности и историю. Согласно статистике, более 81 % тайваньцев позитивно относятся к Японии. Схожее восприятие можно наблюдать в Японии, где 82 % имеют благоприятное мнение о Тайване. Поэтому поддержка Тайваня интерпретируется в Японии не только как стратегическая необходимость, но и как защита собственной идентичности в меняющейся системе международных отношений⁴⁴⁵.

В более широком контексте данная трансформация отражает постепенный сдвиг всей региональной архитектуры безопасности в Восточной Азии. Если ранее Япония стремилась действовать в рамках ограничений, заданных послевоенным порядком и союзом с США, то сегодня она пытается задавать повестку. Для Японии Тайвань стал своеобразным «тестом» на устойчивость и способность быть не только объектом политики, но и субъектом.

Таким образом, эволюция отношений между Японией и Тайванем является результатом наложения нескольких факторов: давления со стороны Китая, трансформации роли США в регионе, переосмысления идентичности сначала на Тайване в 1990-х гг., затем в Японии. Логичным продолжением этой тенденции становится и политика современной тайваньской администрации во главе с Лай Циндэ, которая не только сохраняет курс на сближение с Японией, заложенный при Цай Инвэнь, но и усиливает его, вписывая двусторонние отношения в более широкую систему региональной безопасности.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на потерю союзников, дипломатическую изоляцию и военные учения, на данный момент нет убедительных данных, что Тайбэй готов пересмотреть свою политику в отношении

⁴⁴⁵ Most Taiwanese trust Japan: Poll // Taipei Times. – 16.04.2026. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/04/16/2003835273?utm_source (дата обращения: 24.04.2026).

Пекина. Опросы общественного мнения демонстрируют запрос на нормализацию отношений с КНР, но желание нормализации не связано с доверием к Пекину. В августе 2025 г. Совет по делам материкового Китая опубликовал исследование, где почти 69,4% респондентов поддерживают призыв Лай Циндэ к сотрудничеству с материковым Китаем, 78,8% не одобряют действия КПК по блокированию участия Тайваня в ВОЗ. 83,7% респондентов не согласны с предложением КПК о формуле «одна страна – две системы», 62,2% считают, что отношение материкового Китая к правительству Тайваня недружественным (против 19,3% респондентов, считающих его «дружественным», а 47,6% воспринимают отношение к тайваньскому народу как недружественное, тогда как 36,7% считают его дружественным⁴⁴⁶.

Эмпирические данные демонстрируют, что многие тайваньцы болезненно относятся к политическим мерам КНР, которые зачастую воспринимаются тайваньским обществом как акт враждебности. Подобная динамика способствует формированию спирали конфликта, когда каждая сторона интерпретирует действия другой как угрозу, усиливая ответные меры. В случае Тайваня это выражается в росте оборонных расходов, поиске новых экономических партнеров и союзников, усилении риторики о защите суверенитета. Важным элементом данной стратегии становится углубление взаимодействия с США и Японией, которые рассматриваются Тайбэем как ключевые партнеры в сфере безопасности.

В нынешних условиях ни у Пекина, ни у Тайбэя нет простого пути к урегулированию сложившейся ситуации, потому что КНР фактически не располагает невоенными инструментами для контроля над политическими процессами на острове. Однако динамика конфликта определяется не только взаимодействием Пекина и Тайбэя, но и ролью США и Японии. Американский подход в отношении Тайваня инкорпорирует стратегические интересы,

⁴⁴⁶ Taiwan's Mainstream Public Opinion Opposes the CCP's Political Propositions toward Taiwan and Supports Strengthening Security Management of Cross-Strait Exchanges to Prevent CCP United Front Infiltration // Mainland Affairs Council. – 21.08.2025. – URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=A921DFB2651FF92F&sms=37838322A6DA5E79&s=12B6B3347B89E45B (дата обращения: 08.06.2026).

идеологические установки и во многом определяется балансом сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На протяжении десятилетий Вашингтон выстраивал политику стратегической неопределенности, которая позволяла США сдерживать как Пекин, так и Тайбэй от действий, способных привести к открытому конфликту.

Не менее значимым фактором выступает Япония, чья политика в последние годы демонстрирует переход к активному вовлечению в тайваньский вопрос. Япония начала рассматривать Тайвань не только как экономического партнера, но и как элемент сдерживания Китая. Это проявляется как в официальной риторике премьер-министра Синаэ Такаити, так и в Белых книгах последних лет. Появление союзника в лице Японии, с одной стороны, усиливает международные позиции Тайбэя и расширяет его возможности в сфере безопасности, однако с другой, делает ситуацию еще более сложной, так как отношения между Китаем и Японией до сих пор остаются напряженными из-за исторического прошлого и сохраняющихся противоречий настоящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование трансформации подходов Тайбэя к принципу «одного Китая» позволяет рассмотреть тайваньскую проблему как сложный политический феномен, в котором тесно переплетены история, политика, экономика, культура и международные отношения. Принцип, который долгое время служил неотъемлемым постулатом внешнеполитического дискурса КНР, в ходе последних трех десятилетий на самом острове претерпел существенное переосмысление, превратившись в инструмент сохранения существующего статус-кво.

Анализ, охватывающий период с 1990-х по 2026 г., показал, что Тайвань развивается в условиях структурных ограничений международной системы, а принцип «одного Китая» выступает важным элементом сложившегося международного порядка и задает рамки допустимого поведения для всех сторон. Исследование установило, что структурные переменные выступают ключевыми факторами, определяющими развитие ситуации вокруг Тайваня.

В связи с этим был предпринят анализ тайваньской проблемы через призму положений неоклассического реализма путем рассмотрения ряда внутренних переменных, включая политическую конкуренцию Гоминьдана и Демократической прогрессивной партии, поколенческие изменения, а также трансформацию тайваньской идентичности.

Проведенный анализ показал, что катализатором идеологического и политического сдвига интерпретации и политической роли концепции «одного Китая» на острове послужила демократизация 1990-х гг., запустившая общественно-политические дискуссии о тайваньской идентичности, статусе острова и допустимых форматах взаимодействия с КНР. В рамках этой дискуссии произошло переосмысление подходов ведущих политических сил Тайваня. Существенное влияние на трансформацию подходов Тайваня к принципу «одного Китая» оказала циклическая сменяемость политической власти. Было установлено, что усиление экономического взаимодействия с КНР в 2000-х гг. способствовало укреплению позиций Гоминьдана и приходу к власти администрации Ма Инцзю, ориентированной на развитие диалога с Пекином. Напротив, рост опасений

относительно намерений КНР в 2014 г. и события в Гонконге 2019 г. способствовали укреплению позиций Демократической прогрессивной партии в 2016 и 2024 гг. Тем не менее, несмотря на разные взгляды на подходы к взаимодействию с КНР, обе партии нашли компромисс в отказе от крайних сценариев интеграции или независимости, адаптировав свои позиции как к сложившейся геополитической реальности, так и к общественному консенсусу относительно сохранения статус-кво.

Важную роль в трансформации подходов Тайваня к принципу «одного Китая» сыграл рост самосознания тайваньского общества. Были выделены 6 поколенческих групп, каждая из которых формировалась в различных политических, социальных и международных условиях. Установлено, что по мере смены поколений отношение к концепции «одного Китая» приобретало более прагматичный характер, а цифровизация существенно изменила механизмы политической социализации молодежи, которая в отличие от старших поколений, меньше привязана к партийной идентичности; их ценности более не сводятся исключительно к поддержке независимости или объединения, потому что вопросы качества жизни, личной свободы и социальной стабильности оказываются более значимыми.

Внутренние тенденции тесно переплетены и во многом задаются структурными факторами. Начиная с 1980-х гг., китайское руководство придерживается стратегии мирного воссоединения, сочетая «кнут и пряник»: выгодные экономические предложения чаще всего сопровождаются демонстрацией силы. Пекин и Тайбэй в годы президентства Ма Инцзю (2008 – 2016 гг.) смогли наладить экономическое сотрудничество. Так был сформирован класс тайваньских предпринимателей «тайшан», который строил фабрики в провинциях Гуандун и Фуцзянь, использовал относительно дешевую по сравнению с Тайванем рабочую силу и всячески укреплял экономическую интеграцию острова. Это обеспечило Тайваню рост экспорта, но породило экономическую зависимость, от которой, несмотря на попытки администрации ДПП, Тайваню не удалось освободиться. Тем не менее, экономическое влияние КНР не смогло предотвратить

отказ Тайбэя следовать «консенсусу 1992 г.» после прихода администрации Цай Инвэнь к власти.

За последние десять лет китайская стратегия все больше смещается в сторону использования т.н. инструментов «серой зоны». Наращивание количества пересечений ВВС НОАК зоны действия ПВО Тайваня, а также крупные учения, имитирующие блокаду острова, демонстрируют определенную тенденцию ужесточения позиции Китая по тайваньскому вопросу. Кроме того, с 2016 г. Пекин активно использует дипломатические рычаги и чековую дипломатию, переманивая союзников Тайбэя и блокируя его участие в международных организациях. Тем не менее, эти меры не приводят к ожидаемому политическому результату. Все активнее развивается обратная тенденция, сопровождающаяся уменьшением доверия тайваньцев к КНР. Так, в 2019 г. на фоне протестов в Гонконге ДПП смогла убедить значительную часть общества в том, что предложенная Пекином модель «одна страна – две системы» не гарантирует сохранения фактической автономии. Дискурс о «китайской угрозе» всячески подкрепляется пропагандой, которая нагнетает обстановку и способствует консолидации части общества вокруг Демократической прогрессивной партии. Выборы 2024 г. сломали сложившуюся закономерность сменяемости власти раз в 8 лет.

Наряду с политикой КНР ключевым фактором трансформации подходов тайваньской администрации к Китаю остается роль Соединенных Штатов. На протяжении второй половины XX века и до настоящего времени Вашингтон все еще выступает гарантом безопасности острова. В 1950-е Вашингтон подписал с Тайбэем договор о взаимной обороне; в 1979 г. Конгресс принял Закон об отношениях с Тайванем, который сохранил возможность поставок вооружений и потенциального вмешательства США в случае угрозы острову. Американская политика «одного Китая», закреплённая в трех совместных коммюнике и шести гарантиях, позволяла Вашингтону балансировать между поддержкой Тайваня и расширением экономических и политических связей с КНР. В то же время США выступали и главным сдерживающим фактором развития сепаратистских

настроений на острове, способствуя формированию статус-кво, ставшего основным нарративом нынешней администрации острова.

Начиная с XXI века американская политика постепенно корректируется. «Разворот в сторону Азии» при Б. Обаме увеличил военное присутствие США в АТР и усилил связи с региональными союзниками. При Д. Трампе объем продаж вооружений Тайваню достиг рекорда (свыше 18 млрд долл. за первый срок), а также были приняты Закон о поездках, и Закон об инициативе по защите и укреплению международных союзников Тайваня. Эти акты отражали дальнейшую институционализацию двусторонних отношений. Администрация Джо Байдена продолжила курс на укрепление сотрудничества с Тайванем, приблизив американскую политику к модели стратегической ясности. Визит Нэнси Пелоси в Тайбэй в 2022 г. стал кульминацией политической поддержки острова со стороны Вашингтона.

Курс США на сдерживание Китая сохранился и во втором сроке Д. Трампа, однако главной задачей новой администрации является продвижение экономических интересов США. Персоналистический подход Д. Трампа, склонного рассматривать двусторонние сделки как эффективный инструмент ведения внешней политики, делает американскую политику менее предсказуемой для острова. В связи с этим Тайбэй активно развивает отношения с региональными акторами – прежде всего с Японией, для которой тайваньский вопрос является важным с точки зрения обеспечения собственной безопасности. Историческое прошлое, географическая близость, тесные экономические связи и растущая обеспокоенность изменением военно-политического баланса в Восточной Азии создают основу для углубления двусторонних отношений.

Центральный вывод исследования заключается в том, что структурные факторы выполняют основную роль в трансформации подходов Тайбэя к принципу «одного Китая», однако они преломляются сквозь внутренние переменные. Рост тайваньской идентичности, институционализация демократии, развитие гражданского общества оказывают влияние на руководство острова, заставляя его формировать политику не только руководствуясь объективной геополитической

реальностью, но исходя из запросов «снизу». В данном контексте «большая стратегия» Тайбэя во многом определяется относительной силой государства с точки зрения внутреннего баланса. В то же время возможности Тайваня по проведению полноценного внешнеполитического балансирования остаются ограниченными как внутренними условиями, так и структурными факторами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Нормативно-правовые и официальные документы

а) на английском языке

1. Act Governing Relations between the People of the Taiwan Area and the Mainland Area // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=Q0010001> (дата обращения: 26.03.2026).
2. Additional Articles of the Constitution of the Republic of China // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000002> (дата обращения: 26.03.2026).
3. Anti-Infiltration Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – 2020. – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030317>. (дата обращения: 08.06.2026).
4. Anti-Secession Law // The National People's Congress of the People's Republic of China. – 2005. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/200712/13/content_1384099.htm. (дата обращения: 19.04.2026).
5. Classified National Security Information Protection Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=I0060003> (дата обращения: 28.03.2026).
6. Constitution of the People's Republic of China // The State Council of the People's Republic of China. – 20.11.2019 – URL:

- https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html. (дата обращения: 28.03.2026).
7. Constitution of the Republic of China (Taiwan) // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0000001> (дата обращения: 25.03.2026).
 8. Foreign Relations of the United States, 1950. Volume VII. Korea. Document 119. Statement by the Department of State, 1950 // Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d119> (дата обращения: 08.06.2026).
 9. Guidelines for National Unification // Mainland Affairs Council Republic of China (Taiwan). – 1991. – URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=BEC36A4A0BB0663C&sms=BF821F021B282251&s=D0017062A39AF1C0 (дата обращения: 19.04.2026).
 10. H.R.535 – Taiwan Travel Act // Congress.Gov. – 16.03.2018. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text/rfs>. (дата обращения: 08.06.2026).
 11. International Cooperation and Development Act // Laws & Regulations Database of The Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=E0020013> (дата обращения: 27.03.2026).
 12. Major Non-NATO Ally Status // U.S. Department of State. – 20.01.2025. – URL: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status> (дата обращения: 08.06.2026).
 13. National Defense Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=F0010030> (дата обращения: 28.03.2026).

14. National Security Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=A0030028> (дата обращения: 27.03.2026).
15. National Security Strategy of the United States of America // The White House – 03.11.2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>. (дата обращения: 27.03.2026).
16. NIDS China Security Report 2017 // National Institute for Defense Studies, Japan. – URL: https://www.nids.mod.go.jp/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2017_A01.pdf?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).
17. Open Government National Action Plan // National Development Council. – URL: https://www.ndc.gov.tw/en/Content_List.aspx?n=0DA7FCB068C7ECF5. (дата обращения: 27.03.2026).
18. Political Donations Act // Laws & Regulations Database of the Republic of China (Taiwan). – 20.06.2018. – URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=D0020049> (дата обращения: 28.03.2026).
19. Resolution expressing the sense of the Senate regarding UN General Assembly Resolution 2758 (XXVI) and the harmful conflation of China’s “One China Principle” and the US “One China Policy” // Congress.gov. – 28.04.2025. – URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-resolution/86/text?utm_source. (дата обращения: 28.03.2026).
20. Resolution of 24.10.2024 in the Misrepresentation of UN Resolution 2758 and Continued Military Provocations by China around Taiwan, 24.10.2024 // European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2024-0030_EN.html. (дата обращения: 28.03.2026).

21. Taiwan Relations Act 1979 // American Institute in Taiwan. – 2022. – URL: https://www.ait.org.tw/taiwan-relations-act-public-law-96-8-22-u-s-c-3301-et-seq/?utm_source. (дата обращения: 28.03.2026).
22. The Guidelines for Japan-U.S. Defense cooperation. – WARP. – URL: https://warp.ndl.go.jp/web/20201201124744/www.mod.go.jp/e/d_act/us/anpo/pdf/19970923.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
23. Treaty of Peace between the Republic of China and Japan // Taiwan Documents Project. – URL: <http://www.taiwandocuments.org/taipei01.htm> (дата обращения: 02.04.2026).
24. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1969-1976, Soviet Union, October 1970-October 1971 // Washington D.C: Government Printing Office. – 2011. – P.612.
25. U.S. Relations With Taiwan // U.S Department of State. – 28.05.2022. – URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-relations-with-taiwan/>. (дата обращения: 27.03.2026).
26. United Nations. General Assembly Resolution №2758 (1971) Restoration of the lawful rights of the People's Republic of China in the United Nations. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 27.03.2026).

б) на китайском языке

27. Белые книги по тайваньскому вопросу [台湾问题白皮书]. – Министерство иностранных дел [中华人民共和国外交部] – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/tw-wtbps/ (дата обращения: 19.04.2026).
28. Закон о национальной безопасности [中华人民共和国国家安全法]. – Портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики [中国政府网]. – 01.07.2015. – URL:

- https://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm. (дата обращения: 20.04.2026).
29. Закон о национальной обороне [中华人民共和国国防法]. – Министерство обороны КНР [中华人民共和国国防部]. – 27.12.2020. – URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgrwx/flfg/4876050.html>. (дата обращения: 19.04.2026).
30. Программная платформа Гоминьдана защищает Тайвань. [中國國民黨政策綱領護臺]. – Официальный сайт Гоминьдана [中國國民黨]. – 30.10.2021. – URL: https://www.kmt.org.tw/p/blog-page_3.html?utm_source. (дата обращения: 19.04.2026).
31. Разъяснительный документ о взаимоотношениях между двумя берегами Тайваньского пролива 1994 г. [1994 年臺海兩岸關係說明書]. – Совет по делам материкового Китая Китайской Республики [中華民國大陸委員會]. – URL: <https://www.mac.gov.tw/cp.aspx?n=FF210059589C57F1&s=454DB66F272B1CE5> (дата обращения: 19.04.2026).
32. Совет по национальному объединению (國家統一委員會) // Учебный портал по работе с архивами (檔案支援教學網). – 1990. – URL: https://art.archives.gov.tw/tw/art/1612-14170.html?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).
33. Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху [台湾问题与新时代中国统一事业]. – Госсовет КНР [中华人民共和国中央人民政府]. – 10.08.2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

Интервью и совместные заявления

а) на английском языке

34. Address by President Carter to the Nation // Office of the Historian. – 1978. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d104> (дата обращения: 19.04.2026).
35. Aquilino J. Statement before the House Armed Services Committee // Congress.gov. – 2024. – URL: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/116960/witnesses/HHRG-118-AS00-Wstate-AquilinoJ-20240320.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).
36. Deng Xiaoping on “one country, two systems” // Xinhua. – 19.02.2004. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-02/19/content_307590.htm (дата обращения: 06.04.2026).
37. Formosa and the Pescadores // Hansard (UK Parliament). – 09.02.1955. – URL: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1955-02-04/debates/01cf7b1a-c182-4560-a093-fab1147e4fe0/FormosaAndThePescadores\(Treaties\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1955-02-04/debates/01cf7b1a-c182-4560-a093-fab1147e4fe0/FormosaAndThePescadores(Treaties)) (дата обращения: 22.04.2026).
38. Full text of Hu Jintao’s report at 18th Party Congress // Embassy of the People’s Republic of China in the United States of America. – 27.11.2012. – URL: https://us.chinaembassy.gov.cn/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/201211/t20121127_4917578.htm (дата обращения: 08.06.2026).
39. Foreign Minister Lin delivers remarks at opening of 2025 ILA-ASIL Asia-Pacific Research Forum, Urges Democracies to Jointly Address Challenges Posed by Authoritarian Expansion // Ministry of Foreign Affairs Republic of China (Taiwan). – 08.07.2025. – URL: https://en.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=1329&s=120186 (дата обращения: 19.04.2026).
40. Full Text of Inaugural Speech Paving the Way for a Sustainable Taiwan // Taipei Times, 21.05.2004. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2004/05/21/2003156372> (дата обращения: 08.06.2026).
41. Formosa and the Pescadores // Hansard (UK Parliament). – 09.02.1955. – P. 215–216.

42. CIA Director William Burns: "I wouldn't underestimate" Xi's ambitions for Taiwan // CBS News. – 2023. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/cia-director-william-burns-i-wouldnt-underestimate-xis-ambitions-for-taiwan/> (дата обращения: 19.04.2026).
43. DPP hopes to institutionalize the DPP-LDP 2+2 Diplomacy and Defense Dialogue // Democratic Progressive Party. – 21.03.2023. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/press_releases/contents/53?utm_source (дата обращения: 06.04.2026).
44. Joint Communiqué of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html?utm_source (дата обращения: 02.04.2026).
45. Message from the President to the Congress // Foreign Relations of the United States. – 02.02.1953. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1/d75?utm> (дата обращения: 19.04.2026).
46. Office of the President thanks US President Trump for signing TAIPEI Act into law // Office of the President Republic of China (Taiwan). – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5988> (дата обращения: 19.04.2026).
47. President Bush and Premier Wen Jiabao Remarks to the Press // The White House. – 09.12.2003. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/12/20031209-2.html> (дата обращения: 19.04.2026).
48. President Ma's Inaugural Address // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 2012. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/3887> (дата обращения: 19.04.2026).
49. President Tsai and Vice President Lai address Copenhagen Democracy Summit 2024 // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 14.05.2024. – URL: https://english.president.gov.tw/News/6718?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

50. President Lai presides over fourth meeting of Whole of Society Defense Resilience Committee // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 25.06.2025. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/6978> (дата обращения: 19.04.2026).
51. President Lee Addresses National Assembly // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 08.12.1998. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1205> (дата обращения: 19.04.2026).
52. President Lee Stresses his Responsibility to Defend National Dignity // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 27.07.1999. – URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/1235> (дата обращения: 19.04.2026).
53. President Tsai issues statement on China's President Xi's "Message to Compatriots in Taiwan" // Office of the President Republic of China (Taiwan). – 02.01.2019. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (дата обращения: 19.04.2026).
54. President Tsai issues statement on the 1992 Consensus and cross-strait relations // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 02.01.2019. – URL: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (дата обращения: 19.04.2026).
55. The President's News Conference // National Archives Harry S. Truman Library Museum. – 05.01.1950. – URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/3/presidents-news-conference> (дата обращения: 19.04.2026).
56. Tsai Ing-wen. Taiwan firmly opposes the use of force in Hong Kong // Office of the President, Republic of China (Taiwan). – 13.06.2019. – URL: https://english.president.gov.tw/News/5755?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
57. Taiwan's Mainstream Public Opinion Opposes the CCP's Political Propositions toward Taiwan and Supports Strengthening Security Management of Cross-Strait Exchanges to Prevent CCP United Front Infiltration // Mainland Affairs Council. – 21.08.2025. – URL:

https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=A921DFB2651FF92F&ms=37838322A6DA5E79&s=12B6B3347B89E45B.

58. Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990 // CRS Report for Congress. – 27.05.2005. – URL: https://www.everycrsreport.com/files/20050527_RL30957_8a817daab2fd592627b8ebe201243ba977c8825e.pdf?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).

б) на китайском языке

59. Выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию «Послания тайваньским соотечественникам» [习近平在“告台湾同胞书”发表40周年几年会上的讲话]. – Министерство иностранных дел КНР [中华人民共和国外交部]. – 02.01.2019. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/xjpszstzyjh/202206/t20220606_10698873.html. (дата обращения: 19.04.2026).
60. Если ДПП станет правящей партией, мы не будем провозглашать независимость Тайваня [民進黨若執政，不必也不會宣佈台灣獨立]. – Демократическая прогрессивная партия [民主進步黨]. – 15.09.1995. – URL: <https://www.dpp.org.tw/media/contents/2286>. (дата обращения: 19.04.2026).
61. Инаугурационная речь президента [總統就職演說]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань). – [中華民國總統府(臺灣)]. – 05.09.1996. – URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/2247> (дата обращения: 19.04.2026).
62. Президент выступил с первой лекцией из серии „Десять выступлений о единстве нации“, подчеркнул субъектность Тайваня и выразил надежду на сплочение 23 миллионов граждан для совместной защиты государственного суверенитета, демократии и свободы [總統發表「團結國家十講」第一講 強調臺灣主體性盼團結2,300萬人民共同守護國家主權].

- 與民主自由]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань)
[中 華 民 國 總 統 府 (臺 灣)]. – 22.06.2025. –
https://www.president.gov.tw/News/39300?utm_source (дата обращения:
19.04.2026).
63. Президент дал эксклюзивное интервью журналу Asia Weekly [总统接受
“亚洲周刊”专访]. – Канцелярия президента Китайской Республики
(Тайвань). – [中 華 民 國 總 統 府 (臺 灣)]. – 08.11.2012. – URL:
<https://www.president.gov.tw/NEWS/17148> (дата обращения: 19.04.2026).
64. Публичные слушания по вопросу статуса Тайваня [開羅宣言與台灣地位
公聽會]. –立法院 [Законодательный Юань]. – 25.09.2003. – URL:
<https://www.ly.gov.tw/Pages/Detail.aspx?nodeid=5592&pid=47787> (дата
обращения: 19.04.2026).
65. Речь президента по случаю дня КР: Твердо двигаться вперед, делать
страну великой через реформы [总统国庆演说“坚定向前，让国家因改革
而伟大"]. – Канцелярия президента Китайской Республики (Тайвань). – [中
華 民 國 總 統 府 (臺 灣)]. – 10.10.2016. – URL:
<https://www.president.gov.tw/NEWS/20773> (дата обращения: 19.04.2026).
66. Стенограмма пресс-конференции Министерства обороны КНР за май
2025 г. [2025 年 5 月国防部例行记者会文字实录]. – Министерство
обороны КНР [中华人民共和国国防部]. – 29.05.2025. – URL:
<http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/16388794.html>. (дата обращения:
19.04.2026).

Информация с официальных сайтов стран

а) на русском языке

67. Центр тайваньских исследований // ИВ РАН. – URL: <https://ivran.ru/centr-tajvanskih-issledovaniy> (дата обращения: 30.05.2026).

68. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р (ред. от 29.10.2022) Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц> // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 08.04.2026).
69. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. – 21.03.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 05.05.2026).

б) на английском языке

70. Defense of Japan 2021 // Ministry of Defense of Japan. – 2021. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2021.html (дата обращения: 22.04.2026).
71. Defense of Japan 2022 // Ministry of Defense of Japan. – 2022. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2022.html (дата обращения: 22.04.2026).
72. Defense of Japan 2023 // Ministry of Defense of Japan. – 2023. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp_2023.html (дата обращения: 22.04.2026).
73. Defense of Japan 2024 // Ministry of Defense of Japan. – 2024. – URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 22.04.2026).
74. Defense of Japan 2025 // Ministry of Defense of Japan. – 2025. – URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (дата обращения: 22.04.2026).

75. Democratic Progressive Party // Party Platform. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf. (дата обращения: 28.03.2026).
76. National Defense Report 2025 // Ministry of National Defense of the Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mnd.gov.tw/newupload/ndr/114/114ndreng.pdf?utm_source (дата обращения: 22.04.2026).
77. Democratic Progressive Party // Party Platform Part 2. – URL: https://www.dpp.org.tw/en/upload/download/Party_Platform.pdf (дата обращения: 28.03.2026).
78. February 7, 1955 – Evacuation of Chinese from Tachen Islands // National Museum of the U.S. Navy. – 21.04.2020. – URL: <https://www.history.navy.mil/content/history/museums/nmusn/explore/photography/humanitarian/20th-century/1950-1959/1955-tachen-islands.html> (дата обращения: 19.04.2026).
79. Referendums Profile // Central Election Commission. – 2004. – URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/22>. (дата обращения: 28.03.2026).

в) на китайском языке

80. Господин Чэнь Шуйбянь, 10-й и 11-й президент Китайской Республики [第 10 – 11 任陳總統水扁先生] // Официальный сайт Президента Китайской Республики (Тайвань) [中華民國總統府]. – 20.05.2000. – URL: <https://www.president.gov.tw/Page/87> (дата обращения: 08.06.2026).
81. Реализация китайской мечты о великом возрождении китайской нации [实现中华民族伟大复兴的中国梦] // Сайт Коммунистической партии Китая [中國共產黨員網]. – 2012. – URL: <https://www.12371.cn/special/xjpszyls/zgmls/1/> (дата обращения: 08.06.2026).

Статистические данные

а) на английском языке

82. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – 2025. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 19.04.2026).
83. China Escalates Cross-Strait Military Activity under Taiwan President William Lai // CSIS. – 2024. – URL: <https://www.csis.org/analysis/china-escalates-cross-strait-military-activity-under-taiwan-president-william-lai>. (дата обращения: 19.04.2026).
84. The Iran conflict illuminates Taiwan’s unique energy security challenge // CSIS. – 14.05.2026. – URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-conflict-illuminates-taiwans-unique-energy-security-challenge> (дата обращения: 28.05.2026).
85. Data Query, 2008 2025 // International Trade Administration Trade statistics. – 2025. – URL: <https://publicinfo.trade.gov.tw/cuswebo/FSCE3000C?table=FSCE3030F>. (дата обращения: 19.04.2026).
86. International Trade Administration Trade statistics // Data Query. – URL: <https://publicinfo.trade.gov.tw/cuswebo/FSCE3000C?table=FSCE3030F> (дата обращения: 08.06.2026).
87. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2024 Annual Report to Congress // U.S. Department of Defense. – 18.12.2024. – P.124–135.
88. TNSS Survey Data (2002-2025) // Taiwan National Security Studies. – 2025. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/>. (дата обращения: 19.04.2026).

б) на китайском языке

89. Гуань Хунчан [关弘昌]. Исследование отношения тайваньской молодежи к вопросу независимости Тайваня и экономическому сотрудничеству с материковым Китаем [台湾青年世代统独与两岸经贸交流态度之探索]. – Фонд «Перспектива» [遠景基金會]. – 2019. – URL: <https://www.airitilibrary.com/Article/Detail?DocID=15601696-201804-201807180014-201807180014-1-40> (дата обращения: 08.06.2026).
90. Данные о том, как КПК использует финансовые средства для подкупа и установления дипломатических отношений с другими странами [中共利用金元手段拉攏與國收買外交之具體資料] // Министерство иностранных дел Китайской Республики [中华民国外交部]. – 29.12.1999. – URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=96&s=71221. (дата обращения: 08.06.2026).
91. Исследование информационной среды Тайваня 2024 [2024 年臺灣資訊環境調查] // Центр исследования информационной среды Тайваня [臺灣資訊環境研究中心]. – 21.01.2025. – URL: https://iorg.tw/_en/a/survey-2024. (дата обращения: 08.06.2026).
92. Отчет о результатах социологического опроса [民调中心文件汇编] // Центр изучения общественного мнения [民意調查中心]. – 2017. – URL: https://cc.tvbs.com.tw/portal/file/poll_center/2017/20170602/0505041.pdf (дата обращения: 08.06.2026).
93. Чэнь Лухуэй, Чжоу Инлун [陳蘆輝, 周應龍]. Сохранение и изменения тайваньской идентичности [台灣民眾重要政治認同的持續與變遷]. Курс «Опрос общественного мнения» в Университете Чжэнчжи. – 2013. – URL: <http://newdoc.nccu.edu.tw/teasyllabus/101792042059/CH12.pdf> (дата обращения: 08.06.2026).

94. Шао Цзунхай, Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое сознание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與]. – Бюро расследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005. – URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

Новостные ресурсы

а) на русском языке

95. Какой будет война за Тайвань, и как она повлияет на весь мир // Российский совет по международным делам. – 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-ona-povliyaet-na-ves-mir/> (дата обращения: 08.06.2026).
96. Китай выразил США протест из-за законопроекта по Гонконгу // РИА НОВОСТИ. – 26.11.2019. – URL: <https://ria.ru/20191126/1561589102.html>. (дата обращения: 08.06.2026).
97. Никакая сила не сможет разделить нас: как прошла историческая встреча глав КНР и Тайваня // ТАСС. – 07.11.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2415956> (дата обращения: 08.06.2026).
98. Принцип «одного Китая» – всеобщий консенсус международного сообщества // Министерство иностранных дел КНР. – 09.03.2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202203/t20220309_10650115.html (дата обращения: 08.06.2026).

99. Центр тайваньских исследований // Институт востоковедения РАН. – URL: https://www.ivran.ru/en/taiwan-research-center?utm_source. (дата обращения: 08.06.2026).

б) на английском языке

100. Confederation an Error for the KMT // Taipei times. – 06.07.2001. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2001/07/06/0000092995> (дата обращения: 19.04.2026).

101. A Political analysis of Taiwanese perceptions of Hong Kong protests // Global Taiwan Institute. – 23.09.2020. – URL: <https://globaltaiwan.org/2020/09/a-political-analysis-of-taiwanese-perceptions-of-hong-kong-protests/> (дата обращения: 19.04.2026).

102. Biden says U.S. forces would defend Taiwan in the event of a Chinese invasion // Reuters. – 19.09.2022. – URL: https://www.reuters.com/world/biden-says-us-forces-would-defend-taiwan-event-chinese-invasion-2022-09-18/?aff_id=1035 (дата обращения: 08.06.2026).

103. Cable patrols stepped up amid new 'grey zone' threat // Taipei times. – 12.09.2025. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/09/12/2003843668> (дата обращения: 08.06.2026).

104. China rolls out carrot-and-stick strategy to influence Taiwan ahead of key election // Voice of America. – 20.09.2023. – URL: <https://www.voanews.com/a/china-rolls-out-carrot-and-stick-strategy-to-influence-taiwan-ahead-of-key-election/7275894.html> (дата обращения: 19.04.2026).

105. China to increase defense budget by 7.2 percent in 2025 // Xinhua. – 2025. – URL: <https://english.news.cn/20250305/4e754276fa3d4cc1ac903dcd6795030d/c.html> (дата обращения: 19.04.2026).

106. China's Naval Modernization and Amphibious Operations Capabilities // China Power Project, Center for Strategic and International Studies. – URL: <https://chinapower.csis.org/analysis/china-naval-modernization-jiangnan-hudong-zhonghua-shipyard/> (дата обращения: 19.04.2026).
107. China's Pineapple Bans Expose Taiwan's Vulnerability // East Asia Forum 24.04.2021. – URL: <https://eastasiaforum.org/2021/04/24/chinas-pineapple-ban-exposes-taiwans-vulnerability/> (дата обращения: 19.04.2026).
108. China's relentless legal warfare to strangle Taiwan // Foreign Policy. – 21.10.2024. – URL: <https://foreignpolicy.com/2024/10/21/china-taiwan-united-nations-who-legal-warfare/> (дата обращения: 19.04.2026).
109. China's Xi Says Political Solution for Taiwan Cannot Wait Forever // Reuters. – 06.02.2013. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/chinas-xi-says-political-solution-for-taiwan-cant-wait-forever-idUSBRE99503Q/> (дата обращения: 19.04.2026).
110. Chinese firm pays \$584 million in Sri Lanka port debt-to- equity deal // Reuters. – 20.06.2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/business/chinese-firm-pays-584-million-in-sri-lanka-port-debt-to-equity-deal-idUSKBN1JG2Z5/> (дата обращения: 19.04.2026).
111. Chinese mainland slams Lai Ching-te as “saboteur of cross-strait peace” // People's Daily Online. – 14.05.2025. – URL: <https://en.people.cn/n3/2025/0514/c90000-20314698.html> (дата обращения: 19.04.2026).
112. Confrontation Over Taiwan // Global Conflict Tracker. – 30.10.2025. – URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/confrontation-over-taiwan> (дата обращения: 08.06.2026).
113. Cotton: Give China “crystal clear” warning not to invade Taiwan // Defense News. – 18.02.2021. – URL: <https://www.defensenews.com/congress/2021/02/18/cotton-give-china-crystal-clear-warning-not-to-invade-taiwan/> (дата обращения: 08.06.2026).

114. Defense budget to hit 3 percent of GDP // Taipei Times. – 17.08.2025. – URL: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2025/08/17/2003842173> (дата обращения: 19.04.2026).
115. Disinformation and Civil Defense: How did Taiwan's civil society counter foreign information manipulation? // Taiwan Insight. – 05.02.2024. – URL: https://taiwaninsight.org/2024/02/05/disinformation-and-civil-defence-how-did-taiwans-civil-society-counter-foreign-information-manipulation/?utm_source. (дата обращения: 19.04.2026).
116. Education minister apologizes over smear campaign // Focus Taiwan. – 17.03.2008. – URL: https://focustaiwan.tw/society/200803170007?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
117. Estimating China's defense spending: how to get It wrong and right // Texas National Security Review. – 2024. – URL: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (дата обращения: 19.04.2026).
118. Exclusive: Trump aims to exceed first term's weapons sales to Taiwan, officials say // Reuters. – 30.05.2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/china/trump-aims-exceed-first-terms-weapons-sales-taiwan-officials-say-2025-05-30/?ref=upstrack.com> (дата обращения: 19.04.2026).
119. For separatist agenda, Lai Ching-te resorts "green authoritarianism" // China Daily. – 31.03.2025. – URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202503/31/WS67ea378aa3101d4e4dc2bda6.html> (дата обращения: 19.04.2026).
120. Foreign Relations: Petition in Bankruptcy // Time. – 15.08.1949. – URL: <https://time.com/archive/6824220/foreign-relations-petition-in-bankruptcy/> (дата обращения: 19.04.2026).
121. Fujian carrier to pose steep defense challenge // Taipei Times. – 13.09.2025. – URL: <https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=%E2%80%98>

- Fujian%E2%80%99+carrier+to+pose+steep+defense+challenge&ie=UTF-8&oe=UTF-8 (дата обращения: 19.04.2026).
122. How would the Trump or Harris administration approach Taiwan? // Brookings. – 2024. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-would-the-trump-or-harris-administration-approach-taiwan/> (дата обращения: 19.04.2026).
123. Implications of Taiwan’s 2022 «nine in one» local elections for 2024 // Global Taiwan Institute. – 2022. – URL: <https://globaltaiwan.org/2022/11/implications-of-taiwans-2022-nine-in-one-local-elections-for-2024/> (дата обращения: 19.04.2026).
124. Is Trump finally committing to defend Taiwan against Chinese aggression? // The Hill. – 18.11.2025. – URL: <https://thehill.com/opinion/international/5609119-trump-administration-taiwan-defense/> (дата обращения: 19.04.2026).
125. Lai says it’s impossible that accepting ‘1992 consensus’; one-China principle would bring peace // Taiwan News. – 20.10.2025. – URL: <https://www.taiwannews.com.tw/news/6223724> (дата обращения: 19.04.2026).
126. Leveraging legislative power: The KMT’s strategy to regain influence in Taiwan. Part 1 // Global Taiwan Institute. – 20.01.2025. – URL: <https://globaltaiwan.org/2025/01/leveraging-legislative-power-the-kmts-strategy-to-regain-influence-in-taiwan-part-1/> (дата обращения: 19.04.2026).
127. Lien: Mainland trip of historic significance // Embassy of the People’s Republic of China in the United States of America. – 26.04.2005. – URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt/twwt/200504/t20050426_4913103.htm (дата обращения: 19.04.2026).
128. Lindsay Mainland China modernizing military // Council on Foreign Relations. – 05.02.2020. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-modernizing-military> (дата обращения: 19.04.2026).

129. Ma involved in traitorous acts: Li Ao // Taipei Times. – 04.02.2012. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2012/04/02/2003529314> (дата обращения: 19.04.2026).
130. Most Taiwanese trust Japan: Poll // Taipei Times. – 16.04.2026. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/04/16/2003835273?utm_source (дата обращения: 24.04.2026).
131. Over 40% of Taiwanese doubt U.S. security support under Trump: Survey // Focus Taiwan, 05.02.2025. URL: https://focustaiwan.tw/politics/202505020026?utm_source.
132. Prospects for Taiwan's upcoming presidential election // Center for Asia Policy Studies. – 2007. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/prospects-for-taiwans-upcoming-presidential-election/> (дата обращения: 19.04.2026).
133. Share of exports to China falls to 31.7% // Taipei Times. – 20.01.2025. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/biz/archives/2025/01/20/2003830492> (дата обращения: 19.04.2026).
134. Say Goodbye to Taiwan // The National Interest. – 25.02.2014. – URL: <https://nationalinterest.org/legacy/say-goodbye-taiwan-9931> (дата обращения: 27.08.2026).
135. Should the USA maintain its policy of strategic ambiguity towards Taiwan? // The Heritage Foundation. – 24.07.2024. – URL: <https://www.heritage.org/china/commentary/should-the-usa-maintain-its-policy-strategic-ambiguity-towards-taiwan> (дата обращения: 19.04.2026).
136. Silicon shield 2.0: A Taiwan perspective // The Diplomat. – 24.09.2024. – URL: <https://thediplomat.com/2024/09/silicon-shield-2-0-a-taiwan-perspective/> (дата обращения: 19.04.2026).
137. Standing up for peace // Taipei Times. – 27.03.2005. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2005/03/27/2003247928> (дата обращения: 19.04.2026).
138. Strategic clarity and the future of U.S-Taiwan foreign relations // The National Bureau of Asian Research. – 03.02.2022. – URL:

- <https://www.nbr.org/publication/strategic-clarity-and-the-future-of-u-s-taiwan-foreign-relations/> (дата обращения: 19.04.2026).
139. Taiwan election: Tsai Ing-Wen wins landslide in rebuke to China // The Guardian. — 11.01.2020. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/11/taiwan-re-elects-tsai-ing-wen-as-president-in-clear-message-to-china> (дата обращения: 19.04.2026).
140. Trump and TSMC announce \$100 billion plan to build five new US factories // Reuters. — 04.03.2025. — URL: https://www.reuters.com/technology/tsmc-ceo-meet-with-trump-tout-investment-plans-2025-03-03/?_hsenc=p2ANqtz-_6HtjgjrI2lsk7xdiVzhfzyY-l5r5wyrXvNDpTl9z_S7-rnjZah6ZuWAzeWA5ayTyUrOhZ (дата обращения: 27.05.2026).
141. Taiwan president gifts Trump autobiography of TSMC founder // Reuters. — 27.05.2026. — URL: https://www.reuters.com/world/china/taiwan-president-urges-stronger-us-ties-amid-unease-over-trump-remarks-2026-05-27/?utm_source (дата обращения: 27.05.2026).
142. Taiwan parliament approves extra defence spending but less than government wanted // Reuters. — 08.05.2026. — URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-parliament-approves-extra-defence-spending-less-than-government-wanted-2026-05-08/> (дата обращения: 25.05.2026).
143. Taiwan excluded from WHO annual assembly following Chinese opposition // Reuters. — 22.05.2023. — URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taiwan-excluded-who-annual-assembly-following-chinese-opposition-2023-05-22/> (дата обращения: 19.04.2026).
144. Taiwan in 2023: Leadership support, party identification, and political attitudes // Global Taiwan Institute. — 2023. — URL: <https://globaltaiwan.org/2023/01/taiwan-in-2023-leadership-support-party-identification-and-political-attitudes/> (дата обращения: 19.04.2026).
145. Taiwan plans \$9 bln boost in arms spending, warns of ‘severe threat’ // Reuters. — 16.09.2021. — URL: <https://www.reuters.com/world/asia->

- acific/taiwan-proposes-extra-87-bln-defence-spending-over-5-years-2021-09-16/ (дата обращения: 19.04.2026).
146. Taiwan pledges to remove 760 statues of Chinese dictator Chiang Kai-shek // The Guardian. – 23.04.2024. – URL: https://www.theguardian.com/world/2024/apr/23/taiwan-pledges-to-remove-760-statues-of-chinese-dictator-chiang-kai-shek?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
147. Taiwan updates security guide amid China threat // Taipei Times. – 13.09.2025. – URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/09/13/2003843719> (дата обращения: 19.04.2026).
148. Taiwan's democracy is thriving in China's shadow // Council on Foreign Relations. – 13.05.2024. – URL: <https://www.cfr.org/blog/taiwans-democracy-thriving-chinas-shadow> (дата обращения: 19.04.2026).
149. Taiwan's election results disputed // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-mar-21-fg-taiwan21-story.html> (дата обращения: 19.04.2026).
150. Taiwan's new president offers China dialogue // Reuters. – 2008. – URL: <https://www.reuters.com/article/uk-taiwan-president/taiwans-new-president-offers-china-dialogueidUKTP36457020080520> (дата обращения: 19.04.2026).
151. TECRO profile and mission // TECRO. – 05.04.2024. – URL: https://www.roc-taiwan.org/Embassy_Error/error-vpn_data_url.html (дата обращения: 19.04.2026).
152. The KMT's demographic and ideological dilemma // Ketagalan Media. – 2021. – URL: https://ketagalanmedia.com/2021/05/19/the-kmts-demographic-and-ideological-dilemma/?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
153. The many “One Chinas”: multiple approaches to Taiwan and China // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/research/2023/02/the-many-one-chinas->

- multiple-approaches-to-taiwan-and-china?lang=en&utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
154. The one China principle vs The one China policy // Taiwan Centre for Security Studies. – 16.05.2025. – URL: <https://taiwancss.org/the-one-china-principle-vs-the-one-china-policy/> (дата обращения: 19.04.2026).
155. The U.S. freedom of navigation program // The National Bureau of Asian Research. – 2016. – URL: <https://www.nbr.org/publication/the-u-s-freedom-of-navigation-program/> (дата обращения: 19.04.2026).
156. Transitional Justice in Taiwan: A Belated Reckoning with the White Terror // Foreign Policy Research Institute. – 06.11.2019. – URL: <https://www.fpri.org/article/2019/11/transitional-justice-in-taiwan-a-belated-reckoning-with-the-white-terror/> (дата обращения: 21.04.2026).
157. Trump is making Taiwan more vulnerable // Council on Foreign Relations. – 21.02.2025. – URL: <https://www.cfr.org/articles/trump-making-taiwan-more-vulnerable> (дата обращения: 19.04.2026).
158. Trump says Taiwan should pay for defense, sending TSMC stock down // Reuters. – 17.07.2024. – URL: <https://www.reuters.com/technology/tsmc-shares-fall-more-than-2-after-trump-says-taiwan-should-pay-defence-2024-07-17/> (дата обращения: 19.04.2026).
159. U.S. arms sales to Taiwan // Forum on the Arms Trade. – 2025. – URL: <https://www.forumarmstrade.org/ustaiwan.html> (дата обращения: 19.04.2026).
160. U.S. military support for Taiwan in five charts // Council on Foreign Relations. – 25.09.2024. – URL: https://www.cfr.org/article/us-military-support-taiwan-five-charts?utm_source (дата обращения: 19.04.2026).
161. US, Canada sail warships through the Taiwan Strait in a challenge to China // Associated Press. – 09.09.2023. – URL: <https://apnews.com/article/taiwan-us-canada-strait-warships-4f5401527f4623cd6e4bc4757b0c7c3b> (дата обращения: 19.04.2026).

162. What does AUKUS mean for Taiwan? // Perspectives. – 19.11.2024. – URL: <https://www.uts.edu.au/news/2024/11/perspectives-what-does-aukus-mean-taiwan> (дата обращения: 19.04.2026).
163. What does US law say about Taiwan: Revisiting the Taiwan Relations Act // USALI Talking Points. – 24.11.2024. – URL: <https://usali.org/publications/talking-points-what-does-us-law-say-about-taiwan> (дата обращения: 19.04.2026).
164. Why are Taiwanese youth protesting against legislative reform // The Diplomat. – 25.05.2024. – URL: <https://thediplomat.com/2024/05/why-are-taiwanese-youth-protesting-against-legislative-reform/> (дата обращения: 19.04.2026).
165. Weekly Security Review // Taiwan Security Monitor. – 27.04.2026. – URL: <https://tsm.schar.gmu.edu/weekly-security-review-4-27-26/> (дата обращения: 05.05.2026).
166. Xi's a 'Chinese dictator and Ma a 'traitor': protests erupt in Taiwan as leader leaves for landmark meeting in Singapore // South China Morning Post. – 7.11.2015. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1876461/xi-chinese-dictator-and-ma-traitor-protests-erupt> (дата обращения: 19.04.2026).
167. Youth TPP support explained: A shift from China to domestic economic concerns // Global Taiwan Brief. – 2024. – URL: <https://globaltaiwan.org/2024/08/youth-tpp-support-explained/> (дата обращения: 08.06.2026).

в) на китайском языке

168. Глобальный круглый стол: инициативу держим в своих руках, всеми силами формируем тренд неизбежного объединения Родины [环球圆桌对话：操之在我，有力“塑造祖国必然度一大势”] – Китайская сеть [中国

- 网]. – 10.04.2025. – URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2025-04/10/content_117815732.shtml. (дата обращения: 19.04.2026).
169. Исследование развенчало миф о естественной независимости молодого поколения Тайваня [两岸学者深度对谈戳破台湾年轻一代“天然独”假象] // Синьхуа [新华网]. – 30.06.2023. – URL: http://www.news.cn/2023-06/30/c_1129726641.htm (дата обращения: 08.06.2026).
170. Институционализация Консенсуса 1992 года и максимизация его эффектов–тенденции развития отношений через Тайваньский пролив в 2015 году [九二共识的机制化几效益极大化–2015 年两岸走向]. – Фонд обменов через тайваньский пролив [財團法人海峽交流基金會]. – 26.07.2015. – URL: <https://www.sef.org.tw/article-1-129-5027> (дата обращения: 19.04.2026).
171. Профессор экономического факультета Национального Тайваньского университета Линь Сянкай: без экономической автономии нет государственного суверенитета [台大經濟系教授林向愷：沒經貿自主 就沒國家主權]. – Либерти таймс [自由時報]. – 01.02.2015. URL: <https://news.ltn.com.tw/news/focus/paper/852362> (дата обращения: 19.04.2026).
172. Тайваньский аналитический центр: уровень недовольства правительством Ма – 58% [台湾智库民调：马政府不满意度 5 成 8]. – Великая Эпоха [大纪元]. – 18.05.2010. – URL: <https://www.epochtimes.com/b5/10/5/18/n2912079.htm>. (дата обращения: 19.04.2026).
173. Экспертное мнение: политика Ху Цзиньтао в отношении Тайваня – жесткое становится жестче, мягкое становится мягче. [學者觀點 / 胡錦濤對台：硬的越硬，軟的越軟]. – Либерти таймс [自由時報]. – 30.01.2005. – URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/paper/11168> (дата обращения: 20.04.2026).

Литература

Авторефераты, диссертации

б) на китайском языке

174. Чжань Гочэн [張國城]. Итоговый отчёт по проекту специального научного исследования, финансируемого Министерством науки и технологий: анализ «Проекта Гогуан» с точки зрения теории принятия решений [科技部補助專題研究計畫成果報告期末報告：從決策理論分析國光計畫]. – Тайбэй: Центр общеобразовательных дисциплин Тайбэйского медицинского университета [臺北：臺北醫學大學通識教育中心]. – 2018. – 83 p.
175. И Синьпин [易星萍]. Я не живу за «бамбуковым забором»: жизненная история женщины-вайшэньжэнь в хакка-деревне (1950–1980 гг.) [我不住在「竹籬笆」：一個外省女性的客家村落生命史（1950-1980）] / Синьпин И [星萍易] // Диссертация магистерской программы для работающих специалистов по направлению «Хаккское общество и культура» факультета хаккской культуры Национального университета Цзяотун [國立交通大學客家文化學院客家社會與文化教師碩士在職專班論文]. – 2009. – 98 с.

Книги

а) на русском языке

176. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / В.Г. Буров – Москва: Ифран. – 1998. – 238 с.
177. Головачев В.Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII-XXI вв. / В.Ц. Головачев; [отв. ред. А.Д. Дикарев] // Москва: МАКС Пресс: ИВ РАН. – 2018. – 320 с.

178. Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – СПб.: Издательство С. Петербургского университета. – 2009. – 199 с.
179. Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Большой Китай: региональные политические проблемы: монография / Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова. – Москва: Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии. – 2023. – 272 с.

б) на английском языке

180. Bruce A.E. Taiwan's Offshore Islands, Pathway or Barrier? / A.E. Bruce // Newport: U.S. Naval War College Press. – 2019. – 143 p.
181. Chiang Y.F. One-China Policy and Taiwan / Y.F. Chiang // New York: Fordham International Law Journal. – 2004. – Vol. 28. – Issue 1. – 87 p.
182. Fell D. Government and Politics in Taiwan – second edition / D. Fell // New York: Routledge. – 2018. – 330 p.
183. Fell D. Taiwan Social Movements under Ma Ying-jeou: From the Wild Strawberries to the Sunflowers / D. Fell // London: Routledge. – 2017. – 300 p.
184. Lobell S.E., Ripsman N.M., Taliaferro J.W. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / S.E. Lobell., N.M. Ripsman., J.W. Taliaferro // Cambridge: Cambridge University Press. – 2009. – 324 p.
185. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics / J.J. Mearsheimer. – New York: W.W. Norton & Company. – 2001. – 588 p.
186. Hugar R.W. Cold War Economic Ideology and US Aid to Taiwan, 1950–1965 / R.W. Hugar // Lynchburg: Liberty University. – 2022. – 320 p.
187. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics / R. Jervis // New Jersey: Princeton University Press. – 2017. – 451 p.
188. Rigger S. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics, and Taiwanese Nationalism / S. Rigger // Washington: Policy Studies. – 2006. – Issue 26. – 74 p.

189. Ash R., Garver J.W., Prime P. Taiwan's Democracy: Economic and Political Challenges / R. Ash., J.W. Garver., P. Prime // London: Routledge. – 2011. – 216 p.
190. Schattschneider E.E. The Semi-Sovereign People: A Realist's View of Democracy in America / E.E. Schattschneider // N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. – 1960. – 143 p.
191. Tien H.M. Taiwan Electoral Politics and Democratic Transition: Riding the Third Wave / H.M. Tien // New York: Routledge. – 1996. – 272 p.
192. Waltz K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz // Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. – 1979. – 251 p.

Статьи, сборники

а) на русском языке

193. Андреева Г.Н. Опыт законодательного регулирования сецессий в трех странах: СССР, КНР, Канаде / Г.Н. Андреева // Lex Russia. – 2020. – Т. 73. – № 11. – С.118-128.
194. Бельченко А.С., Новоселова М.Г. Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг. / А.С. Бельченко, М.Г. Новоселова // Вестник РУДН. – Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – №2. С.418-437.
195. Борисова Н.В., Грабевник М.В. Выбор стратегий в Косовском конфликте: инструментальная или ценностная рациональность / Н.В. Борисова, М.В. Грабевник // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2025. – № 1. – С. 10-19.
196. Бабушок Н.О. Фактор Тайваня в американо-китайских отношениях / Н.О. Бабушок // Россия и современный мир. – 2024. – №1. – С. 126-139.
197. Верченко А.Л. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива: экономика и политика /

- А.Л. Верченко // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 2. – С. 193–200.
198. Волошина А.В. Конец политики «стратегической неопределённости» США в отношении Тайваня? / А.В. Волошина // Россия и Америка в XXI веке. – 2022. – № 1. – С. 8-10.
199. Дикарев А.Д., Лукин А.В. Тайваньская нация: от мифа к реальности? / А.Д. Дикарев, А.В. Лукин // Сравнительная политика. – 2021. – № 1. – С. 118-133.
200. Зиновьев Г.В. Четвёртое поколение китайского руководства и тайваньский вопрос / Г.В. Зиновьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 10. – С. 54-62.
201. Каимова А.С., Денисов И.Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности / А.С. Каимова, И.Е. Денисов // Сравнительная политика. – 2022. – Т. 13. – № 1–2. – С. 116-138.
202. Каимова А.С. «Выборы на Тайване» – 2024 и будущее отношений между двумя берегами Тайваньского пролива / А.С. Каимова // Российское китаеведение. – 2024. – № 4. – С. 6-19.
203. Кулешова Н.С., Чжан Ч. Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации / Н.С. Кулешова, Ч. Чжан // Обозреватель. – 2022. – № 9–10. – С. 5-28.
204. Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений / В.Н. Конышев // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 94-111.
205. Лексютина Я.В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряжённости с Китаем / Я.В. Лексютина // Journal of International Analytics. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 76-93.
206. Лексютина Я.В. О политике США в отношении Китая при администрации Д. Трампа / Я.В. Лексютина // Аналитические записки ИКСА РАН. – 2024. – С. 17-21

207. Ломанов А.В. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня / А.В. Ломанов // ИМЭМО РАН. – 2022. – № 2. – С. 150-174.
208. Эсташи Л. Разворот в сторону Азии: глобальная стратегия США? / Л. Эсташи // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2013. – № 5. – С. 206.
209. Мозиас П.М. Тайваньская проблема: неопределённость нарастает / П.М. Мозиас // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2025. – № 2. – С. 90-121.
210. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса / И.А. Чихарев., А.А. Косоруков // Вестник Московского университета. – 2010. – Сер. 12. – № 1. – С. 50-66.
211. Русаков А.М. Роль предприятия TSMC на международном рынке полупроводниковой продукции / А.М. Русаков // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 7. – С. 176-181.
212. Степанова Е.Н. Земельная политика и особенности формирования и функционирования политических институтов в сельском Тайване / Е.Н. Степанова // Восток. – 2024. – № 6. – С. 88-98.
213. Степанова Е.Н. Дальнейшая демократизация политической системы Тайваня при условии сохранения стабильности / Е.Н. Степанова // Век глобализации. – 2025. – №2. – С. 114-127.
214. Харичков В.В. Эволюция отношений США и Тайваня: история и современность / В.В. Харичков // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 12. – № 2. – С. 107-226.
215. Хо Д.В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой / Д.В. Хо // Н.Экс.Т. – 2022. – № 3 (19). – С. 68-81.

216. Цветков И.А. Роль конгресса США в разработке и осуществлении политики «стратегической неопределённости» в Тайваньском проливе / И.А. Цветков // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 11. – С. 58-69.

б) на английском языке.

217. Adam P.L., Lin D. The “One China” Framework at 50 (1972–2022): The Myth of “Consensus” and its Evolving Policy Significance / P.L. Adam., D. Lin // Cambridge University Press. – 2022. – P. 977-1000.
218. Amrita J. The “One-China Principle”: China’s “Norm” versus Global Realities / J. Amrita // Global Taiwan Institute. – 2024. – Vol. 9. – Issue 4. – P. 4-9.
219. Brown M.J. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture, Power, and Migration on Changing Identities / M.J. Brown // University of California Press. – 2004. – Issues & Studies 40. – P. 457-458.
220. Cabestan J.P., DeLisle J. Introduction: Taiwan at Crossroads / J.P. Cabestan, J. DeLisle // London: Routledge. – 2014. – 12 p.
221. Chang-Liao N.C., Fang C. The Case for Maintaining Strategic Ambiguity in the Taiwan Strait / N.C. Chang-Liao, C. Fang // The Washington Quarterly. – 2021. – Vol. 44. – Issue 2. – P. 45-60.
222. Chen C.K. Taiwan Economic Policy Toward China under the Tsai Ing-wen Administration / C.K. Chen // East-West Center. – 2024. – No. 5. – 13 p.
223. Chen X. The Embarrassment of Taiwanese Public Opinion / X. Chen // Taiwan Research Journal. – 2024. – 17 p.
224. Chu Y.H., Welsh B. Millennials and East Asia’s Democratic Future / Y.H. Chu, B. Welsh // Journal of Democracy. – 2015. – Vol. 26. – Issue 2. – P. 151-164.
225. Ding A.S., Huang P.A. Taiwan’s Paradoxical Perceptions of the Chinese Military: More Capable but Less Threatening? / A.S. Ding, P.A. Huang // China Perspectives. – 2011. – No. 4. – P. 43-51.

226. Dotson J., Wu A., Kiern W. Taiwan's Fight for Global Democracy: The Role of Civil Society / J. Dotson, A. Wu, W. Kiern // Global Taiwan Institute. – 2024. – P. 13-15.
227. Fell D. Inter-Party Competition in Taiwan Since the 1990s: Despite the Change in Ruling Party in 2000, Most of the Salient Issues of the 1990s Remain on the Political Agenda / D. Fell // China Perspectives. – 2004. – P. 20.
228. Hersman R.K.C., Peters R. Nuclear U-Turns: Learning from South Korea and Taiwanese Rollback / R.K.C. Hersman., R. Peters // The Nonproliferation Review. – 2006. – Vol. 13. – No. 3. – P. 539-553
229. Ho M.S. Occupy Congress in Taiwan: Political Opportunity, Threat, and the Sunflower Movement / M.S. Ho // Journal of East Asian Studies. – 2025. – P. 69-97.
230. Ho M.S., Huang Chun-hao., Ting Yun., Lin Thung-hong. Reactivating a movement legacy: Taiwan's political protests from Sunflowers to Bluebirds / M.S. Ho., Chun-hao Huang., Yun Ting., Thung-hong Lin // Social Movement Studies. – 2025. – 19 p.
231. Hoeffding O. Sino-Soviet Economic Relations, 1959–1962 / O. Hoeffding // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1963. – Vol. 349. – No. 1. – P. 94-105.
232. Huang C.L. The Changing Roles of the Media in Taiwan's Democratization Process / C.L. Huang // Washington: Brookings Institution Center for Northeast Asian Policy Studies. – 2009. – 20 p.
233. Huang K.P. Still Aquamarine: China Factor and the 2020 Election Revisited / K.P. Huang // Asian Journal for Public Opinion Research. – 2023. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 77-106.
234. Jasper J.M., Zhelnina A. Identity, Emotions, and Political Participation / J.M. Jasper, A. Zhelnina // Oxford: Oxford University Press. – 2022. – P. 652-668.

235. Keng S., Chen L.H., Huang K.P. Sense, Sensitivity, and Sophistication on Shaping the Future of Cross-Strait Relations / S. Keng, L.H. Chen, K.P. Huang // *Issues and Studies*. – 2006. – Vol. 42. – No. 4. – P. 23-66.
236. Kerzewski M. Return to Strategic Ambiguity: US-Taiwan Relations under Trump 2.0 / M. Kerzewski // *International Reports*. – 2025. – P. 56-65.
237. Lan R. Inside Taiwan's Sunflower Movement: Twenty-Four Days in a Student-Occupied Parliament and the Future of the Region / R. Lan // *The Journal of Asian Studies*. – 2015. – Vol. 74. – Issue 1. – 15 p.
238. Lee C.Y., Knoerich J. Buying Taiwan? The Limitations of Mainland Chinese Cross-Strait Direct Investments as a Tool of Economic Statecraft / C.Y. Lee, J. Knoerich // *The China Quarterly*. – 2024. – No. 257. – P. 202-221.
239. Lieberthal K.G. Preventing a War over Taiwan / K.G. Lieberthal // *Foreign Affairs*. – 2005. – Vol. 84. – No. 2. – P. 53-63.
240. Lyons W., Alexander R. A Tale of Two Electorates: Generational Replacement and the Decline of Voting in Presidential Elections / W. Lyons, R. Alexander // *The Journal of Politics*. – 2000. – Vol. 62. – No. 4. – P. 14-34.
241. Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // London: Routledge. – 1972. – P. 276-322.
242. Mark J., Graham N. Relying on Old Enemies: The Challenge of Taiwan's Economic Ties to China / J. Mark, N. Graham // *Atlantic Council*. – 2023. – 21 p.
243. Mattlin M. Same Content, Different Wrapping: Cross-Strait Policy Under DPP Rule / M. Mattlin // *China Perspectives*. – 2004. – No. 56. – 13 p.
244. McConaghy M. The Potentials and Occlusions of Zhonghua Minguo Taiwan: In Search of Left Nationalism in the Tsai Ing-wen Era / M. McConaghy // *Open Cultural Studies*. – 2021. – Vol. 6. – No. 1. – P. 38-53.
245. Nachman L. Feeling Blue: Are Taiwanese Youth Becoming Less Pro-independence? / L. Nachman // *Wilson China Fellowship*. – 2024. – P. 301-319.
246. Niou E.M.S. Understanding Taiwan Independence and Its Policy Implications / E.M.S. Niou // *Asian Survey*. – 2004. – Vol. 44. – No. 4. – P. 555-567.

247. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. 1998. – Vol. 51. – No. 1. – P. 144-172.
248. Ross R.S. Explaining Taiwan's Revisionist Diplomacy / R.S. Ross // Journal of Contemporary China. – 2006. – P. 443-458.
249. Sandel T.L. Linguistic Capital in Taiwan: The KMT's Mandarin Language Policy and Its Perceived Impact on Language Practices of Bilingual Mandarin and Tai-gi Speakers / T.L. Sandel // Language in Society. – 2003. – Vol. 32. – P. 523-551.
250. Schiller K. Political Militancy and Generation Conflict in West Germany During the Red Decade / K. Schiller // Debatte. – 2003. – Vol. 11. – No. 1. – P. 19-38.
251. Schubert G. Taiwan Political Parties and National Identity: The Rise of an Overarching Consensus / G. Schubert // Asian Survey. – 2004. – Vol. 44. – No. 4. – P. 534-554.
252. Schubert G. The Political Thinking of the Mainland Taishang: Some Preliminary Observations from the Field / G. Schubert // Journal of Current Chinese Affairs. – 2010. – No. 1. – P. 73-110.
253. Sears D.O., Valentino N.A. Politics Matters: Political Events as Catalysts for Preadult Socialization / D.O. Sears, N.A. Valentino // American Political Science Review. – 1997. – Vol. 91. – No. 1. – P. 45-65.
254. Shattuck T.J. The Race to Zero? China's Poaching of Taiwan Diplomatic Allies / T.J. Shattuck // Elsevier. – 2020. – P. 334-352.
255. Sheriff G.I., Chubado B.T., Ahmet A. The One-China Policy and Implications of U.S. Invariable Support for Taiwan / G.I. Sheriff, B.T. Chubado, A. Ahmet // African Journal of Law, Political Research and Administration. – 2021. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 40-52.
256. Shih E. The Conduct of U.S.–Taiwan Relations, 2000–2004 / E. Shih // Center for Northeast Asian Policy Studies. – 2004. – 23 p.
257. Soeya, Y. Japan: normative constraints versus structural imperatives / Y. Soeya // Stanford University Press. – 1998. – P. 198-233.

258. Sullivan J. Electronic Resources in the Study of Elite Political Behavior in Taiwan / J. Sullivan // The China Quarterly. – 2013. – No. 213. – P. 172-188.
259. Sullivan J. Time Matters in Cross-Strait Relations: Tsai Ing-wen and Taiwan's Future / J. Sullivan // The China Quarterly. – 2024. – 16 p.
260. Sullivan J. Chen Shui-bian: On Independence / J. Sullivan // The China Quarterly. – 2010. – No. 203. – P. 619-638.
261. Taylor J.E. The Production of the Chiang Kai-shek Personality Cult, 1929–1975 / J.E. Taylor // Cambridge: Cambridge University Press. – 2006. – No. 185. – P. 96-110.
262. Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power / S.M. Walt. – Boston: International Security. – 1985. – Vol. 9. – No. 4. – 41 p.
263. Wu C.K.S. How Public Opinion Shapes Taiwan's Sunflower Movement / C.K.S. Wu // Journal of East Asian Studies. – 2019. – Vol. 19. – P. 289-307.
264. Wu J. Taiwan Sunflower Occupy Movement as a Transformative Resistance to the China Factor / J. Wu // Ithaca: Cornell University Press. – 2019. – P. 215-240.
265. Yang D., Chang M. Understanding the Nuances of Waishengren / D. Yang, M. Chang // China Perspectives. – 2010. – No. 3. – P. 108-122.

в) на китайском языке

266. Цзе Далэй [节大磊]. Заблуждения о тайваньской идентичности [台湾认同的迷思] / Далэй Цзе [大磊节] // Вестник факультета международных отношений Пекинского университета [北京大学国际关系学院]. – 2015. – P.128-139.
267. Укрепление и углубление мирного развития отношений между двумя берегами [两岸关系和平发展的巩固与深化]: сборник материалов научной конференции Всекитайского общества исследований Тайваня 2012 года [全国台湾研究会 2012 年学术研讨会论文选编] / Чжоу Чжихуай [周志怀] (гл. ред.) // Пекин: Цзючжоу чубаньшэ [九州出版社]. – 2013. – 544 с.

268. Се Фушэн [謝復生], Нью Минши [牛銘實], Линь Хуйпин [林慧萍].
Голосование по вопросам повестки на выборах губернаторов и мэров 1994
года на Тайване: анализ с точки зрения теории рационального выбора [民
國八十三年省市長選舉中之議題投票：理性抉擇理論之分析] / Фушэн Се,
Минши Нью, Хуйпин Линь [謝復生, 牛銘實, 林慧萍] // Исследование
выборов [選舉研究]. – 1995. – Vol. 2. – No. 1. – P. 77-92.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1. Первое поколение. Статистика за 1994 г.⁴⁴⁷

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
1-поколение бэньшэньжэнь	0%	3%	42%	33%	20%
1-поколение вайшэньжэнь	24%	52%	22%	6%	1%

Таблица 2. Первое поколение. Статистика за 2000 г.

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
1-поколение бэньшэньжэнь	0%	8%	55%	27%	9%
1-поколение вайшэньжэнь	26%	49%	24%	1%	0%

Приложение 2

Таблица 1. Второе поколение. Статистика за 1994 г.⁴⁴⁸

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
2-поколение бэньшэньжэнь	0%	4%	45%	32%	19%
2-поколение вайшэньжэнь	10%	46%	41%	3%	0%

⁴⁴⁷ Составлено автором на основании источников:

Шао Цзунхай., Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое создание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與]. – Бюро расследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005. – URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁴⁸ Ibid.

Таблица 2. Второе поколение. Статистика за 2000 г.

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
2-поколение бэньшэньжэнь	0%	10%	58%	25%	7%
2-поколение вайшэньжэнь	14%	45%	39%	2%	0%

Приложение 3

Таблица 1 Третье поколение. Статистика за 1994 г.⁴⁴⁹

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
3-поколение бэньшэньжэнь	0%	5%	48%	31%	16%
3-поколение вайшэньжэнь	12%	48%	38%	3%	0%

Таблица 2 Третье поколение. Статистика за 2000 г.

Поколения	Немедленное объединение	Постепенное объединение	Статус-кво	Постепенная независимость	Немедленная независимость
3-поколение бэньшэньжэнь	0%	9%	57%	26%	8%
3-поколение вайшэньжэнь	15%	46%	37%	2%	0%

⁴⁴⁹ Составлено автором на основании источников:

Шао Цзунхай., Тан Юли [邵宗海, 唐玉禮]. Этническое создание и политическое участие в Тайваньском регионе [臺灣地區的族群差異意識與政治參與]. – Бюро исследований Министерства юстиции [法務部調查局]. – 2005. – URL: https://www.mjib.gov.tw/FileUploads/eBooks/a58c4f817c8d42148ce47f7044bb24b1/Section_file/e6c17a400e7447f6a6a8e3d0d6123812.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

Вопрос 1: в нашем обществе некоторые люди считают, что следует укреплять экономические отношения с КНР, и есть те, кто считает, что нужно сокращать. Какой точки зрения Вы придерживаетесь⁴⁵⁰:

Укреплять экономические связи с КНР	48,5%
Ослабить экономические связи с КНР	29,5%
Затрудняюсь ответить	22,1%

Вопрос 2: считаете ли Вы, что если Тайвань будет слишком зависим от КНР в экономическом плане, то КНР будет использовать эту зависимость, чтобы принудить Тайвань к политическим уступкам?

Абсолютно не согласен	12,5%
Не согласен	27,8%
Частично согласен	27,3%
Абсолютно согласен	21,3%
Затрудняюсь ответить	11,1%

Вопрос 3: Лай Циндэ считает себя «прагматичным сторонником независимости Тайваня. Вы поддерживаете его курс на достижение независимости, или считаете, что стоит стремиться к улучшению отношений с материковым Китаем?

Продвигать независимость Тайваня	14,2%
Улучшить отношения с КНР	72,0%
Затрудняюсь ответить	13,8%

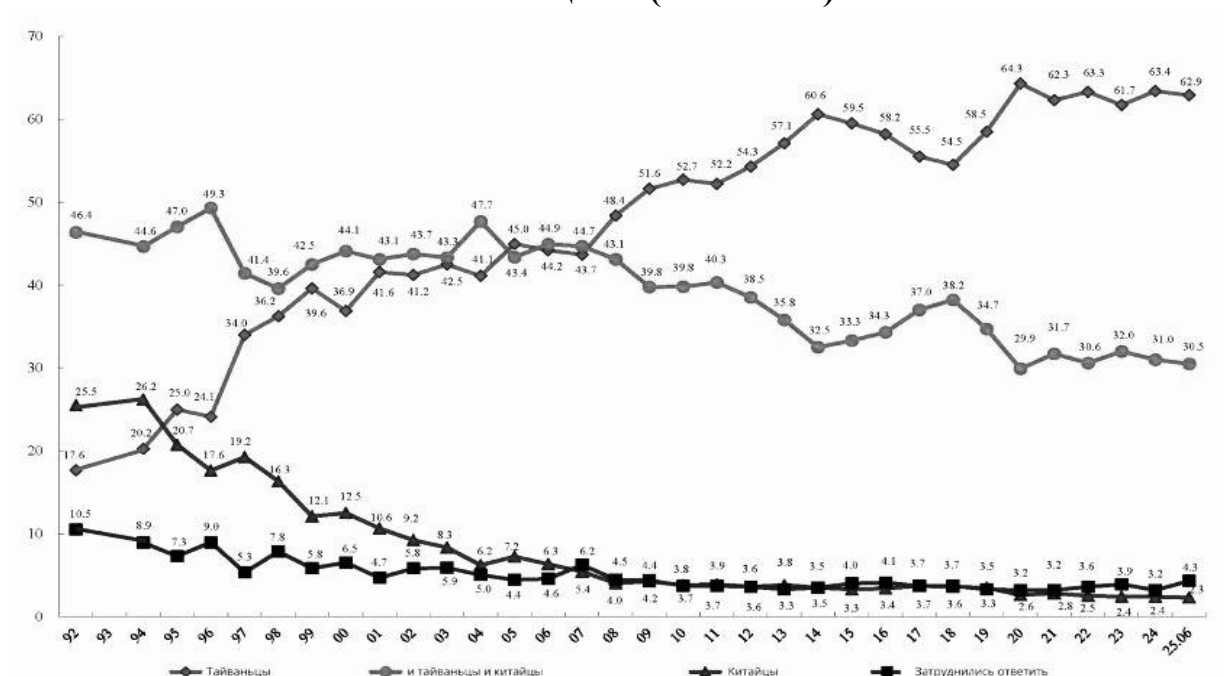
⁴⁵⁰ Составлено автором на основании следующего источника: TNSS Survey Data (2002-2025) // Taiwan National Security Studies. – 2025. – URL: <https://sites.duke.edu/tnss/tnss-survey-data/> (дата обращения: 08.06.2026).

Вопрос 4: позиция по вопросу объединения и независимости

Как можно скорее объединиться с Китаем	1,2%
Сохранить статус-кво, а потом двигаться к объединению	7,5%
Сохранить статус-кво и решать вопрос об объединении или независимости от обстоятельств	27,1%
Навсегда сохранить нынешнее положение	34,9%
Сохранить статус-кво, а потом двигаться к независимости	19,5%
Как можно скорее провозгласить независимость	3,4%
Затрудняюсь ответить	6,5%

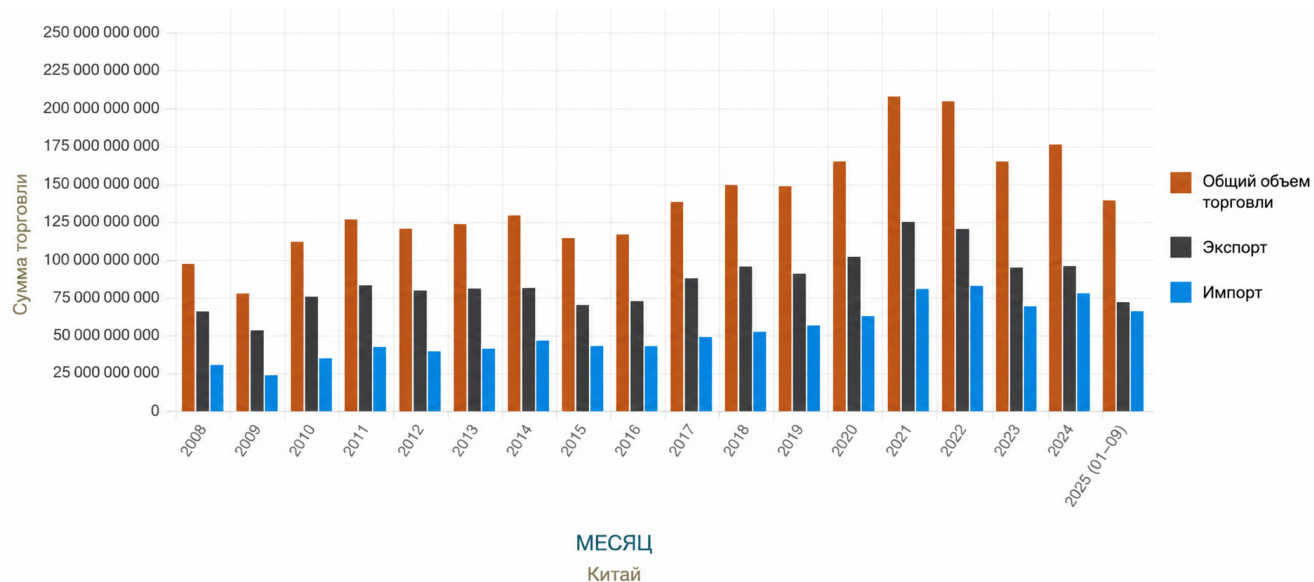
Приложение 5.

График 1. Соотношение количества населения, идентифицирующих себя как «тайваньцы», и граждан, считающих себя «китайцами»/ «и тайваньцами, и китайцами» (1992-2025)⁴⁵¹

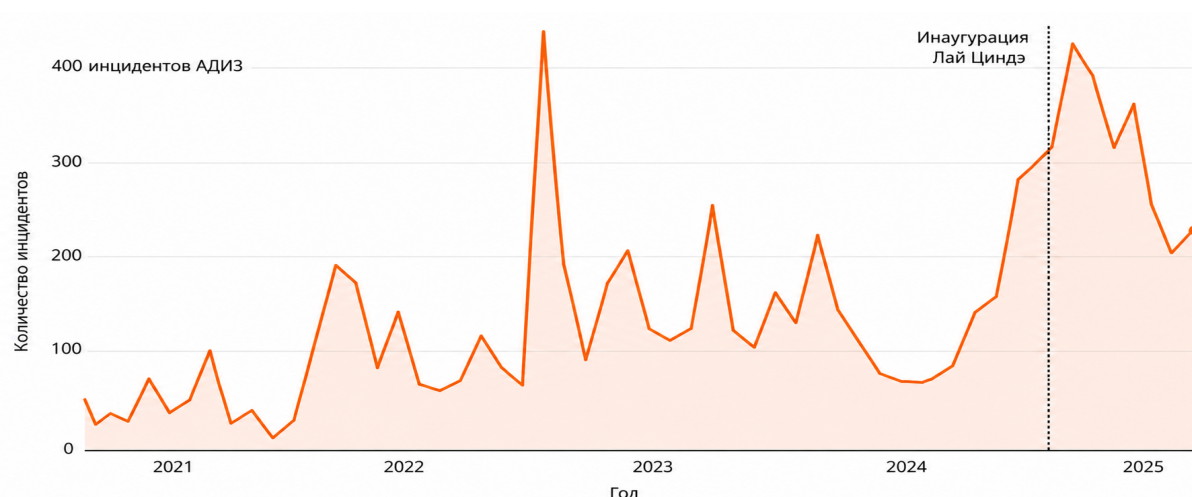

⁴⁵¹ Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) // Election Study Center, National Chengchi University. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (дата обращения: 08.06.2026).

Динамика товарооборота между Тайванем и КНР (2008 – 2025 гг.⁴⁵²)

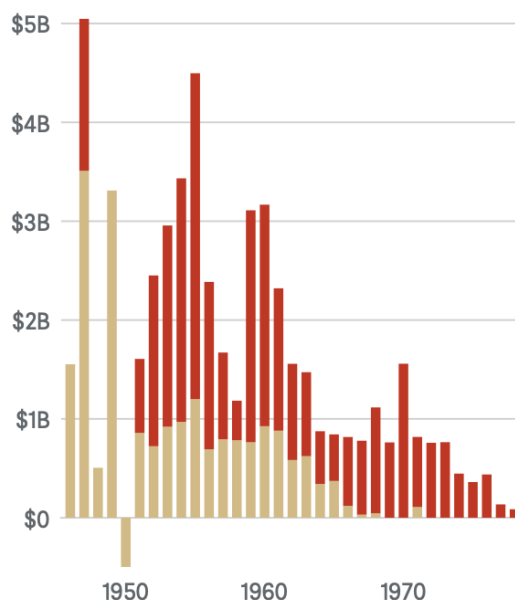
Отчет о деятельности Народно-освободительной армии Китая в морском и воздушном пространстве вокруг Тайваньского пролива с 2021 – 2025 г.⁴⁵³

⁴⁵² International Trade Administration Trade statistics // Data Query. – URL: <https://publicinfo.trade.gov.tw/cusweb/FSC3000C?table=FSC3030F> (дата обращения: 08.06.2026).

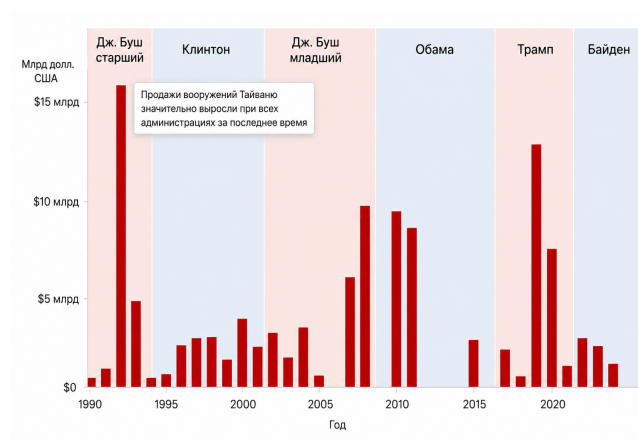
⁴⁵³ China Escalates Cross-Strait Military Activity under Taiwan President William Lai. – 2024. – URL: <https://www.csis.org/analysis/china-escalates-cross-strait-military-activity-under-taiwan-president-william-lai> (дата обращения: 08.06.2026).

Динамика экономической и военной помощи США Китайской Республики (1948–1975гг.⁴⁵⁴)

(сумма пересчитана на с учетом инфляции (в доллары 2022 г.)

Динамика продажи вооружений Тайваню (1990 – 2023)⁴⁵⁵

⁴⁵⁴ U.S Military Support for Taiwan in Five Charts // Council on Foreign Relations. – 25.09.2024. – URL: https://www.cfr.org/article/us-military-support-taiwan-five-charts?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).

⁴⁵⁵ U.S Military Support for Taiwan in Five Charts // Council on Foreign Relations. – 25.09.2024. – URL: https://www.cfr.org/article/us-military-support-taiwan-five-charts?utm_source (дата обращения: 08.06.2026).